

Б2 3 738

35990 ⁸⁷ ср. Шимелевич, М.~~Кудринский, ср.~~~~Митович~~

Городъ Лида и Лидскій замокъ.

(Историческій очеркъ).

Лида, нынѣ уѣздный городъ Виленской губерніи, а въ древности центръ одной изъ великокняжескихъ волостей, расположена подъ $53^{\circ}53'$ с. ш. и $42^{\circ}58'$ в. д., на правомъ берегу р. Лиды, впадающей въ Нѣманскій притокъ Дитву, въ 89 вер. отъ г. Вильны. Окрестности Лиды представляютъ собою почти совершенную равнину, только въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерѣзанную пологими долинами небольшихъ ручьевъ и рѣчекъ и въ значительной части покрытую лѣсами.

Мѣстность эта, первоначально занятая однимъ изъ литовскихъ племенъ, — повидимому, Черомой, — въ концѣ первой половины XI в. вошла въ составъ русскихъ владѣній. По словамъ историковъ Литвы, великій князь кievскій Ярославъ I Владимировичъ въ 1040 и 1044 г.г. совершилъ два похода на Литву и, разбивъ литовцевъ въ окрестностяхъ г. Слонима, перешелъ р. Нѣманъ и завладѣлъ ихъ землями вплоть до р. Вилии. ¹⁾ Съ тѣхъ поръ до половины XIII в. р. Вилия составляла граничную черту между литовскими и русскими владѣніями, при чемъ правый берегъ ея назывался Литовскимъ берегомъ, а лѣвый Русскимъ или Русскою стороною. ²⁾ Уже въ началѣ XII в. на Русской сторонѣ р. Вилии существовало нѣсколько удѣльных русскихъ княжествъ, изъ числа которыхъ чаще другихъ въ исторіи упоминается Гродненское ³⁾.

Оттѣсненные за р. Вилию литовцы спокойно сидѣли среди своихъ лѣсовъ до половины XII в., когда одинъ изъ литовскихъ князей Куносъ, по словамъ литовской лѣтописи ⁴⁾, «пануючи въ земли Жмоидской, почалъ множити и разширати и выходити за рѣку Веллю». Выходъ Куносы за Виллю, повидимому, поставилъ въ нѣкоторую зависимость отъ него Русскую сторону. Между прочимъ лѣтописи сохранили извѣстіе о гродненскомъ князѣ Володарѣ Глѣбовичѣ, который опираясь на тѣсный союзъ съ Литвою, навелъ грозу на своихъ родственниковъ. Въ 1159 г., когда всѣ полоцкіе князья заключили временный миръ и цѣловали другъ другу крестъ, Володаръ

¹⁾ *Opis*. Dzieje Narodu Litewskiego, III, 225, 233 и 235.

²⁾ Выховца (1846), 4.

³⁾ *Opis*. Dzieje Narodu Litewskiego, III, 225, 233 и 235.

⁴⁾ Выховца, 2—3.

Глѣбовичъ уклонился отъ общаго замиренія: «не цѣлова креста, тѣмъ оже ходяше подѣ Литвою въ лѣсѣхъ». ⁵⁾ Далѣе въ источникахъ проскальзываютъ извѣстія, что изъ за обладанія Русскою стороною между Литвою и Русью велась упорная борьба, окончившаяся тѣмъ, что въ 1219 г. девятнадцать литовскихъ князей явились къ великой княгинѣ Романовой (вдовѣ Романа Мстиславича Галицкаго) и ея сыновьямъ Даниилу и Васильку и заключили миръ. ⁶⁾ Русская сторона осталась подѣ властью русскихъ князей до половины XIII в.

Въ 1242 г. татарскіе отряды совершенно опустошили Черную Русь и Русскую сторону. Литовскіе князья, пользуясь тѣмъ, «пкъ Русская сторона сторону и русскіе князи разогнаны», въ 1246 г. во главѣ съ Эрдвилломъ Монтиловичемъ, переправившись чрезъ Вилію и Нѣманъ, безпрепятственно заняли всю Русскую сторону и Черную Русь. ⁷⁾ Съ тѣхъ поръ до конца XVIII в. вся эта мѣстность постоянно находилась въ составѣ литовскихъ земель.

Около 1330 г. въ Русской сторонѣ, на правомъ берегу р. Нѣмана, и Воскресенская лѣтопись и хроника Стрыйковского въ первый разъ упоминаютъ имя литовскаго города Лиды ⁸⁾. Хотя имя Лиды до тѣхъ поръ ни въ одномъ изъ первоисточниковъ и не встрѣчается, но несомнѣнно, что поселеніе это принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ поселеній литовцевъ и существовало уже въ X в., т. е. до того времени, когда Русская сторона не была еще во владѣніи русскихъ князей. На это обстоятельство между прочимъ указываетъ литовское происхожденіе самого названія «лида», означающаго въ переводѣ на русскій языкъ—лѣсной теребежь, пасѣку, вообще мѣстность, очищенную отъ росшаго на ней лѣса ⁹⁾. Несомнѣнно также, что Лида еще въ половинѣ XIII в. представляла собою укрѣпленный пунктъ, такъ какъ Ипатская лѣтопись при описаніи княженія Войшелка упоминаетъ, что онъ при помощи Шварна и Василька «ималъ города въ Литвѣ и въ Налцанохъ» ¹⁰⁾.

Неоднократныя появленія русскихъ князей и татаръ на лѣвомъ берегу верхняго теченія р. Нѣмана и желаніе обезпечить отъ нападений ихъ границы собственной Литвы и новой литовской столицы Вильны, заставили Гедимина соорудить въ Лидѣ, на мѣстѣ стараго деревяннаго укрѣпленія, новый замокъ. Пишутъ, что основаніе новаго Лидскаго замка было положено Гедиминомъ въ 1323 г., а постройка его тянулась нѣсколько лѣтъ, при чемъ замокъ строили плѣнные воины, подѣ руководствомъ выписанныхъ изъ Кіева мастеровъ ¹¹⁾.

⁵⁾ Ипат. лѣт., Карамзинъ, II, примѣч. 386.

⁶⁾ Ibid., III, примѣч. 190.

⁷⁾ Лѣтопись Быховца, 3—4; Strykowski, I, 233—237.

⁸⁾ Полное Собр. Рус. Лѣт., VIII, Воскрес., 240; Stry

⁹⁾ Narbutt, Dzieje, V, прилож. I.

¹⁰⁾ Карамзинъ, IV, примѣч. 142.

¹¹⁾ Narbutt, Dzieje, V, прилож. I.

Гедиминъ, незадолго до своей смерти, распредѣляя удѣлы между своими сыновьями, Лидскій замокъ съ тянувшею къ нему любовью, въ качествѣ Трокскаго пригорода, отдалъ Кейстуту¹²⁾. Въ 1346 г. Лидская волость была уступлена Кейстутомъ брату своему Ольгерду, который около 1370 г. отдалъ ее въ держанье своему придворному любимцу и вмѣстѣ съ тѣмъ челоуѣку низкаго происхожденія нѣкому Войдылѣ. Лѣтопись Быховца (стр. 23) рассказываетъ, что «некто панъ былъ холопъ у великаго князя Ольгерда, паробокъ невольны, звали его Войдыломъ; первіе былъ пекаръ, потомъ уставиъ его постелю слати и воду давати собѣ пити, а потомъ и велми полюбилса ему и далъ былъ ему Лиду держати и повелъ былъ его у доброе». По смерти Ольгерда, Войдыла возвыслса еще болѣе: благодаря своему уму и хитрости, онъ сумѣлъ подчинить себѣ слабохарактернаго Ягайлу и началъ оказывать вліяніе на государственныя дѣла; Ягайло же пожаловалъ Войдылѣ боярское достоинство и выдалъ за него замужъ свою родную сестру Марію. Последній поступокъ Ягайлы сильно оскорбилъ самолюбіе дяди его старика Кейстута, который открыто началъ укорять свою родню за связь ея съ челоуѣкомъ низкаго происхожденія. Войдыла же началъ мстить за это Кейстуту. Взаимная вражда окончилась тѣмъ, что Кейстутъ, зная о заключенномъ противъ него союзѣ между Ягайломъ и крестоносцами, внезапно напалъ на Вильну, схватилъ Ягайлу, а себя превозгласилъ великимъ княземъ. Князь новгородъ-северскій Дмитрій Корыбутъ, родной братъ Ягайлы, вступилса за послѣдняго и началъ угрожать Кейстуту. Кейстутъ выступилъ противъ Корыбута и по дорогѣ въ его удѣлъ напалъ на Дубровну, въ 5 вер. отъ Лиды, схватилъ здѣсь Войдылу и приказалъ его повѣсить (въ 1381 г.)¹³⁾.

Однако и Кейстутъ не долго сидѣлъ на великокняжескомъ престолѣ. Въ 1383 г. Ягайло подъ предлогомъ примиренія заманилъ его къ себѣ, задержалъ и отослалъ въ Кривскій замокъ, въ подзелье котораго несчастный старикъ былъ задушенъ. Такая же участь грозила и Витовту, но онъ успѣлъ бѣжать къ нѣмецкимъ рыцарямъ, съ которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тревожилъ Литву.

Со смертью Войдылы Лидская волость перешла во владѣніе Ягайлы, который въ грамотахъ титуловалъ себя княземъ витебскимъ, кривскимъ и лидскимъ¹⁴⁾.

Въ то время Лидская волость занимала собою только незначительную юго-восточную часть нынѣшняго Лидскаго уѣзда, именно, тѣ самыя земли, изъ которыхъ въ XV—XVI в. былъ составленъ Лидскій повѣтъ. Съ одной стороны она р. р. Жижмой и Гавьей от-

¹²⁾ Strykowski. I. 381.

¹³⁾ Daniłowicz. Skarbiec Dyplomatów. I. № 477, примѣч. 8.

¹⁴⁾ Bałłski. Starożytna Polska. III. 253.

дѣлялась отъ волости Виленскаго пригорода Ошмянъ, а съ другой стороны посредствомъ р. Дитвы граничила съ Трокскимъ княжествомъ ¹⁵⁾.

Въ 1391 г. Ягайло отдалъ Лиду Дмитрію Корибуту, а въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, сильный отрядъ нѣмецкихъ рыцарей, въ рядахъ котораго находился и самъ Витовтъ, перейдя по льду у м. Олиты р. Нѣманъ, неожиданно появился у стѣнъ Лидскаго замка, сжегъ прилегающую къ нему часть города и потребовалъ сдачи его Витовту. Устрашенный первыми дѣйствіями рыцарей, Дмитрій Корибутъ въ глухую полночь тайно выступилъ со всѣмъ своимъ отрядомъ изъ стѣнъ замка, оставляя его безъ боя Витовту, и направился въ Новогрудокъ. Пишутъ, что крестоносцы вывезли тогда отсюда большіе запасы оружія, провіанта и т. п. Получивъ такимъ образомъ въ свое владѣніе Лидскій замокъ, Витовтъ въ скоромъ времени заново перестроилъ его и сдѣлалъ изъ него одно изъ сильнѣйшихъ укрѣпленій на Литвѣ ¹⁶⁾.

4 августа 1392 г. въ им. Островѣ, въ 9 вер. отъ г. Лиды, между Витовтомъ и Ягайломъ были подписаны условія вѣчнаго мира, при чемъ Лидская волость осталась во владѣніи Витовта. Это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ новой междоусобной войнѣ. Корибутъ потребовалъ у Витовта возврата имъ Лиды, но получивъ отказъ, въ началѣ осени 1392 г. собралъ значительное наемное войско и выступилъ съ нимъ противъ Витовта. Витовтъ не допустилъ Корибута къ стѣнамъ Лидскаго замка и встрѣтилъ его на берегу р. Нѣмана. У с. Докудова произошла короткая, но жаркая битва. Корибутъ не устоялъ и отступилъ къ Новогрудку, но и здѣсь онъ защищаться не умѣлъ, былъ разбитъ, захваченъ въ плѣнъ и со всѣмъ своимъ семействомъ отосланъ къ Ягайлѣ въ Польшу ¹⁷⁾.

Въ 1397 г. Витовтъ отдалъ Лидскую волость во владѣніе бѣжавшему подъ его покровительство хану, нѣкогда грозной Золотой Орды, Тохтамышу. Тохтамышъ два съ лишнимъ года прожилъ въ г. Лидѣ, въ особомъ домѣ, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположены дома плебаніи р.-католическаго костела. Мѣстность эта долгое время носила названіе Тохтамышева двора ¹⁸⁾.

Планы Витовта о возведеніи на престолъ Золотой Орды Тохтамыша и о завоеваніи Москвы и всей Руси разбились на р. Ворсклѣ. Однако Витовтъ не упалъ духомъ и въ 1405 г. захватилъ Смоленскъ. Князь Юрій Святославичъ Смоленскій, оставивъ жену и дѣтей въ городѣ, бѣжалъ въ Москву. Витовтъ взялъ въ плѣнъ княжеское семейство и вмѣстѣ съ боярами отослалъ его въ Литву.

¹⁵⁾ М. Любавскій. Областное дѣл. и мѣстное управл. Лит.-Рус. Госуд. (1890), 95—96, 126—133, 160, 159, 156, 153, 151—152.

¹⁶⁾ Narbutt. V. 245; Balinski, III, 253; «Кругозоръ», 1876, № 22.

¹⁷⁾ Дѣтописъ Быховца, 33; Strykowski, II, 101; Daniłowicz, Skarbiec, I, № 617 и 618.

¹⁸⁾ Живописная Россія, изд. Вольфа, III, ч. II.

гдѣ и поселилъ въ Лидскомъ замкѣ. По свидѣтельству записокъ настоятеля Лидскаго костела кс. Стогнѣва, составленныхъ около 1450 г., кн. Юрій Святославичъ, желая освободить свое семейство изъ плѣна, 5 августа 1406 г. со значительнымъ вооруженнымъ отрядомъ подступилъ къ Лидѣ, сжегъ городъ и началъ дѣлать приступы къ замку по лидскій староста Яковъ изъ Селицы отбилъ приступы Юрія и заставилъ послѣдняго отступить по дорогѣ въ Вильну¹⁹⁾.

Въ 1422 г. Лидѣ пришлось быть свидѣтельницею великолѣпнаго свадебнаго пира. Въ февралѣ этого года въ г. Новогрудкѣ состоялось четвертое бракосочетаніе престарѣлаго польскаго короля Владислава Ягайлы съ княжною кievскою Софіей, а празднованіе свадьбы, по приглашенію гостепрѣимнаго Витовта, было назначено въ г. Лидѣ. Сюда собралось множество гостей, въ числѣ которыхъ былъ нунцій папы Мартина V Антоній Зено, прибывшій въ Литву для разслѣдованія споровъ съ Орденомъ. Витовтъ вообще любилъ показывать блескъ своего двора и свое прямо баснословное гостепрѣимство. Достаточно вспомнить приемы гостей Витовтомъ въ Луцкѣ и Трокахъ, чтобы судить о томъ, до какихъ размѣровъ его гостепрѣимство доходило. Веселья пиршества въ Лидѣ продолжались до великаго поста и долго доставляли матерьялъ для разсказовъ о проявленномъ здѣсь великолѣпнѣ²⁰⁾.

По смерти Витовта великимъ княземъ Литовскимъ былъ провозглашенъ Свидригайло, родной братъ Ягайлы. Свидригайло, желая разорвать всякую связь между Литвой и Польшей, немедленно поднялъ войну противъ Ягайлы, почему и былъ лишенъ великаго княженія, а литовскій престолъ занялъ по избиранію младшій братъ Витовта Сигизмундъ. Между Свидригайломъ и Сигизмундомъ завязалась война. Сигизмундъ своими войсками занялъ нѣкоторые литовскіе города, а въ томъ числѣ и Лиду. Въ августѣ мѣсяцѣ 1433 года Свидригайло двинулся отнимать города, занятые Сигизмундомъ. Отрядъ Свидригайлы, состоявшій изъ тверскаго полка, татаръ и литовскаго ополченія изъ Опшмянъ, подступилъ къ Лидѣ. Гарнизонъ Сигизмунда, защищавшій Лидскій замокъ, несмотря на энергичныя дѣйствія Свидригайлы, замка не сдалъ и Свидригайло ограничился только тѣмъ, что сжегъ до тла весь городъ и отступилъ къ Трокамъ²¹⁾.

Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ и окончилась тѣмъ, что Свидригайло бѣжалъ въ Молдавію, а Сигизмундъ началъ управлять государствомъ. Послѣ убійства Сигизмунда одна изъ партій хотѣла возвести на литовскій престолъ сына его Михаила, но не смотря на то, что въ рукахъ послѣдняго были такіе важные въ военномъ отношеніи пункты какъ Троки, Лиды и др., ему овладѣть

¹⁹⁾ Narbutt, V, прилож. I; Balinski, III, 254.

²⁰⁾ Balinski, III, 254; «Кругозоръ», 1876, № 22.

²¹⁾ Strykowski, II, 189; Narbutt, V, прилож. I; VII, 350.

престоломъ не удалось, такъ какъ престолъ этотъ болѣе сильною партією былъ предоставленъ сыну Владислава Ягайлы Казимиру.

Въ то время лидскимъ старостою былъ сынъ или внукъ Тахтамыша, послѣдняя отрасль знаменитаго рода Чингисъ-хана, Девлетъ Хаджи-Гирей. Во время войны Свидригайлы съ Сигизмундомъ онъ оказалъ послѣднему какую-то услугу и за то получилъ въ держанье Лидскую волость, а затѣмъ, по объявленіи великимъ княземъ Казимира, Хаджи-Гирей безпрекословно сдалъ послѣднему Лидскій замокъ почему былъ оставленъ здѣсь старостою и на дальнѣйшее время ²²).

Въ 1445 г. перекопскіе татары просили великаго князя Казимира-даты имъ хана, при чемъ указывали на Хаджи-Гирея, какъ на потомка знаменитыхъ своихъ вождей, вполне достойнаго занять это мѣсто. Казимиру представился случай припомнить величіе и блескъ Витовтова двора. Въ 1446 г. лидскій староста былъ вызванъ въ Вильну и здѣсь по стародавнему обычаю, въ присутствіи татарскихъ пословъ и множества сановниковъ, торжественно облаченъ въ ханскую мантию и провозглашенъ ханомъ Перекопской орды. ²³).

Послѣ Хаджи-Гирея Лидская волость или отдавалась въ пользование разнымъ лицамъ за заслуги или же управлялась намѣстниками великаго князя. До начала XVI в. лидскими державцами и намѣстниками были: Паць, Иванъ Кучуковичъ, Станиславъ Петрашквичъ и Глѣбъ Сапѣга. Въ 1503 г. волость эта была отдана въ держанье пану Криштофу Ильиничу, но въ слѣдующемъ году, король Александръ Казимировичъ, по протекціи князя Михаила Глинскаго, имѣвшаго въ то время громадное значеніе при дворѣ, лишилъ его этой державы и отдалъ ее пану Андрею Александровичу Дрозду. Обиженный Ильиничъ на распоряженіе короля занесъ жалобу къ панамъ—рады в. кн. Литовскаго. Жалоба Ильинича получила поддержку со стороны пановъ—рады, которые постановили напомнить королю о томъ, что онъ не имѣетъ права безъ суда лишать кого либо пожизненной должности, а впрямь до окончанія дѣла приостановили ввѣдъ Дрозда во владѣніе Лидскою волостью. Но Александръ Казимировичъ, подъ влияніемъ Глинскаго, съ негодованіемъ отнесся къ такому рѣшенію рады и нѣкоторыхъ изъ ея членовъ лишилъ даже должностей, а Ильинича, какъ непослушнаго королевской волѣ, приказалъ взять подъ стражу. Такой неожиданный оборотъ дѣла смутилъ всю литовскую аристократію. На Радомскомъ сеймѣ 1506 года на короля со всѣхъ сторонъ посыпались упрёки, но рѣче другихъ осуждалъ его поступокъ Виленскій епископъ Таборъ. Онъ публично передъ королемъ произнесъ по этому поводу рѣчь, которую закончилъ проклятіемъ. Пишутъ, что при послѣднихъ словахъ епископа король упалъ, пораженный параличемъ ²⁴).

²²) Narbutt, VIII, 10, 18, 53.

²³) Лѣтопись Выховца. 56; Strykowski, II, 212—213; Narbutt, VIII, 53—54.

²⁴) Лѣтопись Выховца: «и скорѣе то бискупъ вымовилъ, на тыхмѣсть короля забилъ немощъ парализыкова...» (стр. 75); Narbutt, VIII, 441—445.

Александръ Казимировичъ опасно заболѣлъ. Пользуясь его болѣзнью татары совершили страшное нашествіе на Литву. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1506 г. пятидесятитысячная татарская орда подъ предводительствомъ Бити-Гирея и Бурнашъ-Салтана, переправилась чрезъ р. Припеть, разграбила Мозырь и Слуцкъ и остановилась главнымъ кошемъ при Кленкѣ. Извѣстіе о татарскомъ нашествіи было получено въ Вильнѣ лишь тогда когда передовые татарскіе отряды появились на берегахъ р. Нѣмана. Большой король въ виду грозившей опасности объявилъ посполитое рушеніе, т. е. поголовное вооруженіе дворянства на защиту отечества. Мѣстомъ сбора ополченія была назначена Лида, а главное начальство надъ ополченіемъ вручено князю Михаилу Глинскому. Но ополченіе, не смотря на близость опасности, собралось слишкомъ медленно. Наконецъ въ Лидѣ собралось 3 т. человекъ, но и тѣ не хотѣли выступить противъ непріятеля подъ начальствомъ нелюбимаго кн. Глинскаго и безцеремонно требовали, чтобы во главѣ ополченія сталъ самъ король. Совершенно больной Александръ Казимировичъ былъ вынужденъ прибыть въ Лиду. Его сопровождала неутѣшная супруга Елена Іоанновна, канцлеръ Ласскій и нѣсколько другихъ приближенныхъ къ королю лицъ, въ томъ числѣ виленскій епископъ Таборъ.

Тѣмъ временемъ татары успѣли переправиться на правый берегъ р. Нѣмана и начали грабить и жечь поселенія въ южныхъ волостяхъ Трокскаго воеводства—Бѣлицу, Жолудокъ и др.

По прибытіи короля въ Лиду сборъ ополченія увеличился еще на 4 т. человекъ, но предводительствовать ими король уже не могъ: онъ совершенно лишился силъ и началъ приготовляться къ смерти. 24 іюля 1506 г. въ покояхъ Лидскаго замка Александръ Казимировичъ исповѣдывался, причастился св. Таинъ и подписалъ духовное завѣщаніе.

Между тѣмъ татары, нисколько не стѣняясь близостью литовскаго ополченія, уже разоряли окрестности Лиды. «И скоро прошли за Нѣманъ, говоритъ лѣтописецъ Быховца (стр. 76), и не доходячи Лиды, около города, отъ всехъ сторонъ въ мши и въ полумши отъ города, воевали церкви Божіе, и дворы великіе, и веси зажигали, и людей имали и забивали». Одинъ изъ высланныхъ въ окрестности города разъѣздовъ, въ 7 вер. отъ Лиды встрѣтилъ на грабежѣ толпу татаръ, разбилъ ее и въ знакъ побѣды принесъ въ городъ на пикахъ девять татарскихъ головъ.

Извѣстіе о близости татаръ поразило всѣхъ, но въ особенности лицъ, окружавшихъ короля, котораго было рѣшено перевезти въ столицу. Умирающаго Александра Казимировича уложили въ носилки, привѣшенные между двухъ лошадей, и въ сопровожденіи двора и небольшого охраннаго отряда, раннимъ утромъ 27 іюля 1506 г. вывели изъ Лиды въ Вильну.

Велѣдъ за выѣздомъ короля ополченіе, во главѣ съ княземъ Глинскимъ и намѣстникомъ Гетмана Станиславомъ Кишкой, высту-

нило изъ Лиды противъ татаръ. Въ кровопролитной битвѣ у м. Клеца татары были разбиты на голову. Радостное извѣстіе о побѣдѣ застало Александра еще въ живыхъ; онъ не могъ уже говорить, но только жестами выражалъ свою радость и благодарность Богу. Александръ умеръ въ ночь на 20 августа 1506 г. ²⁵⁾.

Городъ Лида до временъ Сигизмунда-Августа представляла собою лишь центръ великокняжеской волости, а съ 1413 г. и особаго военного повѣта или такъ называемаго хоружства. Въ 1568 г. на вальномъ Виленскомъ сеймѣ состоялось постановленіе о присоединеніи къ присуду Лидскаго повѣта Эйшишскаго, Радунскаго, Ковнянскаго, Дубичскаго, Васишинскаго и Остринскаго хоружствъ, состоявшихъ до того времени подъ присудомъ Трокскаго повѣта и воеводства ²⁶⁾. Такимъ образомъ Лида получила значеніе судебнаго и административнаго центра болѣе обширнаго округа, что значительно повліяло на ея ростъ и благосостояніе. Городъ этотъ въ то время еще не пользовался правомъ самоуправленія и наравнѣ съ другими поселеніями числился въ составѣ Лидской волости и отправлялъ службу при Лидскомъ дворѣ.

Лидская великокняжеская волость, называвшаяся въ позднѣйшее время староствомъ, первоначально обнимала собою всѣ земли и поселенія, съ ихъ людьми и доходами, расположенныя между р. Жижмой, Гавьей, Нѣманомъ и Дитвой. Волость эта, считавшаяся во времена Войдылы до 4 тысячъ крестьянскихъ дворовъ ²⁷⁾, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе выдѣла въ частную собственность недвижимыхъ имуществъ, постепенно уменьшалась. Несомнѣнно что изъ состава Лидской волости первымъ былъ выдѣленъ дворъ Дубровно съ тянувшими къ нему поселеніями, записанный Владиславомъ Ягайло 17 февраля 1387 г. въ пользу кафедръ Виленскихъ р.-католическихъ епископовъ ²⁸⁾. Очевидно, что около того-же времени выдѣлился въ частную собственность второй дворъ Докудовъ, принадлежавшій въ XV в. Кучукамъ, а въ 1506 г. перешедшій къ пану Петру Олехновичу Довойновичу. Третій дворъ Жижма уже въ XV в. составлялъ родовую собственность князей Жижемскихъ, послѣ бѣгства которыхъ въ Москву, въ 1551 г. перешелъ въ собственность п. Войтѣха Ясинскаго. Въ 1504 г. король Александръ Казимировичъ выдалъ пану Николаю Петровичу Кишкѣ привилей на село Полудники и дворъ Кривяны. Дворищи уже въ 1524 г. принадлежали въ качествѣ частной собственности пану Юрію Ильничу, которому король Сигизмундъ въ 1525 г. подтвердилъ куплю имѣнія Придыбайловскаго и иншія земли и выслуги. По королевскимъ же привилеямъ отошли въ частную собственность имѣнія—Лойковщина къ Монарскому въ

²⁵⁾ Лѣтопись Быховца, 75—78; Strykowski, II, 329—338; Daniłowicz, II, № 211; Narbutt, 475—485; Bałinski, III, 255; П. Д. Брянцевъ, 314.

²⁶⁾ Документы Московскаго Архива Мин. Юст., I, 486.

²⁷⁾ Narbutt, VIII, Dzieje skrócone, 188.

²⁸⁾ Daniłowicz, I, № 538.

1564 г. Ловчиловичи къ Горочковскому въ 1579 г. и др. Кромѣ этого, въ XVI в. упоминаются еще слѣдующія имѣнія, расположенныя въ б. Лидской волости и составлявшія собственность уже частныхъ лицъ: Бердовка—Бердовскихъ, Заполе—Еленскаго, а съ 1550 г. Юриш Петровича, Перепечицы—Перепечей, Куресовщизна—Новицкихъ, Качаново—луцкаго епископа Яна Андрошевича, Нешиковщизна (Чепаторовское) пана Яеки Нешики, Великій Ольжевъ—пановъ Книшковъ и Малый Ольжевъ—пани Реклевой²⁹). Остальная незначительная часть б. Лидской волости, оставшаяся въ государственной собственности, въ началѣ XVIII в. состояла изъ слѣдующихъ имѣній: Лиды, Кульбакъ, Горней, Цыборъ и Пурстей³⁰). По инвентарю 1680 г. въ составѣ Лидскаго староства числились: городъ Лида и села: Горни, состоявшее въ пожизненномъ пользованіи у полковника Давида Юрдана, Островля, Цыборы и Борки³¹).

По свидѣтельству документовъ XVII в. г. Лида въ древности состояла изъ слѣдующихъ частей: замка, двора, собственно города, предместья его Зарѣчья. Замокъ, какъ это видно изъ сохранившихся до сихъ поръ его развалинъ, былъ расположенъ на природной возвышенности, до 4 саж. высоты, окруженной съ трехъ сторонъ водою р. Лиды и ручья Каменки, а съ четвертой стороны—глубокимъ рвомъ, чрезъ который былъ перекинутъ подъемный мостъ. Стѣны замка, построенныя въ квадратъ, имѣли по 35 саж. въ длину, до 5 саж. въ вышину и 1 саж. въ толщину. Внутреннюю площадь замка занимали деревянныя постройки³²). Замокъ по инвентарямъ, составлялъ государственную собственность, поддерживался и охранялся мѣстными дворянствомъ и служилъ для разныхъ цѣлей, а именно: убожищемъ для окрестныхъ жителей при появленіи неприятеля, складомъ оружія, мѣстомъ для засѣданія судовъ и сбора повѣтовыхъ сеймиковъ, тюрьмой и т. п. Въ 1568 г. лидскіе дворяне просили короля Сигизмунда Августа «абы суды земскіе въ ономъ повете Лидскомъ отправованы были въ замку, а не по корчмамъ на месте.»³³). Король разрѣшилъ эту просьбу согласно статуту и съ тѣхъ поръ до позднѣйшаго времени засѣданія земскаго суда происходили въ замкѣ. Еще въ концѣ XVIII в. въ развалинахъ одной изъ башенъ замка были видны слѣды залы засѣданій.³⁴). Для храненія книгъ Лидскаго земскаго суда въ 1638 г. было разрѣшено устроить въ замкѣ, при стѣнѣ, склепъ на счетъ мѣстныхъ обывателей³⁵). Здѣсь актыя книги хранились

²⁹) Свѣдѣнія эти взяты изъ алфавитнаго перечня актовъ Литовской метрики, составленнаго Коркуземъ въ концѣ XVIII в. и внесеннаго въ книги Лидскаго земскаго суда въ 1785 г. (Вилен. Центр. Арх.), № 5664. л. 208 и слѣд.

³⁰) Volumina Legum, VI, 365, диспозиція 1717 г.

³¹) Вилен. Центр. Арх. № 5664, л. 924—931.

³²) П. Д. Брянцевъ, 130.

³³) Докум.-Моск. Арх. М. Ю., I, 490.

³⁴) Narbutt, VIII, 477.

³⁵) Volum. Legum, III, 962.

до временъ Станислава-Августа³⁶⁾. Тюрьма помѣщалась въ подвальномъ этажѣ сѣв.-вост. башни. Слѣды тюрьмы видны здѣсь до настоящаго времени. На существованіе замковой тюрьмы еще въ началѣ XVII в. указываетъ, между прочимъ, приговоръ Лидскаго городскаго суда отъ 8 января 1607 г., которымъ панъ Шасный Рекетъ былъ обязанъ «за примовку и налаяне пану Езеашу Сумороковичу тутъ въ замку выконать» двѣнадцать недѣль «везеня».³⁷⁾

Дворъ или замковый фольварокъ еще въ XVII в. былъ расположенъ за замкомъ надъ ручьемъ Каменной, т. е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до послѣдняго времени помѣщалась казенная Лидская ферма. Инвентарь 1680 г. упоминаетъ мельницу, принадлежавшую къ Лидскому замковому фольварку и расположенную на р. Лидѣ.

Самый городъ былъ расположенъ только въ одну сторону отъ замка. По отдѣльнымъ актамъ XVII в., городъ имѣлъ рынокъ и около него школьный дворъ, а также четыре улицы. Улица, выходившая на дорогу въ Вильну, называлась Виленскою. Вторая улица, которая шла отъ рынка мимо замка называлась Замковою. Третья улица, начинавшаяся отъ Замковой, выходившая на дорогу въ м. м. Василишки и Острину, отъ имени ручья Каменки называлась Каменскою. Четвертая Кривая улица, соединяла рынокъ съ Каменной улицей. Продолженіе Кривой улицы отъ Каменской до замка, устроенное въ началѣ прошлаго столѣтія, называлось до новѣйшаго времени Ново-Кармелитанскою улицей³⁸⁾.

Вся нынѣ занимаемая городомъ земля первоначально составляла собственность великаго князя и принадлежала къ Лидскому замковому двору или фольварку; но начиналъ съ XVI в. нѣкоторыя части этого пространства переходить въ частную собственность. Такъ напримѣръ, въ 1566 г. Павелъ Рошимъ получилъ отъ короля Сигизмунда-Августа привилей на два плаца въ Лидѣ, въ 1589 г. Олехновичу было дано подтверженіе на куплю имъ также двухъ плацевъ въ Лидѣ, въ 1591 г. Рафаиль Олешисъ Згирскій получилъ привилей на одинъ плаць и т. д.³⁹⁾ Раздача плацевъ проходила и въ позднѣйшее время, такъ напр., къ 1785 г. король Станиславъ Августъ выдалъ привилей Павлу и Аннѣ Кононицкимъ на плаць по Замковой улицѣ, а въ 1787 г. Ивану Ромеру тамъ же на денномъ правѣ⁴⁰⁾. Такимъ образомъ въ городѣ образовались цѣлыя отдѣльныя кварталы, принадлежавшіе въ XVII—XVIII в., Куровскимъ, Фронцкевичамъ, Радиминскимъ, Колесинскимъ и др., отдававшіеся ими свреямъ и мѣщанамъ на правахъ вѣчнаго чинша.

Несомнѣнно, что г. Лида и его окрестности въ древности были заселены литовцами. Объ этомъ свидѣлствуютъ, между прочимъ,

³⁶⁾ Balinski, III, 256.

³⁷⁾ Частн. докум. у автора.

³⁸⁾ Частн. докум. у автора.

³⁹⁾ Прим. 19.

⁴⁰⁾ Вилен. Центр. Арх. № 164, л. 166—168; № 6152, л. 53.

до сихъ поръ сохранившіяся многочисленныя литовскія названія живыхъ урочищъ и поселеній въ окрестностяхъ г. Лиды, а такж. и чисто литовскія фамиліи крестьянъ и дворянъ, упоминаемыя по метрическимъ актамъ мѣстнаго р.-к. костела съ 1660 г.—Клышей, Ковъ, Авинелей, Вяжелей, Юдковъ, Рушейковъ, Домейковъ и мн. др. Кромѣ того въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира-относящихся къ Лидской волости, на пространствѣ которой въ настоящее время не имѣется ни одного литовскаго поселенія, сравнительно часто встрѣчаются литовскія имена. Напримѣръ: «У Лидской волости. Милковичу три человека: Ромейко, Лилкус, Нотковичъ. Кричеви чотыри человека Тукейновичи: Войшнаръ, Сидоря, Войць, Ивахиновичъ. Ивашку Коливидовичу шесть человекъ. Митьку избратомъ Эйтивловичемъ—лидяномъ шесть человекъ конокормцовъ: Ейдять, Прейбуць, Наруни, Милошь, Юльтеневиць, Мейлуна, Сидорець Петрелевиць. Твирбуту Визкедовичу лядяину Петрелевиць люди: Мелешевичъ, Юггелисъ, Янутисъ», и т. п. ⁴¹⁾. Даже въ нѣскольکو позднѣйшее время мѣстные дворяне носили литовскія имена, не говоря уже о литовскихъ фамиліяхъ ихъ. Декретъ трокекаго воеводы Николая Юрьевича Радзивилла отъ 30 декабря 1560 года свидѣтельствуетъ, что сынъ мѣстнаго землевладѣльца Юдки, жившаго около 1450 г. назывался Нарко, а внукъ послѣдняго Бурца ⁴²⁾. Къ концу XVII в. населеніе г. Лиды, и его окрестностей настолько ослабилось, что въ инвентарѣ 1680 г. не значится почти ни одной литовской фамиліи. Мѣщанскія бѣлорусскія фамиліи жителей г. Лиды, упоминаемыхъ въ этомъ инвентарѣ, Горневичей, Здановичей, Сидоровичей, Барановскихъ, и др. существуютъ здѣсь до сихъ поръ.

Коренные жители г. Лиды въ древности исповѣдывали православіе и р.-католичество.

По словамъ Нарбута православная церковь первоначально помѣщалась въ одной изъ баненъ Лидскаго замка. ⁴³⁾. Церковь эта въ 1553 г. была перенесена въ городъ и освящена въ честь св. Георгія Побѣдоносца ⁴⁴⁾.

Другая церковь въ г. Лидѣ упоминается подъ 1524 г., а третья церковь была построена здѣсь въ 1533 г. ⁴⁵⁾. Церкви эти въ печальные годы церковной уніи были разрушены или захвачены уніатами. Не смотря, однако, на гнетъ въ религіозномъ отношеніи,—православные жители г. Лиды не утратили совершенно своей вѣры и при подписаніи королемъ Яномъ Казимиромъ Зборовскаго договора въ 1650 г. добились возвращенія имъ захваченной уніатами Лидской церкви св. Спаса. Въ купчей крѣпости, выданной лидскимъ

⁴¹⁾ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, 3—4.

⁴²⁾ Частн. докум. у автора.

⁴³⁾ Narbutt, V, прилож. I.

⁴⁴⁾ Истор.-стат. очерки Вилен. губ. (1852), 218.

⁴⁵⁾ Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва, прилож. 276; Balinski, III, 245.

мѣщаниномъ Лавриномъ Павловичемъ Казюковичемъ на плацъ земли и домъ, проданные имъ Мацею Войцѣховичу и женѣ его Парасѣ Ѳеодоровнѣ 7 апрѣля 1630 г., упоминается Ѳеодоръ Гриневецкій, священникъ храмовъ Божіихъ, стоящихъ въ городѣ Лидѣ, во ммя Пречистой и Святого Николая («Chwiedor Hryniewiecki swieszczennik domu Bożego Przyczystey u świętego Mikolaya w Lidzkim mieście stojacych»), при этомъ ясно указывается на мѣстоположеніе Пречистенской церкви при описаніи границъ плаца: «другимъ же концомъ до самой улицы, которая идетъ изъ города Лиды на Дубровну и Липнишки, идя этою улицей по дорогѣ изъ г. Лиды отъ рынка и отъ замка до Пречистенской церкви по правую руку». («a drugim koncem d. ulicy samey, która z miasta Lidzkiego ydzie do Dubrowna y do Lipniszek, idac tą ulicą y droga z miasta Lidzkiego z rynku i od zamku do cerkwi świętey Przyczystey po prawey stronie») ⁴⁶).

Начало католичества въ г. Лидѣ относится ко времени княженія Ольгерда. Въ то время одинъ изъ литовскихъ вельможъ нѣкто Гаштольдъ, принявъ р.-католическую вѣру, взялъ подъ свое покровительство монаховъ ордена св. Франциска, и построилъ для нихъ монастырь въ г. Вильнѣ. Въ 1366 г. три францисканца поселились въ Лидѣ. Неизвѣстно, насколько успѣшны были проповѣди лидскихъ миссіонеровъ, извѣстно только то, что въ 1369 г., во время народнаго волненія, они были перебиты язычниками. Лидская францисканская миссія, не смотря на неоднократныя разоренія ея, существовала до половины XV в. ⁴⁷). Въ пепельную среду 1387 г., Владиславъ Ягайло, возвращаясь изъ Кракова въ Вильну, въ г. Лидѣ издалъ первый универсалъ ко всемъ своимъ тиунамъ о свободной постройкѣ р.-католическихъ церквей ⁴⁸), а въ пятое воскресенье послѣ праздни-ка св. Виталіса того-же года выдалъ привилей на постройку въ г. Лидѣ приходскаго костела, который былъ освященъ виленскимъ епископомъ Андреемъ Василло. ⁴⁹).

Въ царствованіе короля Сигизмунда-Августа на Литвѣ получили самое широкое распространеніе кальвинизмъ и лютеранство. Общее движеніе къ перемѣнѣ религіи коснулось г. Лиды и его окрестностей. Ученіе Кальвина въ этой мѣстности пользовалось поддержкой кн. Радзивилловъ, Абрамовичей и др., состоявшихъ лидскими старостами. Въ Лидѣ, Мапкишкахъ, Докудовѣ, Сельцѣ, Бѣлицѣ, Ляцкѣ и др. были сооружены соборы кальвинистовъ, а Лидскій костель по недостатку прихожанъ былъ даже закрытъ и нѣкоторое время находился въ непосредственномъ заведываніи виленской каштулы ⁵⁰). Распростра-

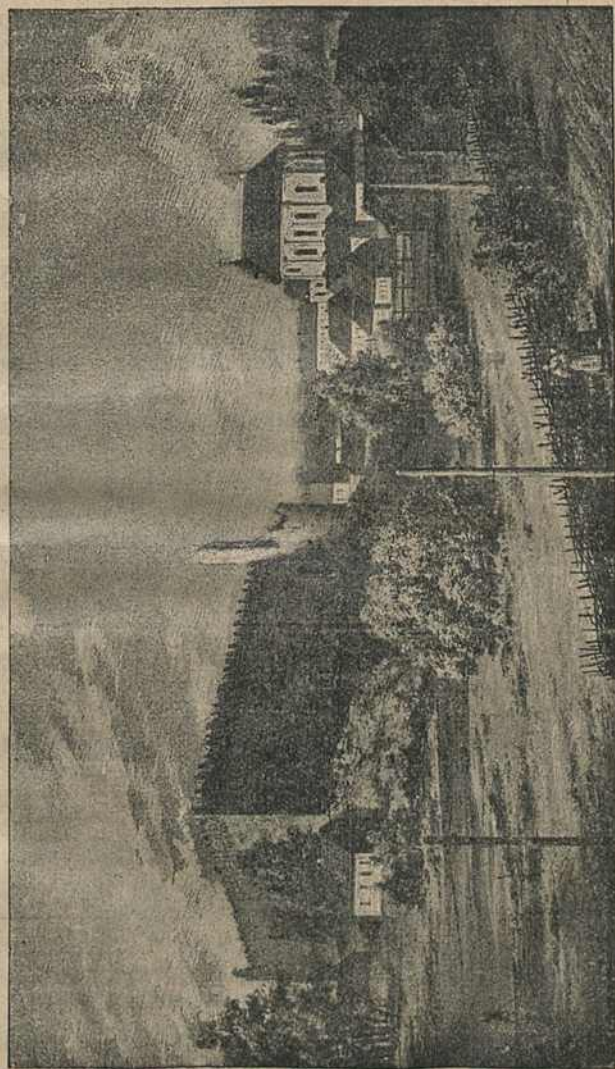
⁴⁶) Частн. докум. у автора.—Пречистенская церковь была расположена на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ домикъ Калиновскаго на Зарѣчьи.

⁴⁷) Narbutt, Dzieje, V, примѣч. I.

⁴⁸) Szajnocha, Jadwiga i Jagello.

⁴⁹) Инвент. Лид. кост. 1721 г. рукоп.

⁵⁰) Narbutt, Dzieje, V, прилож. I.



Развалины замка въ г. Лидѣ.

неніе кальвинизма и лютеранства окончилось съ появленіемъ въ этой мѣстности іезуитовъ, которые въ теченіе XVI—XVIII в. основали нѣсколько миссій въ предѣлахъ нынѣшняго Лидскаго уѣзда, а именно: въ Трокеляхъ, Дворищахъ, Ваверкѣ, Дылевѣ, Семьяковшицѣ и др.

Совершенно обособленную группу населенія г. Лиды въ древности составляли евреи. Евреи поселились въ Лидѣ во второй половинѣ XVI в. Мѣстная еврейская община первоначально была вообще малочисленна и во времена Яна-Казимира имѣла только 160 чело-вѣкъ. Община эта, или такъ называемый кагалъ, отличалась крайнею бѣдностью, что видно изъ свѣдѣній о долгахъ ея прежняго времени. Такъ напримѣръ, въ числѣ фундушовъ Жирмунскаго костела имѣлся видеркафъ лидскаго хорунжаго и чашника Константина-Казимира Кунцевича отъ 7 Іюля 1692 г. на 4350 зл. обезпеченный на лидскомъ кагалѣ. По другому видеркафу отъ 11 ноября 1688 г. представителі мѣстнаго кагала заняли у лидскаго декана Видиновскаго 500 зл. и до 1707 г. не могли даже уплачивать 6% отъ этой суммы. На право постройки еврейской синагоги въ Лидѣ король Стефанъ Баторій выдалъ привилей въ 1579 г. 28 февраля 1633 г. король Владиславъ IV выдалъ лидскимъ евреямъ новый привилей, которымъ разрѣшилъ имъ починить старую синагогу и построить въ г. Лидѣ вторую новую синагогу съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она не превышала костела и церкви ⁵¹⁾.

Г. Лида въ древности представлялъ собою чисто земледѣльческое поселеніе. Какъ видно изъ замѣны грунтовъ его съ им. Залиды лидскіе мѣщане еще въ 1553 г. пользовались надѣльными имъ уволоками земли. ⁵²⁾ Позднѣйшіе инвентари свидѣтельствуютъ, что съ каждой уволоки мѣщане вносили въ доходъ замковаго фольварка по 2 зл. и 5 гр. чинша ежегодно, а съ пахатныхъ морговъ по 5 гр. и сѣнокосныхъ только 2 гр. Плата эта ежегодно собиралась бурмистромъ и лавниками и представлялась въ фольварокъ въ день св. Мартина. Кромѣ того мѣщане были обязаны ежегодно отбывать три толоки для жатвы хлѣба и на каждое востребованіе сыпать гребли, починять дороги, мосты и т. п. Инвентарь 1680 г. упоминаетъ, что всѣ эти повинности были опредѣлены привилеями польскихъ королей; къ сожалѣнію ни одинъ изъ этихъ документовъ не сохранился до сего времени. Изъ того-же инвентаря видно, что въ пользованіи каждаго мѣщанскаго двора было въ большинствѣ случаевъ по $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{6}$ уволоки, при этомъ въ числѣ лицъ, пользовавшихся замковыми уволоками упоминаются два еврея Мовша и Абрамъ.

Промышленность и торговля въ г. Лидѣ были развиты слабо. Въ документахъ XVII в. въ Лидѣ упоминаются только винокурни, содержавшіяся при замковомъ фольваркѣ, въ костельномъ фольваркѣ Куровшицѣ или Новоселкахъ и у нѣкоторыхъ мѣщанъ; изъ ремес-

⁵¹⁾ Вил. Центр. Арх., № 5405, л. 505—506.

⁵²⁾ Ibid., № 5661, л. 403.

ленниковъ упоминаются только ковали и гарбары (кожевники), а также рѣзники. Корчмы медовыя, водочныя и пивныя существовали здѣсь еще въ XV в. во времена Казимира. Въ 1680 г. всѣхъ корчемъ въ г. Лидѣ было 19, изъ которыхъ 10 содержалось христианами, въ томъ числѣ одна бурмистромъ паномъ Яномъ Омановичемъ и 9—евреями. Еженедѣльно по понедѣльникамъ происходили торги, а два раза въ годъ—ярмарки. Ярмарки существовали здѣсь издавна и были подтверждены сеймомъ въ 1611 г. ⁵³).

Во всякомъ случаѣ Лида во времена Яна Казимира считалась сравнительно лучшимъ городомъ, имѣла до 15 тысячъ жителей и пользовалась Магдебургскимъ правомъ.

✓ Но наступили тяжелые для Литвы 1654—1663 г. г.

Въ 1655 г. русскія войска опустошили Лиду и ея окрестности. Въ 1656 и 1657 г. мѣстность эту посѣтилъ неурожай, а осенью того же года въ Лидѣ появилась моровая язва, не прекращавшаяся до зимы слѣдующаго года. Всѣ судебныя и административныя учрежденія были закрыты. Благодаря всеобщему смятенію въ Лидскомъ уѣздѣ появилась масса бродячаго люда: кругомъ происходили грабежи, убійства, наѣзды на чужія имѣнія и т. п. Для принятія мѣръ къ прекращенію беспорядковъ на 2 февраля 1658 г. былъ созванъ сеймикъ дворянъ Лидскаго уѣзда, но засѣданія сеймика не могли быть открыты въ Лидѣ, такъ какъ здѣсь свирѣпствовала зараза и были перенесены въ м. Мыто. Сеймикъ установилъ порядокъ производства дѣлъ по вышеозначеннымъ преступленіямъ и опредѣлилъ за нихъ самыя строгія мѣры наказанія ⁵⁴).

✓ Между тѣмъ, пріостановленные на нѣкоторое время военныя дѣйствія со стороны Россіи были снова возобновлены. Лѣтомъ 1659 г. князь Никита Хованскій, двигаясь съ 30-ти тысячнымъ отрядомъ изъ Вильны въ Гродну, подступилъ къ Лидѣ. Лидскій замокъ, не смотря на отчаянную защиту, былъ взятъ, а городъ разграбленъ и сожженъ. ⁵⁵). Лида пришла въ совершенный упадокъ. Будучи совершенно опустошеннымъ, городъ не могъ вносить въ казну даже самыя незначительныя платежи. Въ виду этого на сеймѣ 1676 г. была издана особая конституція, которой Лида на четыре года освобождалась отъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, постоя войскъ, поставки лошадей для перевозки почты и т. п. ⁵⁶).

Но бѣдствія Лиды продолжались.

Ночью 29 Іюня 1679 г. въ городѣ отъ неизвѣстной причины вспыхнулъ пожаръ. Благодаря сухой погодѣ и сильному вѣтру огонь съ невѣроятной быстротой распространился по всему городу. Въ те-

⁵³) Volum. Led. III, 41.

⁵⁴) Акты Вил. Арх. Ком., XIII, 99—100.

⁵⁵) Balinski, III, 256.

⁵⁶) Volum. Leg., V, 443.

ченіе одного часа пожаръ уничтожилъ 38 мѣщанскихъ и еврейскихъ домовъ, съ которыхъ оплачивались подати въ казну, не считая домовъ монастырскихъ и шляхетскихъ. Многіе христіане и евреи сгорѣли живыми, а многіе получили тяжелые ожоги. Весь домашній скарбъ, скоть и т. п. сдѣлался добычею пламени ⁵⁷).

Въ 1702 г. одинъ изъ отрядовъ шведскихъ войскъ разграбилъ и сжегъ часть города и подорвалъ замоковыя башни. Въ Лидѣ былъ оставленъ шведскій гарнизонъ, а содержаніе его возложено на жителей. Въ 1706 г. шведы вторично разграбили городъ и его окрестности, а затѣмъ тоже самое повторили и въ 1708 г., двигаясь изъ Гродны чрезъ Лиду по Ивейскому тракту, подъ начальствомъ самаго короля Карла XII. Велѣдъ за уходомъ шведовъ повторились знакомыя для Лиды картины голода, язвы, нищеты...

Сеймъ 1717 г. въ виду бѣдственнаго положенія города, подтвердилъ конституцію 1676 г. и декреты Скарбоваго Трибунала, которыми были предоставлены Лидѣ нѣкоторыя права и вольности ⁵⁷). Конституція 1776 г. оставила Лидѣ, въ числѣ немногихъ другихъ городовъ, Магдебургское право навсегда, а король Станиславъ-Августъ привилегіей 1788 г. даровалъ городу плацъ земли для постройки на таковомъ ратуши ⁵⁸).

Еще въ 1772 г. Лида была занята русскими войсками подъ начальствомъ генерала графа Тотлебена, который универсаломъ отъ 20 января 1773 г. просилъ жителей Лидскаго уѣзда принять на себя поставку довольствія для солдатъ и на этотъ универсалъ получилъ согласіе отъ 15 февраля того же года ⁵⁹).

Послѣ извѣстной виленской заутрени 10 апрѣля 1794 г. полковникъ польскихъ войскъ инженеръ Ясинскій, вмѣстѣ съ графомъ Нesselовскимъ, собравъ значительную часть возставшихъ войскъ и имѣя при себѣ 18 пушекъ, выступилъ изъ Вильны и расположился лагеремъ у г. Лиды, угрожая русскимъ войскамъ, стоявшимъ въ Гроднѣ подъ начальствомъ князя Циціанова и въ Несвижѣ подъ начальствомъ генерала Тутолмина; но лѣтомъ того же года польскія войска были разбиты у г. Лиды, а самый городъ занятъ окончательно русскими войсками. При этомъ Лидскій замокъ былъ разрушенъ, а хранившійся въ немъ древній архивъ вывезенъ русскими войсками въ Смоленскъ, гдѣ сгорѣлъ въ 1812 г. ⁶⁰).

14 декабря 1795 г. Лида была присоединена къ Россіи, а 8 августа 1796 г. назначена уѣзднымъ городомъ Слонимской губерніи. Въ 1797 г. проездомъ изъ Слонима въ Вильну, Лиду посетилъ Императоръ Павелъ Петровичъ.

⁵⁷) Вилен. Центр. Арх., № 5401, л. 677.

⁵⁸) Вилен. Центр. Арх., № 5668, л. 1140.

⁵⁹) Ibid., № 5659, л. 446—449.

⁶⁰) Арх. Вилен. Ген.-Губ., I, 893. Въ метрическихъ актахъ Лид. кост. за 1794 г. сохранилась отмѣтка о томъ, что всѣ убитые во время осады русскими войсками г. Лиды, погребены въ городѣ, у костельной ограды.

Во время войны 1812 г. у г. Лиды былъ расположенъ 6 корпусъ русскихъ войскъ подъ командою генерала Дохтурова. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года Лиду постигли Императоръ Александръ Павловичъ и произвелъ здѣсь смотръ войскамъ. Послѣ открытія военныхъ дѣйствій корпусъ Дохтурова отступилъ къ Гольшанамъ, а вслѣдъ за нимъ, черезъ Лиду, наступалъ 8 корпусъ французской арміи подъ командою Вандома. Въ концѣ ноября, вслѣдствіе отступления французовъ, Лиды и Лидскій уѣздъ были заняты корпусами графа Ожаровскаго, Васильчигова и Давыдова.

Послѣднимъ военнымъ событіемъ для г. Лиды было незначительное сраженіе 23 мая 1831 г. Русскій гарнизонъ въ числѣ 400 чел., занимавшій Лиду, получивъ свѣдѣнія о движеніи генерала Хлаповскаго изъ Мостовъ въ Вильну, спѣшно выступилъ изъ города, но сейчасъ же за виленской заставой былъ нагнанъ польскими войсками и послѣ короткой перестрѣлки обезоруженъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1843 года пожаръ, начавшійся изъ еврейской бани, уничтожилъ весь школьный дворъ, часть домовъ около базарной площади и всю Виленскую улицу. Второй пожаръ, послѣднее событіе въ жизни Лиды, происшедшій въ ночь на 7 октября 1891 года, совершенно уничтожилъ всю центральную часть города; при этомъ сгорѣло 400 жилыхъ домовъ и до 600 холодныхъ построекъ.

Пожары и войны совершенно изгладили старинныя характерныя черты Лиды. Изъ древнихъ построекъ въ г. Лидѣ сохранилось только нѣсколько, а именно—развалины замка, зданія по-кармелитанскаго и по-піярскаго монастырей и костель.

Стѣны замка совершенно пусты и разрушены, за исключеніемъ южной, кое-какъ сохранившейся въ своемъ первоначальномъ видѣ. Кармелитанскій монастырь основанъ лидскимъ войскимъ Адамомъ Нарбутомъ и его женой Елисаветой въ 1672 году и закрытъ въ 1832 г. Піярскій коллегіумъ былъ перенесенъ въ Лиду изъ м. Болотна (нынѣ Вереново) смоленскимъ каштеляномъ, старостой Бортянскимъ Іоанномъ де-Кампо Сципіономъ въ 1758 г. и сгорѣлъ въ 1843 г. Приходскій каменный костель построенъ на мѣстѣ стараго деревяннаго епископомъ Зенковичемъ въ 1770 году, при этомъ изъ дерева, оставшагося послѣ разборки деревяннаго костела, была построена православная церковь. Церковь эта разрушена бурей около 1830 г. Нынѣ существующій православный соборъ въ г. Лидѣ выведенъ изъ обгорѣвшихъ стѣнъ піярскаго костела въ 1863 г.

Пожаръ 1891 г. между прочимъ уничтожилъ зданіе б. Лидской ратуши. Зданіе это, построенное въ XVIII в. стояло на базарной площади и было украшено портикомъ съ колоннами. При немъ существовала старинная деревянная постройка въ готическомъ стилѣ. Само зданіе до послѣдняго времени служило военной гауптвахтой, а пристройка—пожарнымъ сараемъ.

Въ настоящее время въ городъ Лидѣ имѣются двѣ площади и тринадцать улицъ—Виленская, Замоквая, Каменекая, Кривая, Вокзальная, Дворишская или Поставская, Лидская, Полицейская, Стекляная, Александровская, Школьная, Садовая и Торговая и двѣнадцать переулковъ, въ томъ числѣ—Крупскій, Морговскій, Замоквой, Красный, Ярославскій, Стѣнной и др. Всѣхъ жилыхъ домовъ около 100, жителей до 14000, въ каковомъ числѣ православныхъ 3000, католиковъ 5000, иудеевъ и проч. 6000.

Въ смежности съ городомъ расположены: деревни — Росляки, Зарѣчье и Дворцовая Слобода, околица Висьмонты и предмѣстье Куровицзна.

Росляки до 1840 г. входили въ составъ имѣнія Поставицны, принадлежавшаго Пярскому монастырю.

Зарѣчье еще въ XVII в. состояло изъ трехъ частей—фольварка и нѣсколькихъ крестьянскихъ усадебъ, принадлежавшихъ Гобебскимъ, а впослѣдствіи перешедшихъ въ собственность хорунжаго Франца-Иосифа Мосевича, замковой земли и плацевъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ Лидской магдебуріи. Фольваркъ Зарѣчье по вѣчному дарственной записи Мосевича отъ 25 апрѣля 1697 г. достался Лидскому кармелитанскому монастырю, послѣ упраздненія котораго, въ 1839 г. былъ принятъ въ казну. Фольваркъ этотъ впослѣдствіи времени былъ надѣленъ городу Лидѣ въ качествѣ выгонной земли, но въ 1854 г. отступленъ городомъ взаменъ за фольваркъ Куровицзну въ пользу Лидскаго приходскаго костела. Земли, бывшія въ пользованіи кр. дер. Зарѣчья, равно какъ и замковыя нивы въ 1853 г. надѣлены крестьянамъ.

Висьмонты раньше назывались Кузьмишками отъ имени «мысливца» Захаріаша Кузьмича, которому мѣстность эта въ количествѣ 6 уволокъ земли была надѣлена королемъ Сигизмундомъ I въ 1507 году. Кузьмишки перешли въ собственность Александра Висьмонта въ 1668 году и будучи раздроблены его наслѣдниками превратились въ такъ называемую околицу.

Куровицзна въ XVI в. представляла собою фольварокъ и принадлежала Куровекимъ. Въ теченіе XVII в. переходила въ собственность Кулешей, Гобебскихъ и наконецъ досталась Метиславскому воеводѣ Александру Мосевичу, который въ 1696 г. записалъ ее въ пользу Лидскаго костела. Въ 1854 г. перешла въ собственность гор. Лиды.

У г. Лиды расположенъ соединенный вокзалъ Полѣскихъ и Бологое-Сѣдлецкой жел. дор.

Въ окрестностяхъ Лиды сохранилось нѣсколько археологическихъ памятниковъ въ видѣ древнихъ могильныхъ кургановъ, а именно: въ лѣсу им. Чеховцы; на лѣвомъ берегу р. Лиды; при дер.

Сухвальнѣ, въ казенномъ лѣсу «Царева горка»; на землѣ им. Бердовка помѣщика А. С. Дембовецкаго, въ урочищѣ «Волошовщина» пять кургановъ; на землѣ кр. дер. Зарѣчье вблизи дер. Новоселки—одинъ курганъ; въ лѣсу им. Рекси, и т. д. Кромѣ того, вблизи околицы Бенкевичи, на окраинѣ лѣса, лежитъ камень съ тремя плоскими, круглыми углублениями, каждое по 4 вершка въ диаметръ, представлявшій собою повидимому, во времена язычества алтарь, посвященный богу дорогъ «Кела-Девасъ». При дер. Бѣльскѣ въ 6 вер. отъ Лиды на полѣ лежалъ огромный камень, называвшійся «Кобыла». По преданію на этомъ камнѣ наказывали встарину преступниковъ. Возможно, что здѣсь въ древности собирались конные суды. Камень разбитъ каменщиками въ началѣ 1905 г.

М. Шимелевичъ.





Тринопольская Церковь во имя св. Иосифа и загородный домъ Литовскаго православнаго архіепископа.

Тринополь.

Вильна славится своими красивыми окрестностями; но наибольшую живописность отличается правый берегъ рѣки Вилии, верстахъ въ шести, семи отъ города, въ томъ мѣстѣ гдѣ расположены Тринополь, Кальварія съ ея многочисленными часовнями и Верки, пользующіеся широкою извѣстностью въ краѣ. Весьма удобное сообщеніе съ городомъ, лѣтомъ на пароходѣ и въ экипажахъ, по хорошей шоссеиной дорогѣ, привлекаетъ многочисленныхъ посѣтителей, стремящихся сюда или по влеченію религіознаго чувства, такъ какъ Кальварія съ ея часовнями въ честь страданій Спасителя представляетъ для католиковъ великую святыню, или прїѣзжающихъ сюда, чтобы насладиться чудными видами, прекраснымъ воздухомъ и отдохнуть на лонѣ природы послѣ городской духоты и пыли. Очень многіе изъ городскихъ жителей переселяются въ эту мѣстность на все лѣто, такъ какъ она представляетъ, можно сказать, идеальныя условія для дачной жизни.

Если ѣхать въ Верки въ экипажѣ, то минуя военное поле и углубляясь въ сосновый лѣсъ, прежде всего мы подъѣзжаемъ къ Тринополю, загородной дачѣ архіерейскаго дома. Громадное пространство лѣса окружено со всѣхъ сторонъ солидною оградой, состоящею частью изъ земляного вала съ частоколомъ поверху, а частью изъ каменной стѣны, достигающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительной высоты. Внутри этой ограды находятся паркъ и большой фруктовый садъ. Въ той части сада, которая подходитъ къ самой рѣкѣ, возвышается каменный, съ двумя башнями, храмъ въ честь Св. Іосифа Обручника и рядомъ съ нимъ двухъэтажный, каменный домъ и другія постройки. Въ 1703 году здѣсь былъ устроенъ католическій монастырь Тринитаріевъ, т. е. монаховъ ордена въ честь Св. Троицы, почему и самая мѣстность получила названіе Тринополь. Въ 1834 году монастырь былъ упраздненъ, а постройки монастырскія съ костеломъ и со всѣми угодіями переданы были въ казну. Въ 1845 году епархіальное управленіе и кафедра православнаго литовскаго архіепископа перенесены изъ Жировиць (гродн. г.) въ Вильну, а въ 1846 году митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, исходятайствоваль Высочайшее соизволеніе на передачу закрытаго монастыря, со всѣми угодіями, Виленскому Св. Духову монастырю, съ устройствомъ въ Тринополь загороднаго помѣщенія для лѣтняго пребыванія православныхъ архіепископовъ.

Приснопамятный святитель положилъ много личныхъ трудовъ и средствъ для приведенія въ порядокъ этого живописнаго, но запущеннаго мѣста. Въ своихъ „Запискахъ“, онъ подробно рассказываетъ какъ устроялъ свой загородный домъ.

«Въ 1846 году началась заботливая дѣятельность моя о приобрѣтеніи и устройствѣ загороднаго дома для Виленскихъ православныхъ архіереевъ. Эта дѣятельность продолжалась въ главномъ четыре года; но въ сущности она занимала меня и все послѣдовавшее время, доставляя истинное удовольствіе по моей любви къ уединенію и сельской жизни и поддерживая мое здоровье.

Тринополь былъ монастырекъ латинскій тринитаріевъ; но онъ закрытъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и состоялъ въ полицейскомъ управленіи, а земли поступили въ казенное вѣдомство. Зданіе каменное, двухъ-этажное, но запущенное, съ таковою же церковью, изъ которой убрано давно все священное. Въ ней помѣщались тогда хозяйственные снадобья со скотинкою. Этотъ монастырекъ выпросилъ я на загородный домъ, а принадлежащія земли съ лѣсомъ—на угодыя для архіерейскаго дома. Монастырь лежитъ лицомъ къ рѣкѣ Вилии и пролегающей по ея берегу дорогѣ изъ Вильны въ знаменитыя Верки, за Виліей виднѣются лѣса. Съ другихъ сторонъ Тринополь окруженъ амфитеатромъ довольно высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Эти горы прорѣзывается быстрый ручей, называемый библейски Кедреномъ, которымъ я воспользовался для наполненія шести прудовъ въ

Тринопольскомъ саду и на мызѣ Св.-Духова монастыря, которую назвалъ я Новыми—Жировицами. Земли сей мызы принадлежали тоже упраздненному Доминиканскому монастырю, прилежали къ землямъ Тринопольскимъ и отданы уже прежде моему Духовскому монастырю вмѣсто угодій. Мѣстность прелестная и удобная, особенно по ея расположенію въ трехъ только верстахъ отъ Виленской Заставы.

На устройство Тринополя отпущено мнѣ болѣе двадцати четырехъ тысячъ руб. сер. На эти деньги отдѣлалъ я церковь съ прекраснымъ иконостасомъ; передѣлалъ цѣлый двухъэтажный монастырь длиною въ двѣ линіи, по двадцати саженой каждая; сдѣлалъ въ немъ прекрасное помѣщеніе для архіерея со всею нужною свитою; построилъ всѣ необходимыя службы; возвелъ два огромныхъ каменныхъ моста на глубокомъ Кедронскомъ потокѣ; возвелъ гигантскую каменную стѣну изъ булыжника, длиною болѣе шестидесяти сажень, для поддержанія со стороны Виліи высокой террасы предъ церковью и домомъ; да произвелъ еще много подѣлокъ въ саду, которыя, вмѣсто увеличенія расходовъ напротивъ сокращали оныя, будучи полезною уборкою мусора и бесполезного матеріала.

Могу смѣло увѣрить, что въ рукахъ казеннаго инженера пятьдесятъ тысячъ рублей были-бы недостаточны для всѣхъ этихъ подѣлокъ. И все это было плодомъ моего личнаго трудолюбія и распорядительности. У меня былъ епархіальный архитекторъ, былъ и строительный комитетъ; но это для формы, для технического исполненія, въ сущности же я всѣмъ распоряжался, всему давалъ направленіе: обыкновенно я выходилъ на работу вмѣстѣ съ рабочими и часто гости заставляли меня запыленнымъ среди развалинъ или въ какой-либо ямѣ. Пристрастіе ли это какое или потребность физической дѣятельности—я всѣмъ занимался, все устраивалъ, какъ въ Тринополь такъ и на мызѣ Новыхъ Жировицахъ, даже самъ со своими келейными измѣрялъ и нарѣзывалъ земли, къ сей мызѣ принадлежація. Тринопольскій садъ, или лучше сказать паркъ, раскинутый почти на двѣнадцати десятинахъ, я самъ разбивалъ и распоряжался посадкою дикихъ и плодовыхъ деревьевъ. Теперь въ теченіе пятнадцати лѣтъ садъ этотъ разросся и украсился и мнѣ только приходитъ иногда грустная мысль, что мои преемники не сумѣютъ или не захотятъ поддержать этого любимаго моего созданія. Тринополь огражденъ былъ первоначально частоколомъ; но это значило заставить моихъ преемниковъ бросить мой паркъ. Я хотѣлъ сдѣлать ихъ неизвинимыми и вмѣсто частокола насыпалъ огромный валъ въ сажень вышины, обложенный булыжнымъ камнемъ и насаженный живою изгородью изъ барбарису, такъ что ограда вышла и красива и прочна. Этой одной ограды есть четыреста шестьдесятъ сажень, не считая сюда каменной стѣны и оставшагося по косогорамъ частокола.

Знающіе огромность работъ по Тринополю удивлялись малымъ сравнительно на нихъ издержкамъ. Это происходило тоже отъ моей

распорядительности и умѣнья пользоваться средствами. Все было обдуманно, все приспособлено, къ цѣли. Напримѣръ, мои каретныя лошади, когда не употреблялись къ другой ѣздѣ, обязаны были приносить въ садъ по десяти возовъ земли каждый день. Это значило въ лѣто не менѣе полуторы тысячи возовъ, а въ пятнадцать лѣтъ?... Неудивительно, что я на неблагодарной Тринопольской землѣ посадил болѣе двухъ тысячъ однихъ плодовыхъ деревьевъ, и тѣмъ, которые прежде надо мною подтрунивали, а послѣ удивлялись: „какъ это у васъ все принимается и растетъ?“ имѣлъ удовольствіе отвѣчать: „у васъ бы не росло, а Православнымъ Богъ помогаетъ“. При первой возможности, весной 1846 года, я помѣстился въ Тринопольскихъ развалинахъ, въ двухъ небольшихъ комнаткахъ, и началъ работать на собственные деньги, когда еще не были ассигнованы казенныя, и даже не сдѣлано окончательныхъ распоряженій о сдачѣ мнѣ Тринопольскихъ земель. Зато къ осени того лѣта жилъ я уже въ нѣсколькихъ приличныхъ комнатахъ (нынѣ гостинныхъ); а чрезъ три года упорнаго труда всѣ работы кончены и я имѣлъ удовольствіе 29 мая 1849 года отпраздновать новоселье освященіемъ Церкви и угощеніемъ многочисленныхъ посѣтителей, а послѣ и всѣхъ рабочихъ*.

Устраивая церковь въ Тринополь изъ бывшаго костела преосвященный Іосифъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ академику Хруцкому отъ 22 августа 1846 года., По милости Государя и Св. Синода устраиваю я загородный архіерейскій домъ въ прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи подъ Вильной. Возлѣ дома будетъ церковь и я желалъ бы ее отдѣлать какъ можно изящнѣе.—вы знаете, что я люблю живопись. Въ иконостасѣ по плану назначено быть 28 образамъ. Нѣкоторые образа могутъ быть прямо церковнаго стиля; но большую часть я желалъ бы имѣть копіи или подражанія знаменитѣйшихъ картинъ... Если вы согласитесь, то напишите мнѣ на какихъ условіяхъ и гдѣ хотите писать? Если въ Вильнѣ, то будете имѣть у меня собственно квартиру и столъ безъ всякой претензіи,—найдутся здѣсь для образцовъ гравюры, а можетъ быть и картины“ *).

Недалеко отъ Тринопольскаго архіерейскаго дома, въ лѣсу, за садомъ, стояла въ запустѣніи каменная часовня, одна изъ тѣхъ, которыя входятъ въ составъ такъ называемой Кальваріи. По распоряженію митрополита Іосифа мѣсто это съ часовней было обведено канавой и валомъ, а часовня обращена въ церковь во имя Успѣнія Пресвятой Богородицы. Иконостасъ для нея взятъ изъ Св. Троицкаго монастыря, гдѣ сооруженъ былъ новый и 12 августа 1851 г. послѣдовало освященіе этого храма. При немъ же открыто и кладбище для православныхъ, живущихъ въ окрестностяхъ Тринополя.

*) Академикъ Хруцкій былъ священнической сынъ, изъ воссоединенныхъ въ 1839 году. Онъ писалъ нѣсколько иконостасовъ для Вильны (напр. въ Троицкомъ монастырѣ) и Ковны и его же кисти принадлежатъ картины въ архіерейскомъ домѣ и въ Тринополь.

Виленская Кальварія.

Непосредственно къ Тринополю примыкаетъ такъ называемая „Кальварія“, расположенная въ сосновомъ лѣсу, принадлежащемъ Виленскому Православному Св.-Духову монастырю. Мѣстность холмистая, очень живописная. Она покрыта дремучимъ лѣсомъ, который тянется на далекое разстояніе по правому, очень высокому берегу Вилии. Въ этомъ то лѣсу, повидимому, безъ опредѣленнаго порядка, на самомъ же дѣлѣ по строго выработанному въ свое время плану, разбросаны небольшія, каменные часовни, носящія названія „станцій“; всѣхъ ихъ 35. Порядокъ и планъ расположенія ихъ изображаетъ собою тотъ крестный іерусалимскій путь, по которому Спаситель шель на вольную смерть. Въ каждой часовнѣ, на противоположной отъ входа стѣнѣ, находятся изображенія разныхъ моментовъ страданій Спасителя, напр. Тайная вечеря, Моленіе о чашѣ, Несеніе Креста, Судъ Пилата и т. п. Не всѣ часовни одинаковой архитектуры: большинство изъ нихъ въ одинъ этажъ, но есть и въ два этажа; есть станціи въ видѣ деревянныхъ триумфальныхъ воротъ. Общее протяженіе всего крестнаго пути свыше двухъ верстъ. Отъ одной станціи къ другой прбложены и протоптаны дорожки и тропинки, красиво извивающіяся между вѣковыми соснами. Въ одномъ мѣстѣ дорожка спускается въ глубокой оврагъ, на днѣ котораго протекаетъ ручеекъ Кедронъ, съ деревяннымъ мостикомъ черезъ него. Поклонники считаютъ священною обязанностью напиться воды изъ этого ручейка, смочить глаза или умыть лицо. Въ концѣ крестнаго пути, на высокой горѣ, находится костелъ, къ которому ведетъ широкая, каменная лѣстница. Въ костелѣ, устроенъ гробъ Спасителя, что и составляетъ послѣднюю станцію. Весною и лѣтомъ, а особенно въ праздникъ Св. Троицы въ Кальварію стекаются десятки тысячъ богомольцевъ со всего западнаго края, среди которыхъ бываетъ не малое число и православныхъ. Разбившись на отдѣльныя группы, подъ руководствомъ особыхъ, знающихъ людей „проводниковъ“, въ строгомъ порядкѣ и благоговѣйномъ настроеніи, переходятъ они отъ одной станціи къ другой, съ громкимъ пѣніемъ священныхъ пѣсней и молитвъ, припоровленныхъ къ значенію каждой станціи.

Устройство часовень и благочестивый обычай паломничества къ нимъ, ведетъ свое начало со второй половины XVII столѣтія. Кальварія получила свое начало такимъ образомъ.

Извѣстно, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича происходила война Россіи съ Польшею изъ-за Малороссіи. Война эта была очень удачна для русскихъ; въ короткое время московскія войска заняли всю Литву и утвердились въ столицѣ ея Вильнѣ, куда воеводою назначенъ былъ князь Шаховской, очень любимый мѣстнымъ населеніемъ, состоявшимъ въ значительномъ числѣ изъ русскаго православнаго люда. Однако русскіе продержались въ Вильнѣ недолго, всего около семи лѣтъ (1654—1661). Поляки собрались съ силами, под-

ступили къ Вильнѣ, и не смотря на упорную и храбрую защиту верхняго замка княземъ Даниломъ Мышецкимъ, взяли городъ и замокъ, предавъ смерти доблестнаго князя, захваченнаго благодаря подкупу и низкой измѣнѣ окружавшихъ его лицъ.

Вскорѣ послѣ освобожденія Вильны отъ русскихъ войскъ, вернулись въ столицу король Янъ Казимиръ и р. католическій епископъ Георгій Бѣлзоръ и дѣятельно принялись за восстановление разрушеннаго города и его святынь. Явилась мысль ознаменовать избавленіе столицы отъ непріятелей какимъ нибудь богоугоднымъ дѣломъ, которое и на будущія времена служило бы знакомъ благодарности къ Всевышнему. Недалеко отъ Вильны находилось епископское имѣніе Верки, въ окрестностяхъ котораго въ 1659 г. кн. Долгорукій одержалъ надъ поляками побѣду и захватилъ въ плѣнъ Гетмана Гонсьвскаго. Въ этомъ то имѣніи епископъ Бѣлзоръ рѣшилъ основать Кальварію и построить часовни въ воспоминаніе страданій Спасителя, дабы народъ потерпѣвшій на этомъ мѣстѣ поражение своего войска и потомъ освобожденный отъ непріятеля и какъ бы воскресшій къ новой жизни, съ большею ревностью и усердіемъ вспоминалъ крестную смерть и спасительное воскресеніе Господа. 2 ноября 1662 года Виленская капитула во главѣ съ епископомъ Бѣлзоромъ, единогласно постановила ежегодно отчислять извѣстную сумму на устройство Кальваріи, поручила особой комиссіи выбрать и выдѣлить изъ Верковскаго имѣнія семь волокъ земли (около 140 десятинъ) и точно вымѣривши разстоянія и дороги на подобіе Іерусалимскихъ, обозначить мѣста для станцій или часовень. Бѣлзору не пришлось увидѣть окончанія начатаго имъ дѣла, такъ какъ въ 1667 году онъ скончался.

Преемникъ его епископъ Александръ Сапѣга въ 1669 году закончилъ постройку часовень и костела. Въ томъ же году Кальварія была передана въ завѣдываніе Виленскимъ Доминиканамъ, съ обязательствомъ совершать крестные ходы изъ Вильны въ Кальварію въ каждый праздникъ въ честь Св. Креста.

Но Кальварія не долго была въ завѣдываніи Виленскихъ Доминиканъ: въ 1675 г. епископъ Михаилъ Паць, неизвѣстно по какой причинѣ, выгналъ изъ Кальваріи Виленскихъ Доминиканъ и пригласилъ на ихъ мѣсто Варшавскихъ Доминиканъ (de observantia), отдавши въ ихъ распоряженіе всѣ вклады, капиталы и угодія. Виленскіе Доминикане не желая уступить, затѣяли процессъ, тянувшійся цѣлыхъ 80 лѣтъ и дошедшій въ концѣ концовъ до Рима, гдѣ дѣло рѣшено было въ пользу Виленскихъ Доминиканъ, которымъ въ 1755 г. Кальварія и была возвращена.

Вернувши Кальварію, Виленскіе Доминикане усердно принялись за возобновленіе ея: деревянный костель замѣнили каменнымъ, обновили всѣ часовни, привели въ порядокъ монастырь и въ 1772 году еп. Тома Зенковичъ освятилъ новостроенный костель во имя „Обрѣтенія Св.-Креста.“

Трудное время пережила Кальварія въ 1812 году. Остатки разбитой арміи Наполеона, возвращаясь въ безпорядкѣ изъ Москвы, разбрелись по всѣмъ окрестностямъ Вильны, производя повсюду опустошенія и грабежи. Не пощадили они и Кальварію. Костель и монастырскія зданія превращены были въ казармы и лазареты для французовъ.

Результатомъ хозяйничанья французовъ было то, что Кальварія послѣ ухода ихъ представляла однѣ развалины: все что можно было сжечь—сожжено или разбито, что пощѣннѣ—исчезло. Одного костельнаго серебра унесено было 96 фунтовъ. Хорошо еще, что настоятелемъ монастыря былъ въ то время энергичный человекъ кс. Матѳей Магнушевскій. Онъ употребилъ всѣ старанія, всѣ усилія, чтобъ возобновить разрушенныя зданія и возстановить все въ прежнемъ видѣ. И дѣйствительно умирая, (въ 1839 г.) онъ оставилъ Кальварію совершенно обновленной извнутри и извнѣ, всѣ „станціи“ часовни были заново отдѣланы, живопись подновлена, появились на каждой часовнѣ надписи въ стихахъ, сочиненныхъ самимъ настоятелемъ. Имъ же былъ составленъ въ 1838 году первый Путеводитель по Кальваріи. Все это способствовало привлеченію богомольцевъ и увеличенію благосостоянія Кальваріи.

Въ 1850 году монастырь Кальварійскій былъ закрытъ и Доминикане переведены были въ Троцскій монастырь, а костель Кальварійскій обращенъ былъ въ приходскій и къ нему приписано было 38 окрестныхъ деревень и поселковъ. Приходскимъ онъ остается и въ настоящее время.

Присоединяемъ списокъ «станцій», составляющихъ Кальварію.

Станція I. Тайная вечера (Wieczornik).

- » II. Подъ Масличной горой (Pod górą Oliwną).
- » III. Въ Геосиманскомъ саду (W Ogroju).
- » IV. Цѣлованіе Іудино (Przy pojmaniu).
- » V. У потока Кедронскаго (U rzeczki Cedronu).
- » VI. У первыхъ водныхъ вратъ (W Bramie pierwszej wodnej).
- » VII. У первыхъ Сионскихъ вратъ (w Bramie Syonkiej pierwszej).
- » VIII. У Анны (U Annasza).
- » IX. У Каиафы (U Kaifasza 1 raz).
- » X. Въ темницѣ (w Ciemnicy).
- » XI. У Каиафы второй разъ (w Kaifaszowym domu powtornie).
- » XII. У вторыхъ Сионскихъ вратъ (w Bramie Syonkiej drugiej).
- » XIII. У Пилата 1-й разъ (U Pilata 1 raz).
- » XIV. У желѣзныхъ вратъ (w Bramie żelaznej).
- » XV. У Ирода. (U Heroda).
- » XVI. У желѣзныхъ вратъ вторично (w Bramie żelaznej 2 raz).

- Станція XVII. У первыхъ вратъ Старога города (w 1 bramie Starego miasta).
- » XVIII. У вторыхъ вратъ Новога города (w 2 bramie Nowego miasta).
- » XIX. У третьихъ вратъ Новога города (w 3 bramie Nowego miasta).
- » XX. У четвертыхъ вратъ Старога города (w 4 bramie Starego miasta).
- » XXI. У Пилата 2 разъ (U Pilata za wtorym razem).
- » XXII. При возложеніи Креста (Przy wlozeniu Krzyza).
- » XXIII. При первомъ паденіи съ крестомъ (Przy 1 upadnieniu z krzyzem).
- » XXIV. При встрѣчѣ съ Пречистою Матерью (Gdzie Panna Przenaiswietrza zaszla droga Jezusowi)
- » XXV. У Симона Киринейскаго (Przy Sereneuszu).
- » XXVI. У Вероники (U Weroniki).
- » XXVII. При 2-мъ паденіи съ крестомъ у Судовыхъ вратъ (Przy 2 upadnieniu z krzyzem u Bramy sadowej).
- » XXVIII. У плачущихъ дѣвъ (U niewiast placzacych).
- » XXIX. При 3-мъ паденіи съ крестомъ подъ самой горой (Przy 3 upadnieniu z krzyzem pod sama gora).
- » XXX. При снятіи одеждъ (Przy obnazeniu z szat).
- » XXXI. На мѣстѣ пригвожденія ко кресту и поднятія на крестъ (Na miejscu przybicia i rozciagnienia na krzyz).
- » XXXII. На самой Голгоѣ (Na samej gorze Kalwaryi).
- » XXXIII. На мѣстѣ снятія съ Креста (Na miescie zdjecia z krzyza).
- » XXXIV. У гроба (U grobu).
- » XXXV. У мѣста обрѣтенія Креста (U znalezienia krzyza).



Литовскіе татары.

*Этнографическій очеркъ *)*.

Литовскіе татары живутъ отдѣльными поселеніями среди коренныхъ обитателей Сѣверо-Западнаго края Россіи бѣлорусовъ и литовцевъ, главнымъ образомъ въ губерніяхъ—Минской, Виленской и Гродненской. Поселенія литовскихъ татаръ встрѣчаются также въ губерніяхъ—Ковенской, Сувалкской, Люблинской и Волынской. Наибольшее число татарскихъ поселеній приходится на Трокскій уѣздъ Виленской губерніи и на Новогрудскій уѣздъ Минской губерніи. Общее число литовскихъ татаръ, проживающихъ въ предѣлахъ С.-З. края доходитъ до 14 т. человекъ; изъ нихъ приходится на Минскую губернію—5 т., Виленскую—4 т., Гродненскую—2½ т. Ковенскую—1½ т. и 1 т. на остальные губерніи. **)

Первое поселеніе предковъ нынѣшнихъ литовскихъ татаръ на великокняжескихъ земляхъ Литовскаго государства относится къ послѣднимъ годамъ XIV в. Извѣстно, что первымъ добровольнымъ пришельцемъ въ Литву былъ ханъ Золотой Орды Тохтамышъ, бѣжавшій вмѣстѣ со своими приверженцами отъ преслѣдованій Тамерлана подъ покровительство Витовта въ 1396 году. Начиная отъ первыхъ годовъ XV в. татарскіе полки состояли на постоянной службѣ у вел. кн. литовскихъ. Переселеніе татаръ въ Литву продолжалось въ теченіе XV и XVI в. в. Первый ханъ Перекопской орды, родоначальникъ династіи Гиреевъ—Девлетъ-Хаджи-Гирей происходилъ изъ литовскихъ татаръ.

Многіе изъ сподвижниковъ Тохтамыша, Джей-эль-Эдина и Ахмета за свою службу получили земли отъ вел. кн. литовскихъ и остались здѣсь на постоянное жительство. За полученныя земли они продолжали нести военную земскую службу наравнѣ съ кореннымъ мѣстнымъ литовскимъ свободнымъ населеніемъ и пользовались всѣми правами бояръ-шляхты.

*) Свѣдѣнія о литовскихъ татарахъ сообщаютъ: *T. Czacki*, *O Litewskich i polskich prawach*. (1800), II, 137, 140; *T. Narbutt*, *Dzieje Narodu Litewskiego*. (1840), VIII, § 1894, dodatek II; *Taraszewicz*, *Obraz Litwy*. (1844), II, § 49; *Syrokomla*, *Wycieczki po Litwie w promieniach od Wilna*. (1857) t I и II; *A. Muchlinski*, *Zdanie sprawy o tatarach litewskich*. (TeKa Wilenska 1858); *M. Tuhan-Baranowski*, *O muslimach litewskich*. (1896), и др.

**) Списки татарскихъ поселеній у Мухлинскаго и Барановскаго.

Кромѣ татаръ добровольно поселившихся въ Литвѣ, здѣсь осталось незначительное число татаръ военно-плѣнныхъ. Возможно, что татары военно-плѣнные встрѣчались на Литвѣ еще во времена Ольгерда, такъ какъ извѣстно, что въ 1362 г. Ольгердъ на Синихъ водахъ разбилъ татарскихъ темниковъ и раззорилъ ихъ улусы. Стрыйковский упоминаетъ, что въ 1397 г. Витовтъ поселилъ въ окрестностяхъ г. Вильны на р. Вакѣ татаръ, взятыхъ имъ въ плѣнъ на берегахъ р. Дона. Среди актовъ Литовской Метрики имѣется два списка плѣнныхъ татаръ, розданныхъ въ разныя имѣнія въ 1505 г. Татары-плѣнники не пользовались правами бояръ-шляхты; они жили въ городахъ и мѣстечкахъ, занимались промыслами, ремеслами и торговлею и по своему правовому положенію почти приравнялись къ евреямъ.

Нынѣ всѣ литовскіе татары уравнины въ правахъ.

Въ настоящее время нѣкоторые изъ литовскихъ татаръ признаютъ названіе „татаринъ“ для себя неподходящимъ: „мы не татары, но шляхта-мусульмане, говорятъ они, и татарами насъ называютъ только крестьяне.“ Покойный Туганъ-Барановскій, авторъ указаннаго выше изслѣдованія о *Muslimach litewskich*, на основаніи дворянскихъ родословныхъ литовскихъ татаръ, подраздѣляетъ ихъ по происхожденію на ногайцевъ, заволжцевъ, буджаковъ и др. и почетнымъ именемъ татаръ называетъ только древніе аристократическіе роды; но въ современныхъ официальныхъ актахъ, какъ напр. въ свидѣтельствахъ выдаваемыхъ Департаментомъ Герольдіи Правительствующаго Сената, а равно и въ ежедневной практикѣ, всѣ лица магометанскаго вѣроисповѣданія, проживающія издревле въ предѣлахъ С.-З. края Россіи, называются литовскими татарами.

Живя долгое время въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, татары совершенно забыли свой родной языкъ и утратили особенности домашняго и общественнаго быта, сохранили же только черты лица, говорящія о восточномъ ихъ происхожденіи, и религію Пророка. Незнающему человѣку иногда бываетъ трудно отличить литовскаго татарина отъ застѣнковаго или околичнаго шляхтича христіанина. Въ средѣ современныхъ литовскихъ татаръ—болѣе всего людей средняго роста и умѣреннаго тѣлосложенія. Почти всѣ они—худощавы; полные люди между ними встрѣчаются рѣдко. Характернымъ отличіемъ лица литовскаго татарина служатъ выдающіяся скулы и узкіе, черные глаза. Цвѣтъ лица представляетъ собою переходъ отъ бѣлаго къ желтовато-смуглому. Голова литовскаго татарина—всегда небольшихъ размѣровъ и покрыта короткими курчавыми волосами чернаго цвѣта. Усы и борода у татаръ растутъ весьма плохо. Нѣкоторые изъ татаръ вмѣсто рѣдкой, короткой бороды любятъ отпускать клокъ волосъ подъ подбородкомъ. Татарки женщины отличаются нѣжнымъ смугловатымъ цвѣтомъ лица, слегка приподнятыми скулами и живыми черными глазами. Онѣ не столько красивы, сколько симпатичны.

Одежда литовскаго татарина состоитъ изъ шароваръ, засученныхъ въ голенища сапогъ и обыкновеннаго пиджака (маринарки). Пожилые люди носятъ сюртукъ или длинный ниже колѣнъ кафтанъ. Голову покрываютъ лѣтомъ фуражкой съ козыркомъ или сомомежною широкополою шляпою; а зимою войлочною или мѣховою шапкою. Ноги обуваютъ татары въ сапоги, а женщины въ башмаки. Ходаковъ и лаптей, составляющихъ почти единственную обувь крестьянъ нашего края, у татаръ не приходится даже и видѣть. Женщины носятъ поверхъ рубашки длинную юбку и кофту, а на голову бумажный платокъ. Теплую одежду какъ мужчинъ такъ и женщинъ составляютъ суконныя бурки, пальто и барани тулупы. Вся почти одежда литовскаго татарина, начиная отъ рубахи и ~~конца~~ пальто, готовится изъ покупной (крамной) матеріи—корта, „шарачка“ и сукна и своимъ покроемъ нисколько не разнится отъ одежды крестьянъ и шляхты. Литовскій татаринъ въ одеждѣ предпочитаетъ темно-сѣрый и даже черный цвѣтъ. Татарки женщины любятъ носить юбки и платки также темнаго цвѣта, но съ крупнымъ бѣлымъ узоромъ. Молодежь, даже живущая въ провинціи, въ отношеніи одежды старается подражать модѣ.

Литовскіе татары живутъ въ нѣкоторыхъ городахъ, мѣстечкахъ и отдѣльныхъ околицахъ, застѣнкахъ и фольваркахъ. Такъ называемыя околицы составляютъ самый распространенный видъ татарскихъ поселеній. Татарская околица представляетъ собою два—три десятка отдѣльныхъ усадебъ, разбросанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ и соединенныхъ между собою кривыми, короткими улицами, дворами и тропинками. Усадьба татарина средняго достатка состоитъ обыкновенно изъ жилого дома, амбара, гумна, хлѣвовъ (оборы) и погреба. Жилой домъ у сравнительно зажиточныхъ людей дѣлится на двѣ половины (два конца)—черную и чистую. Черная половина дома (печарня) служитъ постояннымъ жилищемъ и мѣстомъ отправленія всѣхъ домашнихъ, хозяйственныхъ работъ. Она въ большинствѣ случаевъ бываетъ даже не выбѣлена и въ ней нерѣдко можно встрѣтить печку безъ трубы. Полъ въ этой половинѣ дома всегда укатывается изъ глины, а окна дѣлаются совершенно малаго размѣра. Вторая чистая половина дома (свѣтлица, гридня) служитъ для пріема гостей, праздничнаго отдыха, семейнаго торжества и т. п. Въ ней полъ устраивается изъ досокъ, окна—больше и свѣтлѣе, а стѣны и потолокъ вымазываются глиною и выбѣливаются мѣломъ. Свѣтлица часто разгораживается на двѣ комнаты. Печка въ свѣтлицѣ устраивается изъ кафель и всегда имѣетъ трубу. У бѣднаго татарина домикъ состоитъ изъ одной только жилой комнаты съ сѣнями. Нерѣдко къ такой избушкѣ пристраивается хлѣвъ или сарай. Часто избушка бѣднаго татарина бываетъ курною.

Внутренняя обстановка черной половины дома сравнительно зажиточнаго хозяина и домика бѣдняка состоитъ изъ двухъ, положенныхъ вдоль стѣнъ, широкихъ досокъ (лавъ) для сидѣнія, деревянна-

го стола, кроватей и сундука. Въ свѣтлицѣ часто можно встрѣтить диванчикъ, круглый столикъ покрытый вязаною салфеткою и комодъ. Татарка особенное вниманіе обращаетъ на постель, которая должна состоять изъ перины, покрытой ватнымъ или шерстянымъ одеяломъ и нѣсколькихъ подушекъ. У татаръ существуетъ обычай украшать стѣны комнатъ орнаментными рисунками съ текстомъ на арабскомъ или татарскомъ языкахъ.

Остальные постройки татарской усадьбы, ни по наружному виду, ни по способу ихъ расположенія, нѣсколько не разнятся отъ построекъ крестьянъ и мелкой шляхты.

Какъ въ постройкахъ такъ и одеждѣ татары соблюдаютъ примѣрную чистоту.

Литовскій татаринъ любитъ чтобы дворъ его былъ огороженъ и чтобы въ маленькомъ палисадникѣ подъ окнами дома росли цвѣты. Онъ имѣетъ привязанность къ деревьямъ и поэтому у каждаго татарскаго домика существуетъ садикъ.

Надѣленные татарамъ великими князьями литовскими и польскими королями участки земли съ теченіемъ времени сильно раздробились. Въ настоящее время въ рѣдкихъ случаяхъ литовскій татаринъ владѣетъ 1—2 уволоками земли (около 20—40 десят.)*. Многіе изъ татаръ земли даже не имѣютъ. Малоземелье и совершенное безземелье заставило многихъ изъ нихъ переселиться въ города и мѣстечки и заниматься мелкою торговлею, промыслами и службою. Во всякомъ случаѣ самая значительная часть литовскихъ татаръ занимается земледѣліемъ и нѣкоторыми его отраслями.

Скотоводство, нѣкогда, можно сказать, единственный источникъ жизни предковъ нынѣшнихъ литовскихъ татаръ, нынѣ, вслѣдствіе увеличивающагося малоземелья, пришло къ упадку. Литовскій татаринъ выращиваетъ лошадей, коровъ, овецъ и козъ; онъ любитъ домашнихъ животныхъ, но не имѣетъ возможности по своей бѣдности, улучшить ихъ породу и увеличить ихъ число.

Обработка земли производится исключительно при помощи лошади и тѣми же самыми орудіями—сохой, бороной и т. п., какія существуютъ у мѣстной околичной шляхты и крестьянъ. Татары ведутъ трехпольное хозяйство, подобно всѣмъ мелкимъ земледѣльцамъ нашего края. Литовскій татаринъ слишкомъ туго на улучшеніе своего хозяйства. Въ этомъ отношеніи въ послѣднее время его началъ опережать даже бѣлорусскій крестьянинъ. Поля свои литовскіе татары засеваютъ рожью, ячменемъ, овсомъ, гречихой и картофелемъ. Промышленные растенія ленъ и коноплю сѣютъ рѣдко и въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

* Въ предѣлахъ С.-З. края—не рѣдкость крупные землевладѣльцы магдебургскаго исповѣданія; ихъ жизнь нѣсколько не отличается отъ жизни помѣщиковъ христіанъ.

Самымъ важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ татарина, а часто и единственнымъ источникомъ его жизни является широко развитое у литовскихъ татаръ огородничество. Своему огороду татаринъ посвящаетъ самую значительную часть времени и труда. Каждая грядка земли тщательно вскапывается и обильно унаваживается. Садятъ татары—свеклу (бураки), рѣдьку, морковь, брюкву, капусту, огурцы, арбузы и т. п.; благодаря идеальному уходу за огородомъ, послѣдній даетъ татарину обильный урожай. Огородные овощи сбываются татарами въ ближайшемъ городѣ или мѣстечкѣ на базарь по весьма невысокой цѣнѣ. Во многихъ мѣстахъ С.-З. края Россіи произведенія татарскаго огорода славятся какъ самыя лучшія. Такъ напр. Трокекіе огурцы пользуются на базарахъ заслуженною извѣстностью.

Въ пржееное время среди мѣстныхъ татаръ былъ развитъ извозный промыселъ, но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ промыселъ этотъ упалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. въ Бутриманцахъ Трокек. уѣз.) среди татаръ процвѣтаетъ кожевенное производство. Татары выдѣлываютъ обыкновенно лошадиныя кожи и бараньи овчины. Выдѣлка ихъ производится простымъ, домашнимъ способомъ и представляетъ собою одинъ изъ родовъ кустарной промышленности. Тяжелыя матерьяльныя условія быта заставили нѣкоторыхъ татаръ приняться за шорничество, кузнечество и другія ремесла. Нѣкоторые изъ нихъ занялись мелкою торговлею, но не имѣя наличныхъ средствъ—лишены возможности расширить ее. Изрѣдка можно встрѣтить татарина торгующаго скотомъ.

Всѣ литовскіе татары совершенно забыли свой родной языкъ. Въ домашнемъ быту литовскіе татары разговариваютъ на бѣлорусскомъ нарѣчій, соблюдая тѣ формы и обороты рѣчи какія существуютъ въ данной мѣстности. Въ присутствіи постороннихъ людей татары говорятъ между собою и съ посторонними на польскомъ языкѣ. Татары помѣщики и чиновники въ домашнемъ быту говорятъ или на русскомъ или на польскомъ языкахъ. Татары весьма охотно изучаютъ какъ русскую, такъ и польскую грамоту и между ними совершенно неграмотныхъ вообще мало. Въ перепискѣ между собою они употребляютъ также и русскій и польскій языки. Арабскій языкъ понимаютъ весьма немногіе, но и то слабо. Впрочемъ въ средѣ интеллигентныхъ литовскихъ татаръ нѣкоторые хорошо знаютъ арабскій языкъ. Литовскіе татары находятъ, что арабскій языкъ необходимъ единственно въ дѣлахъ вѣры. Даже надписи на надгробныхъ камняхъ воспроизводятся на русскомъ языкѣ, съ добавленіемъ только нѣсколькихъ строкъ изъ Корана на арабскомъ языкѣ.

Литовскіе татары принадлежатъ къ магометанскому вѣроисповѣданію. Благодаря почти совершенному незнанію арабскаго языка, и отсутствію книгъ религіознаго содержанія на другихъ языкахъ, литовскій татаринъ въ большинствѣ случаевъ не посвященъ въ самыя элементарныя познанія основъ своей религіи и придерживается ихъ

какъ формальности, руководясь единственно примѣромъ и наукой родителей и стариковъ. Въ предѣлахъ С.-З. края Россіи существуетъ до двадцати магометанскихъ приходовъ. Въ главѣ каждаго прихода стоитъ мулла, избираемый прихожанами и утверждаемый въ этомъ званіи мѣстнымъ губернскимъ правленіемъ и Таврическимъ магометанскимъ духовнымъ правленіемъ, которому подвѣдомственны въ дѣлахъ вѣры все литовскіе татары. Иногда мулла передъ смертью назначаетъ себя преемника духовнымъ завѣщаніемъ. Исполненіе воли завѣщателя во всякомъ случаѣ зависитъ отъ прихожанъ. Муллою обыкновенно бываетъ человекъ пожилой, нѣсколько разумѣющей арабскій языкъ и умѣющей читать и писать по русски. Муллы съ нѣкоторымъ образованіемъ—рѣдкость. Напр. въ Виленской губерніи все муллы—домашняго образованія. Мулла въ домашней жизни представляется такимъ же самымъ мусульманиномъ шляхтичемъ какъ и все остальные его прихожане. Онъ не пользуется какимъ либо особымъ почетомъ и его мнѣніе рѣдко имѣетъ перевѣсъ передъ мнѣніемъ другихъ. Уваженіе отдается лишь сѣдой старости и уму. Положеніе муллы съ правственной стороны въ средѣ литовскихъ татаръ въ общемъ равняется положенію сельскаго старосты въ средѣ крестьянъ. Значеніе муллы въ приходѣ нисколько не увеличивается даже и отъ того, что ему, по закону, предоставлено право исполненія нѣкоторыхъ, чисто судебныхъ функций, такъ напр. разборъ дѣлъ о неопиновеніи дѣтей родителями, разрѣшеніе споровъ о частной собственности, возникающихъ между магометанами по духовнымъ завѣщаніямъ или при раздѣлѣ наслѣдственнаго имущества и т. п. Литовскіе татары въ такихъ случаяхъ стараются вообще разбираться въ судебныхъ учрежденіяхъ. Даже по одеждѣ мулла нисколько не отличается отъ другихъ татаръ. Дома, въ полѣ, въ огородѣ онъ, за рѣдкими исключеніями, носитъ ту же одежду какъ и все остальные. Только при исполненіи духовныхъ требъ мулла надѣваетъ широкую рясу темно зеленого цвѣта, похожую покроемъ на рясу православнаго священника, и бархатный фіолетоваго цвѣта головной уборъ, напоминающій камлавку.

Въ дѣлахъ религіи литовскіе татары придерживаются общаго для всехъ магометанъ календаря. По этому календарю простой годъ имѣетъ 12 мѣсяцевъ, а високосный 13, а каждый мѣсяць имѣетъ по 29 и 30 дней. Еженедѣльный магометанскій праздникъ приходится въ пятницу. Кромѣ этого праздника литовскими татарами соблюдаются слѣдующіе общіе для всехъ магометанъ большіе праздники: 10 Муххаремъ «Ашуръ» — въ честь милости Божіей десяти пророкамъ, 12 Рабигуль—Эль «Мавлоденнаби» — въ честь рожденія и смерти Пророка, 4 Раджебъ «Ночь Тайнъ», а 12—«Миграженнаби» въ честь вознесенія на небо Пророка на 12 году послѣ начала откровенія, 15 Шаабанъ—ночь испытаній, въ которую Коранъ появился съ неба, 27 — «Явмуль-Кадръ» и канунъ его, т. е. ночь на 27 «Лайлятуль-Кадръ»—ночь могущества, въ честь окончатель-

наго откровенія Божія Пророку въ 40 г. отъ рожденія на горѣ Хира въ Меккѣ, послѣ заката солнца, 1, 2 и 3 Шеваль «Айдифитръ» (Малый Байрамъ)—въ честь торжественнаго призыва народа къ вѣрѣ Ислама и наконецъ 10, 11 и 12 Зулъ-Хиджа «Айдикурбанъ» (Большой Байрамъ) — въ честь жертвоприношенія Авраамомъ сына своего Измаила. Каждый праздникъ начинается наканунѣ передъ заходомъ солнца и продолжается до сумерекъ дня праздника. Праздникъ выражается прекращеніемъ всѣхъ работъ, общей молитвой и богослуженіемъ въ мечети.

Мечети (месджидъ) въ приходахъ литовскихъ татаръ построены обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ, въ срединѣ или на краю околлицъ и почти всѣ деревянныя. Въ большинствѣ случаевъ мечеть представляетъ собою зданіе почти квадратной формы и имѣетъ сажени по 4 въ длину и въ ширину. Всѣ мечети покрыты тесомъ или гонтомъ на четыре ската. На верху крыши устроены минареть — небольшая башенка, увѣнчанная остроконечной крышей или маленькимъ куполомъ, на которомъ красуется эмблема Ислама—полумѣсяцъ и шестиконечная звѣзда. Къ стѣнѣ мечети пристраиваются сѣни, иногда однѣ, иногда двое, чрезъ которыя внутрь мечети ведутъ два хода—одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ. Здѣсь же въ сѣняхъ имѣются сосуды для омовенія. Внутри мечеть раздѣлена посредствомъ стѣны также на двѣ части мужскую и женскую. Въ этой стѣнѣ устроено длинное узкое отверстие, закрытое рѣшеткою и завѣшенное ковромъ или другой какой либо плотной матеріей. Правила религіи требуютъ чтобы во время по крайней мѣрѣ молитвы, одинъ полъ не могъ видѣть другого. Въ мужской половинѣ мечети надъ входомъ устраиваются хоры, откуда ведетъ лѣсенка на минареть. Прямо противъ входа, у противоположной стѣны, имѣется возвышеніе, откуда муллою читаются молитвы и проповѣди. Внутри, стѣны мечети въ большинствѣ случаевъ даже не выбѣлены. На стѣнахъ мечети, повидимому въ подражаніе христіанамъ, развѣшиваются такіе же рисунки, какъ и внутри домовъ.

Призывъ на молитву (намазъ) производится протяжнымъ чтеніемъ стиховъ изъ Корана помощникомъ муллы, съ минарета, а иногда и передъ мечетью. Правовѣрные входя въ мечеть снимаютъ обувь и совершаютъ молитву сидя на разоетланныхъ на полу кускахъ сукна. Чтеніе молитвы и проповѣдей производится на арабскомъ языкѣ, никому почти непонятномъ. Въ нѣкоторыхъ мечетяхъ (Некранунцы) молитвы и проповѣди читаются даже на русскомъ и польскомъ языкахъ, написанныя арабскими буквами.

Литовскіе татары строго придерживаются постовъ, установленныхъ правилами вѣры. Въ зависимость отъ религіи поставленъ и обыденный столъ литовскаго мусульманина. Обѣдъ татарина состоитъ главнымъ образомъ изъ овощей, мучной каши или «затирки», макаронъ, приготовленныхъ домашнимъ способомъ, всевозможнаго рода

крупниковъ и т. п. Все это готовится съ молокомъ или мясомъ. Литовскіе татары изъ всѣхъ сортовъ мяса предпочитаютъ баранину. Запрещеніе употреблять въ пищу свинину соблюдается со всею строгостью. Изъ напитковъ литовскіе татары употребляютъ пиво и не смотря на запрещеніе—вино и водку. Традиціонный кумысъ нигдѣ рѣшительно не готовится и о немъ сами татары знаютъ только по наслыжкѣ. Во многихъ случаяхъ не соблюдается запрещеніе и относительно куренія табаку.

Вліяніе мѣстныхъ обычаевъ и привычекъ сильно сказалось и на семейной и обрядовой сторонѣ жизни литовскаго татарина.

Не смотря на то, что по нынѣ дѣйствующему законодательству *) всѣмъ вообще лицамъ магометанскаго исповѣданія предоставлено право многоженства, литовскіе татары, для которыхъ никакихъ исключеній не сдѣлано, строго соблюдаютъ одноженство. Обычай этотъ основанъ повидимому на древнемъ литовскомъ законодательствѣ, по которому татарамъ было предоставлено право жениться на христіанкахъ, съ единственнымъ условіемъ—имѣть лишь одну жену. Уничтоженіе этого права относится къ 1616 г. Обычай одноженства соблюдается настолько строго, что нѣкоторые муллы требуютъ отъ вступающаго въ бракъ жениха изъ другого прихода представленія доказательствъ, что онъ не состоитъ уже въ бракѣ. Хотя религія и не воспрещаетъ браковъ въ третьей степени родства и свойства, но татары неодобрительно смотрятъ на такіе браки, находя, что «на нихъ нѣтъ Божьяго благословенія».

Свадебная церемонія отличается простотой и совершается вполне по шляхетски. Желаящій жениться ѣдетъ или идетъ въ сопровожденіи ловкаго, развязнаго въ разговорѣ свата къ родителямъ невесты. Родители принимаютъ гостей и начинаютъ угощать ихъ, а свать заводитъ разговоръ на самую невинную тему. Разговоръ вскоре переводится на цѣль посѣщенія и затѣмъ начинается обсуждаться вопросъ о согласіи молодыхъ. Если видятъ, что молодые согласны на бракъ — свать и родители невесты начинаютъ разговоръ и торгъ о приданномъ. Приданное дается деньгами и «выправою» т. е. одеждою и постелью невесты, и то и другое опредѣляется по состоянію родителей невесты. При отсутствіи у родителей невесты сыновей—женныхъ въ качествѣ приданнаго получаетъ по женѣ «фортуна» т. е. участокъ земли и переселяется на житье къ ней въ домъ, — «въ пріймы».

Въ день свадьбы женихъ, въ сопровожденіи свата и дружковъ, является къ невестѣ и вмѣстѣ съ нею, въ сопровожденіи «своей компаніи», дружекъ невесты, свахи, родственниковъ и знакомыхъ отправляется къ муллѣ. Если жениху позволяютъ средства, — то онъ

*) Сводъ Зак. т. X. ч. I, ст. 80, 90, 1161; ср. Проектъ Гражд. Улож. ст. 10 и объясн. къ ней.

приглашаетъ мулла къ невѣстѣ на-домъ. Бракъ совершается дома съ соблюденіемъ религіознаго ритуала. Затѣмъ въ домъ молодой происходитъ гульба — свадьба. На слѣдующій день молодые отправляются къ родителямъ жениха.

Жена, вступивъ въ домъ мужа, признается равноправнымъ членомъ всей семьи. Въ отношеніяхъ мужа и жены вовсе даже не чувствуется что либо напоминающее, сродный всѣмъ вообще восточнымъ народамъ, семейный деспотизмъ. Жена признается полною хозяйкою дома, точно такую же какъ ея сосѣдка христіанка, и въ ея «бабскія дѣла, мужъ не имѣетъ права вмѣшиваться». Вмѣстѣ съ этимъ жена является первой и главной помощницей у мужа. Она наравнѣ съ нимъ работаетъ въ полѣ и въ огородѣ, сгребаетъ и сушитъ сѣно на лугу, торгуетъ на базарѣ и т. п. Мужъ не проявляетъ малѣйшей даже попытки удалить жену отъ участія въ общемъ столѣ и если она въ присутствіи постороннихъ людей и не садится съ мужемъ за столъ, то только потому, что на ней, какъ на хозяйкѣ, лежитъ обязанность приготовить и подавать угощеніе.

Рожденіе ребенка встрѣчается въ семьѣ радостью. Отецъ съ хлѣбомъ-солью идетъ къ сосѣдамъ, приглашая ихъ навѣстить роженцу. Сосѣдки собираются «въ одвѣдины» и приносятъ съ собою также хлѣбъ-соль. Для записи метрики о рожденіи ребенка и обрѣзанія его приглашается мулла со своимъ помощникомъ, при этомъ справляются «крестбины» съ вышивкою и закускою, на которыя приглашаются сосѣди, знакомые и родственники.

Ребенокъ растетъ подъ строгимъ надзоромъ родителей. Отъ 7—9 лѣтъ онъ начинаетъ принимать участіе въ посильныхъ хозяйственныхъ работахъ—пасеть скотъ, помогаетъ носить снопы на полѣ, складывать сѣно и т. п. Въ свободное отъ работъ время маленкій татарченокъ съ удовольствіемъ предается обыкновеннымъ деревенскимъ играмъ «въ зайцы», «въ свинку» и др., а дѣвочка съ увлеченіемъ нянчитъ самодѣльную куклу, «принимаетъ гостей» и «сама ходитъ въ гости» и «торгуетъ на базарѣ морковью и рѣдисою» и т. п. Въ 18—20 л. парни превращаются въ «кавалеровъ», а дѣвочки въ 16—17 л.—въ «барышень» (панецъ). Оба пола чаще сходятся на вечерки и вечеринки. Въ татарской околицѣ всегда есть одинъ или нѣсколько музыкантовъ, умѣющихъ играть на гармоніи, скрипкѣ, «цымбалахъ», или дудѣ (волынѣ). Танцуютъ «кадриль» «польку», «мазурь-польку», «лянсье», «граковягъ» и др. старинные мѣстные танцы. Народныхъ татарскихъ танцевъ никто положительно не знаетъ. Татарка—дѣвушка любитъ пѣть, но поетъ пѣсни тѣ-же русскія или польскія, какія поются ея сосѣдками шляхтянками.

Татары весьма гостепримны и не выпускаютъ изъ дома даже посторонняго человѣка не напоивъ и накормивъ его.

Трудовая жизнь литовскаго татарина скрашивается тѣми же самыми народными праздниками, какіе сохранились еще у крестьянъ

и шляхты нашего края. Шляхтичъ мусульманинъ также какъ и христiанинъ сосѣдь его, положивъ первое бревно подъ срубъ дома справляетъ «закладыны», затѣмъ, входя въ новый домъ, не преминетъ устроить «уходины». Зажавъ первый снопъ ржи въ полѣ, татаринъ ставитъ въ красномъ углу снопъ—«господаря», а когда окончится жатва, — «господаря» выносить въ гумно, а въ красномъ углу вѣшаетъ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосевъ.

Сѣдая старость имѣетъ право на полный покой, если только въ семьѣ есть рабочая сила. Старикъ татаринъ предается болѣе созерцательной жизни. Нѣкоторые старики, не желая оставаться совершенно праздными, начинаютъ промышленяты врачеванiемъ. Врачеванiе это заключается единственно почти въ заговорахъ во всевозможныхъ видахъ—на водкѣ, молокѣ, водѣ, выписыванiи „тайныхъ“ iероглифовъ на лоскуткахъ бумаги, коркахъ хлѣба, чтенiи подходящихъ мѣстъ изъ Корана и т. п. Заговорами знахарь-татаринъ лечитъ страдающихъ падучей болѣзнью, „подвѣянныхъ вѣтромъ“, „уреченныхъ“ (сглаженныхъ) и др. Крестьяне, а иногда и болѣе развитые люди вѣрятъ въ силу татарскаго леченiя и часто обращаются къ нимъ. Слава Ивейскихъ знахарей распространена слишкомъ широко.

Смерть сопровождается общею печалью. Умершаго обертываютъ саваномъ и на носилкахъ несутъ на кладбище. Похоронной процессiи предшествуетъ мулла. За покойнымъ идутъ его родственники и знакомые. Покойникъ прикрывается въ могилѣ доской и засыпается землею, а на могильномъ курганѣ ставится остроконечный камень. На могилахъ зажиточныхъ мусульманъ ставятъ изящно отдѣланные надгробные камни.

Долговременная жизнь литовскихъ татаръ среди чуждаго по языку, вѣрѣ и обычаямъ для предковъ ихъ народа—послужила къ совершенному уничтоженiю и народныхъ татарскихъ юридическихъ обычаевъ. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ татарамъ, по русскимъ законамъ, и разрѣшено руководствоваться Магометанскимъ правомъ, но они весьма рѣдко примѣняются къ нему, и напротивъ стараются въ имущественныхъ дѣлахъ поступать такъ, какъ поступаетъ въ такихъ случаяхъ мелкая шляхта. Участокъ земли, составляетъ собственность отца или матери, смотря по тому кто его получилъ въ наслѣдство или приобрѣлъ какимъ либо способомъ. По смерти отца, хозяйкой на участкѣ земли, не смотря на то, кому онъ принадлежить, остается мать. Но мать не можетъ всецѣло распоряжаться въ такихъ случаяхъ землею, если у нея есть взрослые сыновья. Недвижимое имущество дѣлится сыновьями поровну, но если участокъ земли малъ, тогда одинъ который либо братъ выплачиваетъ остальнымъ братьямъ за ихъ части стоимость послѣднихъ деньгами. При не имѣнiи сыновей—участокъ переходитъ къ дочерямъ на тѣхъ же условiяхъ. Точно также дѣлится и движимое имущество. Исполненiе договора о продажѣ, наймѣ и т. п. обезпечивается задаткомъ, дава-

емымъ покунщикомъ или наемщикомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—залогомъ—закладываемымъ продавцомъ или нанимаемымъ. Заключение договора сопровождается «барышемъ» т. е. угощеніемъ, который ставится одной или другой стороной, по условію, или смотря по тому—для кого договоръ является болѣе выгоднымъ. Въ околицахъ каждый владѣть отдѣльнымъ участкомъ земли; выгонъ пастбища, а иногда и лѣса, состоятъ въ общемъ владѣніи всей околицы. Мечеть признается собственностью всего прихода и обязанность починокъ и ремонтіровокъ ея лежитъ на всѣхъ прихожанахъ соразмѣрно достатку каждаго изъ нихъ.

Всѣ литовскіе татары признаются потомственными дворянами. Одни изъ татаръ принесли свое привилегированное положеніе въ Литву изъ прежней еще своей родины, другіе—заслужили его у вел. кн. литовскихъ. Привилегіи татаръ на дворянство были возобновлены королемъ Яномъ Собѣскимъ въ 1677 г. и затѣмъ подтверждены—Августомъ II въ 1698 г., Августомъ III въ 1754 г. и Станиславомъ Августомъ въ 1778 г. *). Кромѣ того, права и вольности литовскихъ татаръ неоднократно подтверждались и сеймовыми конституціями: въ 1656, 1662, 1670, 1673, 1674, 1677, 1678, 1726, 1736 и въ послѣдній разъ въ 1775 г. г. **). Въ именномъ Высочайшемъ указѣ отъ 30 Октября 1794 г. ***) Императрица Екатерина II Великая писала Лифляндскому, Эстляндскому и Литовскому Генераль-Губернатору князю Рѣпинну: «Съ благовременнымъ прохожденіемъ всѣхъ частей возлагаемаго на васъ служенія не оставьте вы безъ замѣчанія поселенныхъ въ Литовскихъ областяхъ Татарскаго племени войскъ, яко происходящихъ отъ народа храбраго и прямодушнаго, а чрезъ то Наше Высочайшее объ нихъ попеченіе привлекающихъ: понеже чаемъ въ нихъ обрѣсти отрасли тѣхъ добрыхъ качествъ, коими народъ Татарскій намъ извѣстенъ; для сего поручаемъ вамъ, принявъ отъ нихъ вмѣстѣ съ прочими Литовскими жителями на вѣрность Намъ присягу, утвердить ихъ въ ихъ собственности и преимуществахъ, и все ихъ общество Нашимъ священнымъ словомъ обнадѣжить, что не только оставляемъ ихъ въ свободѣ отправлять свое богослуженіе, и при всемъ томъ, что въ Литвѣ они имѣютъ, но желаемъ, обезпечая ихъ состояніе, паче оное осчастливить; и на сей конецъ ожидаемъ отъ васъ представленія, что по извѣданіи настоящаго ихъ положенія, найдете способныхъ къ усугубленію ихъ выгодъ и имъ наиболѣе нужныхъ».

Условія жизни положили свой отпечатокъ и на характеръ татаръ. Красноглымъ камнемъ характера литовскаго татарина является добродушіе, соединенное съ простотой, доходящей иногда до

*) А. Вил. Ахр. Ком., XIII. (1886), 108—112.

**) Invent. nowy wszystkich praw, statutow, konstytucyj etc. (1754), 742—745; Volum. Leg., VIII (1860), 404.

***) Сборн. докум., касающихся адм. устр. С.-З. края при Императрицѣ Екатериинѣ II, (1903), 30.

наивности. Пылкость и подвижность, характера наблюдаемая у молодежи, у старика превращаются въ тихій, созерцательный темпераментъ. Литовскій татаринъ весьма трудолюбивъ, но у него иногда сказывается отсутствіе собственной инициативы и предприимчивости. Татаринъ съ увлеченіемъ занимается тѣмъ дѣломъ, какимъ занимались его дѣды, но онъ слишкомъ неохотно принимается за что либо новое. Замѣчательно напр., что развитое въ С.-З. краѣ арендованіе имѣній и даже мелкихъ участковъ земли, принадлежащихъ помещикамъ и мелкой шляхтѣ, не встрѣчаетъ предпринимателей въ средѣ литовскихъ татаръ. Даже у тѣхъ изъ нихъ, которые почему либо оставили свое хозяйство, арендаторомъ бываетъ не свой братъ дворянинъ татаринъ, но мелкій шляхтичъ или крестьянинъ. Литовскій татаринъ строго смотритъ, за собой и не позволяетъ себѣ неисполнить даннаго имъ слова. Всѣ вообще литовскіе татары весьма нравственны. Многие изъ нихъ пьютъ напр. вино и водку, но пьяницъ между ними нѣтъ. Татаринъ въ высшей степени честенъ, онъ не можетъ въ своемъ понятіи даже совѣстить такихъ двухъ вещей какъ дворянинъ-татаринъ и воръ. Не меньшею нравственностью отличаются и татарки-женщины. Напр. можно съ увѣренностью сказать, что случаевъ рожденія вѣбрачныхъ дѣтей среди литовскихъ татаръ не было. Въ домашней жизни литовскій татаринъ является нѣжнымъ мужемъ и отцомъ. Въ его обращеніи съ женою и дѣтьми не чувствуется и слѣда деспотизма, но какъ жена, такъ и дѣти безпрекословно подчиняются его волѣ. Слишкомъ развитой обычай у христіанъ, сосѣдей литовскихъ татаръ, драть за малѣйшее неповиновеніе жену и дѣтей, между послѣдними не получилъ примѣненія. Между собою всѣ литовскіе татары поддерживаютъ самыя добрыя отношенія. Ссоръ, дракъ, сутяжничества, словомъ всего того, что составляетъ насущную потребность мелкаго шляхтича, между татарами нѣтъ. Татаринъ всегда и вездѣ, чѣмъ можетъ, старается помочь своему брату татарину. Татары вообще не интересуются или интересуются очень мало общественной жизнью. Жизнь эта представляется имъ далекой и чужой. Весь интересъ ограничивается почти исключительно своимъ кругомъ, братьями-татарами и за границы этого круга переходитъ очень рѣдко. Татаринъ любитъ разсказать о своихъ родственникахъ и знакомыхъ, которымъ посчастливилось такъ или иначе устроиться. Татаринъ при всемъ этомъ не прочь побывать въ компаніи приличныхъ людей—шляхты, такихъ же самыхъ дворянъ какъ онъ, но заводить дружбу съ крестьяниномъ считаетъ для себя неудобнымъ. Татары слишкомъ высоко цѣнятъ свое дворянство и свое исключительное положеніе въ С.-З. краѣ Россіи, но къ сожалѣнію не многие изъ нихъ пользуются имъ. Недостатокъ инициативы и матеріальныхъ средствъ во многихъ случаяхъ препятствуютъ литовскимъ татарамъ къ улучшенію духовной, матеріальной и общественной жизни.

М. Шимелевичъ.



ЛИТОВЦЫ.

(Общій очеркъ).

I.

Древнія извѣстія о литовцахъ *).

Литовскій край въ доисторическое время былъ непроходимымъ боромъ, подъ вѣковою сѣнью котораго плескались огромныя озера, многоводныя рѣки, безконечно тянулись тонкія болота, ютились разныя дикіе звѣри и птицы. Естественныя богатства страны содѣйствовали ея постепенному заселенію. Не малую борьбу пришлось вести здѣсь человѣку какъ со стихійными силами природы, такъ и съ хищными звѣрями, первыми хозяевами страны. Много было затрачено усилій, прежде чѣмъ человѣкъ обезпечилъ себѣ самыя элементарныя условія существованія въ неуютномъ литовскомъ краѣ.

*) Главнѣйшіе труды по вопросу о древнихъ литовцахъ.

В. Б. Антоновичъ: «Монографія по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи» т. I, Кіевъ, 1885 г. (Очеркъ исторіи Литвы до смерти Ольгерда). Его же «Исторія Литвы».

Э. А. Водитеръ: «Объ этнографической побѣдѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 г.», Записки Имп. Ак. Наукъ, т. LVI 1888 г.

А. Л. Погубинъ: «Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени», (Сборникъ статей по археологій и этнографіи). Спб. 1902 г.

П. И. Потуловъ: «Замѣтки о древнихъ литовцахъ и ихъ могильникахъ въ Виленской губ.». Памят. книжка Виленской губ. 1901 г.

П. С. Матулявичъ: «Литовское племя въ Виленской губ.». Пам. книжка Виленской губ. за 1902 г.

М. О. Кояловичъ: «Чтенія по исторіи Западной Россіи».

Д. Иловайскій: «Исторія Россіи» ч. III. (Московско-Литовскій періодъ).

П. Н. Батюшковъ: «Вѣлоруссія и Литва». Историческія судьбы Северо-Западнаго края». Спб. 1890.

Назъ польскихъ историковъ изученіемъ древней Литвы занимались:

Ярошевскій («Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych» г. I—III. Wilno. 1844—1845 г.), *Кравецкій* («Litwa» т. I—II. Warszawa. 1850 г.), *Лелель* («Dzieje Litwy i Rusi». Poznań. 1884 г.),

Маутовскій («Pierwotne dzieje Polski i Litwy». Warszawa. 1846 г.), *Нарбутъ* («Dzieje starożytne narodu litewskiego», I—IX. Wilno. 1835—1841), *Нарушевичъ*, *Рогальскій*, *Сарненскій*, *Селявскій*, *Скурмунтъ* («Dzieje Litwy», Krakow. 1885 г.), *Смолка* («Najdawniejsze pomniki» Krakow. 1889 г.) и др.

Самая обстоятельная библиографія Литвы у Балтрамайтиса: «Сборникъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, исторіи права, статистики и географіи Литвы», изд. второе. Спб. 1904 г.

Историческія, лингвистическія и археологическія данныя, собранныя наукой, позволяютъ въ настоящее время сдѣлать вполне вѣроятное предположеніе, что литовцы, прежде чѣмъ заселить прибалтійскія берега, жили задолго до Рож. Хр. въ Азіи—колыбели народовъ. Тѣнимые какимъ то неизвѣстнымъ, но сильнымъ врагомъ, они въ теченіе вѣковъ тяжелой волной перекочевали отъ гималайскихъ высотъ до балтійскихъ низменностей и поселились сначала въ южныхъ степяхъ нынѣшней Россіи, а потомъ перешли въ области рѣкъ Вислы, Нѣмана и Западной Двины, гдѣ живутъ и до настоящаго времени.

Въ наукѣ было высказано много разныхъ предположеній относительно принадлежности литовцевъ къ той или другой семьѣ народовъ. Литовскій историкъ Нарбуттъ полагаетъ, что литовскій народъ произошелъ отъ смѣшенія прибалтійскихъ кимвровъ съ гелонобудинами, вытѣсненными кавказскими племенами изъ своего отечества на берега рѣкъ Нѣмана и Вилии. По мнѣнію Соловьева, литовцы и славяне принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, этнографически сблизившимся между собою по ходу историческихъ событій. Шафарикъ наоборотъ думаетъ, что литовцы и славяне составляютъ двѣ отрасли одного и того же племени. По мнѣнію Дубровскаго, раздѣляемаго Раскомъ и Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, Ляцкимъ и др., литовскій языкъ ближе всѣхъ подходитъ къ славянскому. Но нѣмецкій ученый Вирховъ совершенно выдѣляетъ литовцевъ изъ семьи славянскихъ народовъ. Антропологическій типъ литовцевъ изучали въ послѣднее время: П. Бренсонъ, Ю. Талько-Гринцевичъ, В. Олехновичъ и К. А. Янчукъ. На основаніи 250 краниоскопическихъ наблюденій Олехновичъ причисляетъ литовцевъ къ короткоголовому типу средней Европы къ кельто-лито-славянской расѣ. Талько-Гринцевичъ, сдѣлавшій болѣе 1700 антропометрическихъ наблюденій наоборотъ сближаетъ ихъ съ типомъ черепа финскихъ и могильныхъ жителей Бѣлорусіи. Янчукъ замѣчаетъ, что литовцы формой головы, цвѣтомъ волосъ и глазъ близко подходятъ къ бѣлоруссамъ. По мнѣнію ученыхъ Шлейхера, Гильфердинга, литовское племя отдѣлилось отъ славянскаго позднѣе, чѣмъ славянское отдѣлилось отъ германскаго, греко-италійскаго ¹⁾).

Въ общемъ мнѣнія ученыхъ, при всемъ ихъ разнообразіи, сходятся въ томъ, что литовцы принадлежатъ къ общеарійской семьѣ народовъ и что они появились въ русской низменности гораздо раньше германцевъ и славянъ.

Что касается жмудинъ, то, по изслѣдованіямъ такихъ писателей, какъ Тунманъ, Польтъ, Раска, Гумбольдтъ и Шафарикъ, нынѣшніе жители Жмуди-славяне, измѣнившіе съ теченіемъ времени подѣ влияніемъ литовцевъ свою этнографическую фізіономію. Филологъ

¹⁾ *И. И. Помуловъ*: «Замѣтки о древнихъ литовцахъ». «Пам. кн. Вид. губ.» 1901 г. стр. 46.

Ватсонъ пытался доказать, что жмудины имѣютъ много общаго съ русскими славянами, такъ какъ и въ настоящее время двѣ трети словъ въ ихъ рѣчи заимствовано изъ русскаго языка ¹⁾. Мнѣніе это, хотя и имѣетъ за собою авторитетъ вышеприведенныхъ ученыхъ, однако сильно оспаривается другими учеными, считающими жмудинъ этническою вѣтвью литовскаго племени.

Свѣдѣнія о доисторическихъ литовцахъ, жившихъ на русской равнинѣ со времени христіанской эры, очень скудны.

Историкъ 1-го вѣка Тацитъ, старавшійся дать исторической наукѣ по возможности наиболѣе точныя географическія свѣдѣнія и сообщившій о германцахъ, западныхъ сосѣдяхъ литовцевъ, ничего не говоритъ о литовцахъ. Восточныхъ сосѣдей германцевъ онъ называетъ «аистіями» («aestia»). Но были ли «аистіи» литовцами—это подлежить спору. Онъ же говоритъ, что за «аистіей» живутъ «гудыны». По литовски «гуды»—инородцы. Думаютъ, что это бѣлоруссы ²⁾.

У Птоломея, составившаго свою географію около половины II вѣка по Рож. Хр., есть нѣсколько этническихъ названій, относящихся, какъ думаютъ, къ литовцамъ, таковы:—«судины» («судавы»), «галинды».

Въ III вѣкѣ нашей эры изъ глубинъ Азіи показались германскія племена, которыя потѣснили предъ собою народы, жившіе на русской равнинѣ, въ южной ея части. Принеся съ собою довольно развитую культуру (у нихъ были уже князья, определенное оружіе, деньги) и войдя въ близкое соприкосновеніе съ литовцами, эти племена, точное названіе которыхъ пока еще не выяснено (думаютъ, что это были готы), оказали на ихъ бытъ и возрѣнія большое вліяніе ³⁾.

Кромѣ германскихъ племенъ, на литовцевъ оказали замѣтное этнографическое давленіе и финны. Въ настоящее время довольно прочно установленъ тотъ фактъ, что въ IV вѣкѣ нашей эры финскія племена, занимавшія центральную область нынѣшней европейской Россіи, тоже тѣснимыя какимъ то врагомъ (быть можетъ тѣми же готами), должны были двинуться на сѣверъ и сѣверо-западъ. А передъ ними подвинулись ближе къ балтійскому побережью и литовскіе народы. Что литовцы съ незапамятныхъ временъ были въ общеніи съ финнами, объ этомъ янѣе всего говоритъ языкъ,—вѣрный показатель международныхъ отношеній. Были ли литовцы культуры финновъ, или финны были податливѣе къ усвоенію оборотовъ

¹⁾ *Lelewel*: «Narody na ziemiach słowianskich przed powstaniem Polski». Poznan 1853 г. стр. 274—278.

²⁾ *A. W. Maciejowski*: «W Tacitowey Germanii są ślady dziejow Polski i Litwy». «Bibl. Warsz.». 1844 г.

³⁾ О готахъ—литовцахъ статья *Латомы* (Lathom) въ «Современникѣ» 1853 г. XLII. *Ө. Браунъ*: «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній: Готы и ихъ сосѣди до V вѣка». 1899 г.

чужого языка,—трудно рѣшить. Но то обстоятельство, что въ финскомъ языкѣ много литовскихъ словъ, ясно указываетъ, что литовскій языкъ былъ знакомъ финнамъ. Вообще, ученые (Погодинъ напр.) твердо устанавливаютъ фактъ совместнаго и долговременнаго соебдства финновъ и литовцевъ задолго еще до Рождества Христова и считаютъ это обстоятельство начальнымъ достовѣрнымъ событіемъ литовской исторіи, точно выясненнымъ языкознаніемъ ¹⁾.

Такъ постепенно миролюбивые и мягкохарактерные литовцы, занимавшіе южныя области нынѣшней европейской Россіи ²⁾, сдвигались своими соебдами, подчинялись ихъ вліянію и уступали имъ свою территорію, пока не дошли до береговъ Балтики, гдѣ некуда уже было отступать.

Съ IV вѣка по Р. Х. литовское племя надолго пропадаетъ въ исторіи. Литературныя извѣстія о немъ появляются сравнительно поздно—лишь въ XI—XII в. Къ этому времени на жизни литовцевъ сказалось уже вліяніе славянъ.

Занявъ нижнюю половину бассейна Западной Двины, литовцы врѣзываются въ глубь материка клиномъ между славянъ. Литовское племя было близко къ славянамъ: на юго-восточной границѣ оно соприкасалось съ русскими племенами—кривичами и дреговичами, на юго-западной съ польскими—мазовшами и поморянами.

Къ X и XI вѣкамъ литовское племя успѣло уже образовать нѣсколько этнографическихъ типовъ и подраздѣлиться на нѣсколько народовъ съ особыми наименованіями. Карту Литвы этого времени можно представить такимъ образомъ. На правой сторонѣ Западной Двины, между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и предѣлами чудскихъ народцевъ—этовъ и ливовъ, жило племя, называемое въ русскихъ лѣтописяхъ летыголоу (нынѣшніе латыши). Вдоль лѣваго берега Двины, отъ средняго ея теченія и до моря, простирался другой литовскій народъ—жемгага, или по латинской транскрипціи, семиваллы, извѣстные автору «Новѣсти временныхъ лѣтъ». Выдающійся къ сѣверу, между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ, полуостровъ занятъ былъ третьимъ литовскимъ народомъ, названнымъ въ русскихъ лѣтописяхъ корель, а въ западныхъ—куроны. Въ центрѣ поселеній литовскаго племени, по бассейнѣ Пѣмана, размѣстился

¹⁾ А. Погодинъ: «Древніе литовцы». «Книга для чтенія по русской исторіи» Довнаръ-Запольскаго, Т. I, Москва, 1903 г. стр. 629.

²⁾ Въ наукѣ высказано мнѣніе, что литовцы занимали огромную площадь нынѣшней южной Россіи и даже Балканскаго полуострова. Бассановичъ въ своихъ этнологическихъ изслѣдованіяхъ находитъ на Балканскомъ полуостровѣ литовскія названія разныхъ урочищъ. Дунай часто прослѣживается въ литовскихъ пѣнахъ. Главнѣйшая литература по этому вопросу: *Кочубинскій*: «Территорія доисторической Литвы». «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.» 1897 г. ССІХ. «Слѣды литовскаго владычества въ новороссійскомъ краѣ»—А. Скальковскаго, въ «Журн. Мин. Внут. дѣл.» 1845 г. т. XI. «Объ орудіяхъ жителей балтійскихъ окрестностей». Ю. Венедина въ «Чт. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1846 г. № 4.

два народа: жмудь—на нижнемъ теченіи этой рѣки, по ея притокамъ Дубиссѣ и Невяжѣ и по взморью у ея устья, и Литва (имя которой въ послѣдствіи сдѣлалось генетическимъ названіемъ всего племени)—на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокѣ Вилии. Наконецъ, между славянскими племенами—мазовшами и дреговичами—простирались поселенія послѣдняго литовскаго народа—ятвяговъ, достигавшія до Западнаго Буга и вверхъ по теченію этой рѣки, до сѣверныхъ предѣловъ Волынскаго княжества ¹⁾).

Съ очень ранняго времени славяне колонизуютъ Литву. Начало славянскихъ поселеній въ Литвѣ теряется въ глубокой древности ²⁾. Слѣды древнихъ славянскихъ колоній дошли до насъ въ чисто славянскихъ названіяхъ рѣкъ и разныхъ урочищъ литовскаго края, тождественныхъ съ названіями новгородской земли и Приднѣпровья. Таковы названія рѣкъ въ Литвѣ и Жмуди: Вилия, Святая, Невяжа, Дубисса, Ора, Русь, Западная Двина (Сѣверная Двина есть въ новгородской землѣ), Десна (Десна въ сѣверской землѣ, теперь въ орловской губерніи), Наревъ или Наровъ въ землѣ ятвяговъ имѣтъ одноименную себѣ Нарову въ новгородской землѣ. Пултусѣ на рѣкѣ Наревѣ напоминаетъ Полотскѣ. Равнымъ образомъ въ нынѣшнихъ виленьской, минской и гродненской губерніяхъ есть нѣсколько урочищъ, напоминающихъ Смоленскѣ или Смольнякѣ. Таковы: Смоленскѣ въ ошмянскомъ уѣздѣ, Смоленица въ гродненской губерніи, даде Смолянки, Смолевичи и т. п. Мѣстечко Кривичи въ вилейскомъ уѣздѣ и Криво—въ ошмянскомъ могутъ указывать на колоніи изъ Смоленска. Тверь—въ ковенской губерніи, въ глубинѣ жмудской земли, напоминаетъ Тверь въ новгородской области. Крайній притокъ Нѣмана, лежащій въ глубинѣ жмудской земли, носитъ названіе Руси, что показываетъ, что полочане пришли сюда уже тогда, когда сами стали называться русскими—(другой притокъ Нѣмана съ правой стороны въ землѣ ятвяговъ тоже называется Россой или Русью ³⁾).

Нѣкоторые историческія свидѣтельства даютъ основаніе думать, что область древней литовской земли была даже извѣстна подъ общимъ названіемъ Руси. Описывая подвиги и мученическую кончину св. Брунона, пострадавшаго въ 1109 году въ Пруссіи, по всей вѣроятности тамъ, гдѣ нынѣ городъ Браунбергъ ⁴⁾, лѣтописецъ XI вѣка,

¹⁾ Въ русской литературѣ, за исключеніемъ случайныхъ замѣтокъ, совершенно нѣтъ изслѣдованій о «ятвягахъ», равно и о «голяди» (литовское племя доходившее до предѣловъ тульск. губ.).

²⁾ *Костомаровъ*: «Литовское племя и отношеніе его къ русской исторіи».

³⁾ Впрочемъ, филологическія разслѣдованія древне-литовской географической номенклатуры допускаютъ и другія объясненія вышеприведенныхъ наименованій.

⁴⁾ *Ign. Dandowicz*: Skarbiec diplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, książęcych... posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy. Wilno, 1860—1862 г. т. I, стр. 36. По сообщенію кведлинбургской, мардебургской лѣтописей и лѣтописца Сека, Брунонъ былъ убитъ «in confinio Russiae et Lituae», а по словамъ Дитмара и Маріана Кортра—«in confinio Russiae et Prussiae».

Дитмаръ Мерзебургскій, пишетъ, что св. Брунонь обезглавленъ язычниками на границѣ Пруссіи и Руси¹⁾. Другой лѣтописецъ того же вѣка, Адамъ Бременскій, перечисляя прусскія провинціи, говоритъ, что Самбія (т. е. сѣверо-восточная часть собственной Пруссіи) граничитъ съ русскими²⁾. Гельмгольдъ, лѣтописецъ XII вѣка, писалъ между прочимъ: — «*brzeg południowy zamieszkuja ludy Slawianskie, z których na wschodzie pierwsi są Russowie, za nimi Polacy, z którymi graniczą na północ Prussowie*»³⁾.

Лѣтописецъ XII вѣка—Вадевикъ Фрисингенскій свидѣтельствуетъ, что въ его время въ нынѣшней ковенской губерніи до самаго Балтійскаго моря, жили также русскіе («*Ruthenos et mare Scythicum*»)⁴⁾ Наконецъ, лѣтописецъ тевтонскихъ рыцарей, жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣковъ, Петръ Дюйсбургъ писалъ, что не только въ нынѣшней сувальской губерніи, но, что главное, и въ ковенскомъ, россиянскомъ и тельшевскомъ уѣздахъ жили въ его время русскіе: «*Sambiae et maxime Russici conspirationem fecerant, ut omnes suos nobiles occiderent*»⁵⁾. На лѣвомъ берегу рѣки Немана и залива Куришгафа жили издреле въ немаломъ числѣ тоже русскіе («*Rutheni*»), какъ видно изъ р. католическаго требника («*Agenda Ecclesiastica*»), изданнаго въ 1530 году римско-католическими епископами Георгіемъ Поленцемъ и Павломъ Сператомъ. Въ старину, особенно у прусскихъ писателей, рѣка Мемель называлась Руссомъ, заливъ Куришгафъ Русною, городъ Россіены-Россією. Наконецъ, при впаденіи рѣки Мемеля въ Куришгафъ, на правомъ его берегу, въ древности находился городъ Русинъ⁶⁾.

Что касается собственно названія «Литва», то по свидѣтельству польскаго историка Даниловича, оно появляется лишь въ XI в.: «*i tak zaledwie na początku XI wieku imię Litwy spostrzegamy w dziejach całego świata*»⁷⁾.

Историки производятъ слово «Литва» отъ словъ «Летуванисъ» (литовскій богъ дождя, что могло указывать на сырость края) или Летува (названіе литовской богини свободы).

Болѣе достовѣрныя и хронологически точныя свѣдѣнія о литовцахъ идутъ отъ древнихъ славянскихъ лѣтописцевъ, сохранившихъ въ своихъ записяхъ нѣсколько интересныхъ хронологическихъ датъ. Такъ лѣтописецъ Несторъ зналъ о Неромѣ,—одной изъ литов-

¹⁾ «*Kronika Dytmara, spolszczona przez Zygm. Komarnickiego*». Zytomierz г. 1862, стр. 267.

²⁾ *T. Narbutt*: «*Dzieje starożytne...*» т. II, стр. 310.

³⁾ *Helmold*: «*Kronika sławianska*» Warszawa. 1866 г. стр. 6.

⁴⁾ *T. Narbutt*: «*Dzieje starożytne nar. litew.*» т. II стр. 310.

⁵⁾ *Narbymma* т. II, стр. 311.

⁶⁾ *Bahński*: «*Starożytna Polska*», т. III, стр. 509.

⁷⁾ *Danilowicz*: «*Skarbiec...*» т. I, стр. 36. «Названіе литовскаго народа» «Ков. губ. вѣд.» 1849 г. № 3. «О происхожденіи и названіи литовскаго народа» «Ков. губ. вѣд.» 1854 г. № 10, 1855 г. № 1.

сихъ областей, лежавшей на югъ отъ лѣваго берега Виліи, которая платила дань варяго-русскимъ князьямъ въ IX вѣкѣ, слѣдовательно, скоро послѣ призванія князей.

По лѣтописнымъ извѣстіямъ, изъ литовскихъ племень ранѣе всѣхъ обнаружили свое историческое существованіе ятвяги, жившіе въ бассейнѣ Нарева и Буга, среди польскаго населенія. Съ ними въ X. в. впервые столкнулись русскіе князья. Въ 983 г. «иде Володимиръ на Ятвяги, и побѣди ятвяги и всю землю ихъ». Ярославъ въ XI в. уже пришлось воевать не съ одними ятвягами, но и со всей Литвой. Въ лѣтописи Длугоша говорится, что Ярославъ ходилъ на Литву, побѣдилъ ее и взялъ дань лыками и вѣниками. Но о какихъ литовцахъ говорить здѣсь лѣтописецъ, — трудно опредѣлить съ точностью.

Литовскія племена жили врозь и слабо сознавали необходимость общаго этнографическаго родства между собою. Это видно, напр., изъ того, что литовцы часто воевали съ жмудинами, а эти послѣдніе ненавидѣли литовцевъ, по всей вѣроятности, за ихъ нѣкоторыя бытовья преимущества.

Естественно-географическія, климатическія условія существованія отдѣльныхъ литовскихъ народовъ были такъ однообразны, что эти народы, при различіи своихъ наименованій, не представили какихъ-либо рѣзкихъ этнографическихъ особенностей, которыми одно племя отличалось бы отъ другого.

Замѣчательно, что древнія преданія и лѣтописныя сказанія, сохранившія для насъ первоначальную этнографическую номенклатуру древнѣйшихъ литовскихъ народовъ, не указываютъ никакихъ признаковъ политическаго объединенія этихъ народовъ. Поэтому, съ большою вѣроятностью можно предполагать, что всѣ вѣтви литовскаго племени составляли отдѣльные народы только въ этнографическомъ смыслѣ этого слова. Это были этнические, а не политическіе союзы. Объединяющей политической власти не существовало до XII ст. Только литовцы и жмудины, болѣе многочисленные и занимавшіе центръ поселеній всего племени, призваны были теченіемъ историческихъ событій стать во главѣ борьбы за племенную самостоятельность, и имъ собственно принадлежала инициатива образованія литовскаго государства. Остальные же литовскіе народы, давъ исторіи только свое наименованіе, ничѣмъ не заявили о себѣ на ея страницахъ.

Брошенные провидѣніемъ въ непроходимые лѣса, оторванные отъ Западной Европы болотами и дѣблями, поставленные лицомъ къ лицу съ еще менѣ развитыми финскими племенами, литовцы совершенно одичали въ теченіе долгаго безцвѣтнаго историческаго прозябанія.

Замѣчательно, что религія Прана, оставившая нѣкоторые слѣды въ древнемъ мифологическомъ міросозерцаніи славянъ, прошла для

литовцевъ безслѣдно, несмотря на то, что литовцы соприкасались съ сарматами и скивами, державшимися восточнаго дуализма. Въ религіозномъ міросозерцаніи литовцевъ совершенно незамѣтно восточнаго дуализма. Независимость литовской міеологіи отъ иранской видна также и изъ того, что литовцы чтили комаровъ, змѣй и другихъ животныхъ, которые считались пороженіемъ злого духа по восточнѣмъ иранскимъ сказаніямъ.

Литовскія міеологическія сказанія поражаютъ своею яркостью и тѣмъ богатымъ полетомъ фантазіи, на который только способенъ народъ, не тронутый цивилизаціей. Пышность азіатскаго міеа, сочность древнеарійскихъ красокъ перемѣшиваются здѣсь съ классической законченностью и пластичностью грекоримскаго міеологическаго эпоса ¹⁾.

Основою литовской міеологіи, какъ и вездѣ, было почитаніе стихій. Здѣсь мы находимъ тоже поклоненіе верховому богу громовнику Перуну, по литовски Перкунасу. Стихія огня обожествлялась литовцами въ разныхъ формахъ. Огнепоклоненіе литовцевъ выражалось неугасимыми кострами, которые горѣли въ ихъ святилищахъ передъ идолами Перкуна. Священный огонь находился подъ вѣдѣніемъ особой богини Прауримы. Солнце, какъ источникъ свѣта и тепла, чтилось подъ разными именами (Сотваросъ и др.) Богиня мѣсяца называлась Лайма. Дождь олицетворялся подъ видомъ бога Летуваниса. Въ числѣ литовскихъ божествъ встрѣчаются славянскіе Лель и Ладѣ, означавшіе также солнечнаго или свѣтлаго бога. Былъ особый богъ веселья, Рагутисъ.—Свободная, счастливая жизнь находилась подъ покровительствомъ богини Летувы. Волынской лѣтописецъ приводитъ имена литовскихъ боговъ: Андай, Диверика, Мѣдѣйна, Надѣва и Телявеля. По всей вѣроятности, это—тѣже боги, носившіе въ разныхъ мѣстахъ разныя названія.

Богамъ посвящались особые лѣса и озера. Дубъ считался по преимуществу деревомъ Перкуна. Святилища этого бога обыкновенно располагались посреди дубовой рощи. Главнѣйшее изъ нихъ Ромово находилось гдѣ то въ Пруссіи ²⁾. Здѣсь въ тѣни священнаго ду-

¹⁾ Литовская міеологія въ русской литературѣ мало разработана. Изъ польскихъ писателей ею занимались—Стрыйковскій, Крашевскій, Баллицкій, Нарбуттъ и др. Въ ней находили слѣды иранской, кельтскаго, грекоримской, скандинавской, славянской теософіи. *A. Brückner: Starożytna Litwa. Ludy i bogi Szkice historyczne i mitologiczne.* «Warszawa. 1904». *A. Mierzinski: «Zrodła do mytologii litewskiej».* I.—«Od. Tacyta do końca XIII wieku. II—Wiek XIV, XV. Warszawa. 1892 и 1896. *Вольтеръ Э.:* «Объ изученіи литовской міеологіи». Пам. книжка Ковенск. губ. 1887 г. Литовская міеологія изложена сравнительно подробно у *Иловайскою:* «Исторія Россіи.—ч. III.—Московско-литовскій періодъ». СПб. 1883 г. *Миллеръ В.* «Очерки арійской міеологіи». Москва. 1876 г. стр. 129—133. *Кузнецовъ:* «О литовской міеологіи Нарбутта». въ «Изв. Имп. Рос. Геогр. общ.» 1873 г. т. IV, № 4.

²⁾ *Narbutt. Dzieje staroż. nar. Lit.* I, str. 225. *Jaroszewicz—«Obraz Litwy»* t. I, str. 192; *Kojalowicz—«Histor. Lituaniae».* Pars prior de rebus

ба стояли литовскіе боги, а передъ ними горѣлъ неугасаемый костеръ. Мѣсто считалось неприкосновеннымъ. Особые жрецы и жрицы, сохранявшіе чистую, непорочную жизнь, смотрѣли за этимъ костромъ. Если огонь угасалъ, виновные въ этомъ сожигались живыми,—а огонь вновь добывался изъ кремня, который былъ въ рукѣ Перкуна. Здѣсь же въ Ромовѣ, подлѣ главнаго святилища, жилъ верховный жрецъ, называвшійся криве-кривейто. Такъ какъ доступъ къ сословію литовскихъ жрецовъ былъ свободенъ, то въ Литвѣ не было жреческаго сословія, какъ особой касты. Но литовская жреческая іерархія была многочисленна и сильна своимъ значеніемъ въ народѣ.

Жрецы носили общее названіе вайделотовъ и дѣлились на разныя степени, смотря по занятіямъ. Конечно, главнымъ назначеніемъ жрецовъ было совершеніе жертвоприношеній богамъ и охраненіе святилища. Духовенство занималось наставленіемъ народа въ правилахъ вѣры, леченіемъ, гаданіями, заклинаніями отъ недобрыхъ духовъ и т. п. Для отличія отъ толпы литовскіе жрецы носили особую одежду съ бѣлымъ поясомъ. Вайделоты могли быть, если желали, людьми семейными. Высшую іерархію составляли кривы, которые надзирали за святилищами и вайделотами. Кривы имѣли значеніе народныхъ судей. Отличительнымъ знакомъ ихъ достоинства былъ желъзъ особаго вида. Для нихъ было обязательно безбрачіе.

Нѣкоторые кривы достигали особаго почета и уваженія, и получали названіе криве-кривейта. Изъ послѣднихъ наибольшую духовною властью пользовался тотъ, который жилъ въ прусскомъ Ромовѣ. Его власть, говорятъ, простиралась не только на пруссовъ, но и на другія литовскія племена. Приказанія свои онъ разсылалъ чрезъ вайделотовъ, снабженныхъ его жезломъ или другимъ его знакомъ, передъ которымъ преклонялись и простые и знатные люди. Ему принадлежала третья часть военной добычи. Бывали примѣры, что криве-кривейто, достигши глубокой старости, самъ приносилъ себя въ жертву богамъ за грѣхи своего народа и торжественно сжигался на кострѣ. Такія добровольныя самосожиганія, конечно, поддерживали въ народѣ чрезвычайное уваженіе къ своему духовному главѣ. Западныя лѣтописцы сравниваютъ значеніе криве-кривейта съ римскимъ папою.

Гдѣ жилъ криве-кривейто, тамъ находилась и главная святилища литовцевъ—центръ какъ духовной, такъ и свѣтской власти, т. е. Ромово. По мѣрѣ того, какъ крестоносцы съ запада завоевывали ихъ родину, Пруссію, литовцы трижды переносили свою Ромову въ Пруссію. Вытѣсненные изъ Пруссіи, они основали ее при устьѣ рѣки Ду-

Lituonorum» p. 31. А. *Погодинъ* считаетъ вымысломъ хронистовъ все, что разсказывается о Ромовѣ, Зничѣ, Криве-Кривейто. *Мержинскій*: «Ромове». Археолог. изслѣд. Труды X археологич. съѣзда I стр. 350—355. *Теобальдъ*. «Зничъ. Мнимый священный огонь языческо-литовскій». «Виленск. Вѣстн.» 1890 г. № 93. Его же.—«Литовскіе языческіе очерки». Историческія изслѣдованія. Вильна. 1890 г.

биссы. Но и здѣсь крестоносцы уничтожили ее.—Тогда Ромово было основано при устьѣ Невяжи, а отсюда въ XIII вѣкѣ перенесено въ Керновъ, и наконецъ въ Вильну.

Кромѣ жрецовъ, у литовцевъ были жрицы или вайделотки, которыя поддерживали огонь въ святилищахъ женскихъ божествъ, и, подъ страхомъ смерти, обязаны были сохранять цѣломудріе. Были также вайделотки, занимавшіяся разнаго рода знахарствомъ или вѣдовствомъ, т. е. гаданіями, прощаніями, леченіемъ и т. п.

Религіозное усердіе литвиновъ особенно выражалось обильными жертвоприношеніями животныхъ. Приносился въ жертву обыкновенно конь, быкъ, козель и пр. Часть жертвеннаго животнаго вайделоты сожигали въ честь божества, — остальная служила для пиршества. За побѣду благодарили боговъ сожженіемъ живыхъ плѣнниковъ. Для умилостивленія нѣкоторыхъ божествъ приносили въ жертву дѣтей.

Очень типичны погребальныя обычаи древнихъ литовцевъ. Знатныхъ покойниковъ сожигали съ его любимыми вещами, конемъ, оружіемъ, рабами и рабынями, охотничьими собаками и соколами. Погребеніе сопровождалось пиршествомъ въ родѣ славянской тризны.—Остатки сожженныхъ труповъ собирались въ глиняные сосуды и зарывались въ поляхъ и лѣсахъ. Могила иногда обозначалась курганомъ, обложеннымъ камнями.

Любопытное описаніе погребальныхъ литовскихъ обычаевъ оставилъ жившій въ Жмуди, во второй половинѣ XVI столѣтія, лѣтописецъ Стрыйковскій. Чувствуя близкую кончину, литовець приказывалъ заготовить бочку или двѣ алуса (пива), которое и распивалъ съ приглашенными друзьями, прощаясь съ ними и прося прощенья у тѣхъ, кого обидѣлъ. Тотчасъ по смерти тѣло его обмывали въ банѣ, одѣвали въ длинную бѣлую рубаху и сажали на стулъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ съ кубкомъ въ рукѣ, обращался къ покойнику со словами: «пью къ тебѣ, милый другъ! Зачѣмъ ты оставилъ насъ? Вѣдь у тебя была прекрасная жена, дѣти, скотъ, друзья и всего въ избыткѣ». Спустя нѣкоторое время, опять пили, прощались съ покойникомъ и просили его передать поклонъ на томъ свѣтѣ ихъ роднымъ и жить съ послѣдними дружно. Покойника одѣвали въ лучшее платье, препоясывали мечемъ или сѣкирой, вокругъ шеи повязывали полотенце, въ которое заворачивали нѣсколько монеть, въ могилу ставили хлѣбъ съ солью и пиво.

Вѣра въ очистительное дѣйствіе огня была особенно сильна у литовцевъ. Перѣднъ были случаи, когда старцы больные и увѣчные живо входили на костеръ и сожигались, считая такую смерть самою пріятною богамъ. Тѣни покойниковъ часто представлялись воображенію литвиновъ въ полномъ вооруженіи на крылатыхъ коняхъ. Любопытно, что подобныя представленія существовали также у ближайшаго къ Литвѣ славянорусскаго племени, кривичей. При этомъ

благочестивые люди смѣшивали представленіе о покойникахъ съ понятіемъ о бѣсахъ или злыхъ духахъ. Кіевскій летописецъ подъ 1092 годомъ передаетъ извѣстіе, что въ Друткѣ и Полоцкѣ бѣсы рыскали по улицамъ на коняхъ и на смерть поражали людей.— Народу были видимы только конскія копыта, и тогда шель говоръ, что «навьє (мертвецъ) бьютъ полочанъ».

Отношеніе древнихъ литовцевъ къ иностранцамъ, вообще, и миссіонерамъ въ частности, обрисовывается изъ слѣдующихъ случаевъ X и XI в. Въ концѣ X вѣка архіепископъ чешской Праги Войтехъ (или Адальбертъ) въ сопровожденіи двухъ спутниковъ отправился проповѣдывать евангеліе языческимъ народамъ на берега Балтійскаго моря, подъ покровительствомъ польскаго короля Болеслава Храбраго. Однажды путники углубились въ лѣсную чащу, остановились посреди ея на полянѣ и прилегли отдохнуть. Скоро ихъ разбудили дикіе крики. Миссіонеры догадались, что очутились въ заповѣдномъ лѣсу, куда доступъ чужеземцамъ былъ возбраненъ подлѣ страхомъ мерти. Старшій жрецъ первый ударилъ Войтеха въ грудь, а остальные его докончили. Болеславъ отправилъ посольство съ просьбою выдать ему останки Войтеха и освободить изъ оковъ его спутниковъ. Прусы потребовали и получили столько серебра, сколько вѣсило тѣло мученика. Оно съ торжествомъ было положено въ Гнѣзненскомъ соборѣ. Спустя лѣтъ десять или одиннадцать, (въ 1109 г.) такая же мученическая кончина постигла въ Литвѣ и другого христіанскаго апостола Брунона. Болеславъ Храбрый опять выкупилъ тѣло святого мужа и замученныхъ вмѣстѣ съ нимъ его спутниковъ. Такая судьба проповѣдниковъ возбудила сильное негодованіе въ католическомъ мѣрѣ. Тотъ же Болеславъ съ большимъ войскомъ двинулся въ глубь Пруссіи. По неимѣнію крѣпостей, пруссы не могли оказать сильного сопротивленія.

Но въ общемъ древніе литовцы отличались замѣчательнымъ миролюбіемъ. Приведенные случаи убійства Войтеха и Брунона были исключительны. Притомъ же она были вызваны вліяніемъ жрецовъ и произошли на почвѣ религіозной, самой податливой къ фанатизму. Въ обычномъ своемъ быту и въ сношеніи съ иностранцами литовцы были очень миролюбивы. Этой коренной чертой литовца объясняется, почему народы болѣе воинственные отгѣснили ихъ отъ моря и заставили отодвинуться въ глубь балтійскаго материка.

II.

Быть древнихъ литовцевъ ¹⁾).

Литовцы издавна занимались земледѣліемъ, жили деревенскою жизнью. Земледѣліе, конечно, не стояло у литовцевъ на высокой сте-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ: «Русская Исторія» Спб. 1872 г. т. I. Костомаровъ Н.: «Русскіе инородцы—литовское племя» (изъ лекцій по русской исторіи, читанныхъ въ С.-Петербург. университетѣ 1860 г.) Напечат. въ «Русскомъ Словѣ» 1860 г. № 5.

пени. Долго послѣ принятія христіанства они употребляли деревянные лемехи вмѣсто желѣзныхъ. Суевѣрное уваженіе къ дереву составляло литовцевъ держаться этого обычая. Нѣкоторые изслѣдователи древней Литвы видятъ въ этомъ остатокъ языческаго древопоклоненія. Предметы труда на всѣхъ литовскихъ діалектахъ (а ихъ нѣсколько: въ одной виленской губерніи различаются говоры: трокскій, эйшипскій, свенцянскій) имѣютъ древнѣйшіе корни: *lyd, dir, lavk, trak*. Отъ этихъ корней происходитъ масса названій, деревень, мѣстечекъ. Напр. *lydims* расчистка, *dirva* пашня, *dir-bu* дѣлаю, *darbas* — работа, *lavkas* — поле, *trakas* — заросли на возвышенныхъ мѣстахъ. Древнѣйшее употребленіе этихъ словъ указываетъ, что земледѣліе было главнымъ кореннымъ занятіемъ литовцевъ.

Литовцы разводили много хорошаго и крупнаго скота. Молоко было ихъ любимымъ продуктомъ. Ихъ лошади были малорослыя, но чрезвычайно крѣпки и терпѣливы.

Издавна они умѣли готовить пиво (*alus*) и медъ для питья съ небольшою примѣсью хмѣлю. Крѣпкихъ напитковъ не любили. Знатные на своихъ пирушкахъ пили изъ буйволовыхъ роговъ, простые изъ деревянныхъ сосудовъ. Литовцы любили поѣсть. Известно, что своимъ аппетитомъ они приводили въ ужасъ аккуратныхъ нѣмцевъ. Одинъ нѣмецкій писатель XVII в. сравниваетъ ихъ съ волками и утверждаетъ, что они никогда не могутъ набѣсться досыта. «Они никогда не вѣютъ зерно, — прибавляетъ при этомъ писатель, — а едятъ полову вмѣстѣ съ зерномъ, потому что чистый хлѣбъ кажется литовцамъ легкимъ, какъ пѣна. Бѣлый горохъ они проглатываютъ цѣликомъ. Они поѣдаютъ волковъ, лисицъ, воронъ, совъ, сорокъ и всякую другую мерзость.»

Женщины литовскія отличались вѣрностью мужьямъ, трудолюбіемъ, занимались пряжею и тканьемъ полотень, которыя составляли обычную лѣтнюю одежду обоюго пола. Зимю одѣвались въ обычные кожухи, покрытые полотномъ. Грубое сукно на одеждѣ считалось признакомъ зажиточности. Дѣвушки носили при поясѣ колокольчики, которые своимъ звукомъ давали возможность родителямъ слѣдить за ними. — На головѣ дѣвушки носили вѣнокъ или повязку, замужнія — шапочку.

Литовцы селились небольшими селами. Древнія литовскія деревни — это маленькія уединенныя поселенія. Этимъ, кажется, литовцы отличались отъ славянъ, которые, напротивъ, любили общительность. Характеристическая черта древняго быта литовцевъ состояла въ отсутствіи у нихъ городовъ, центральныхъ пунктовъ земскаго единства въ территоріи каждаго племени. Города появились въ Литвѣ не раньше XIII в. Основателями ихъ были большею частью иностранцы.

Первые города литовской Пруссіи построены были крестоносцами. Въ землѣ жемгалы упоминается городъ Тервета, укрѣпленный туземцами уже въ исходѣ ихъ борьбы съ ливонскимъ орденомъ, т. е.

въ концѣ XIII столѣтія. Въ землѣ ятвяговъ единственные существовавшіе города были основаны волинскими князьями. На границѣ собственно Литвы города возводились русскими князьями, какъ напр. Гродна, упоминаемая въ лѣтописи подъ 1128 годомъ, и Новгородокъ—Литовскій, основаніе котораго приписывалось в. к. Ярославу. Что-же касается собственно литовскихъ городовъ, то сколько-нибудь точныя указанія и преданія объ основаніи ихъ относятся къ половинѣ XIII столѣтія. Подъ 1252 г. лѣтопись упоминаетъ въ Литвѣ городъ Воруту и въ Жмуди-Твиреметь. Упоминаніе о Керновѣ встрѣчаемъ около 1250 г., объ Эйраголѣ въ 1262 г., о Гольшанахъ въ 1280, о Тельшахъ, Вильнѣ, Тронахъ, Лидѣ только около 1320 и т. д.

Жилое помѣщеніе у всѣхъ литовцевъ называется «pams», «pimas». Прототипъ литовскаго «pamas» или «pimas» состоитъ изъ бревенчатаго продолговатаго сруба, покрытаго только крышей изъ древесной коры, вѣтвей или соломы. Ни потолка, ни перегородокъ внутри не было. Широкія двери посреди длинной восточной стѣны вели людей и домашній скотъ внутрь дома, который дѣлился посредствомъ жердей на двѣ половины: для людей и для животныхъ. Въ людской половинѣ, посреди землянаго пола была большая яма—очагъ, вокругъ его сидѣла семья на краю ямы, опустивъ ноги въ нее и занималась работой при свѣтѣ костра. Дымъ выходилъ черезъ отверстие въ крышѣ и узкія оконца въ стѣнахъ. Такія ямы часто встрѣчались еще въ концѣ XVIII столѣтія. Этотъ прототипъ постепенно усложнялся.—Низкая жердевая изгородь постепенно смѣнялась глухою стѣною съ дверью. Въ людской половинѣ очагъ замѣнился печью, у жмудиновъ съ тонкою изъ скотнаго отдѣла, у литовцевъ съ людской.—Скотный отдѣлъ отдѣлялся отъ сѣней глухою стѣной, двери прорубались со двора. У жмудиновъ подъ влияніемъ нѣмецкой и польской культуры скотныя помѣщенія отдѣлялись въ особую постройку и назывались съ нѣмецкаго — «стальдесъ». У литовцевъ-тоже дѣлается значительно позже. Скотный дворъ у нихъ зовется «dien-darzis», т. е. рядъ хлѣвовъ («gurbu», «tvartu», «kuginiu»). Съ отдѣленіемъ скотнаго двора, выдѣляется и кладовая, сначала у сувалкскихъ литвиновъ и жмудиновъ, а затѣмъ и у остальныхъ. Удивительно, что жмудины, далеко опередившіе многихъ литовцевъ въ улучшеніи хозяйственныхъ построекъ, сохранили тотъ же прототипъ. Они въ передней («nimelis» или «priangè») оставили топку главной печи, а посреди передней—очагъ съ приспособленіемъ для подвѣшиванія надъ очагомъ котла. Это приспособленіе зовется по старинному «ванчкара». На восточной пограничной полосѣ Литвы замѣтно влияніе великорусскаго типа построекъ, въ видѣ смыканія въ четырехугольникъ жилого дома, амбара и скотнаго двора.

Въ домашнемъ своемъ быту древніе литовцы были очень просты и нетребовательны. Обстановка была простая деревянная. Только зажиточные люди снали на мѣшкахъ, набитыхъ сухой травой или

перьями. Хозяинъ ложился у дверей, а хозяйка близь печи. Они безпрестанно вставали и слѣдили за огнемъ, чтобы онъ не погасъ и чтобы не съдѣлалось пожара. Народный обычай требовалъ, чтобы огонь всегда поддерживался въ избѣ. Одинъ изъ писателей конца XVII в. такъ между прочимъ описываетъ жилище литовцевъ: «Они живутъ въ жалкихъ, маленькихъ домишкахъ, которые по большей части состоятъ изъ одной курной избы, иногда еще изъ кладовушки. Въ избѣ находится сложная изъ большихъ камней печь, которая сильно накаляется. Около нея вновалку и вперемѣшку, какъ попало, спятъ ночью на полу отецъ, дѣдъ, мать и дѣти, подставляя подъ себя разные лохмотья; попадаются изрѣдка и постели. Остальное пространство въ избѣ занимаетъ скотъ. Построены эти дома изъ толстыхъ стволовъ ели, которые снаружи, по большей части, нѣсколько сглажены, а внутри остаются круглыми. Они сложены такъ ловко, что вѣтру никакъ не удастся пробиться внутрь; щели заткнуты мохомъ. Крыты дома соломой, или положенными поперекъ бревнами».

Какъ и у славянъ, у литовцевъ считалось знакомъ гостепримства напоить гостей допьяна. Пили не только взрослые, но и молодые и дѣвцы. Пиво было у литовцевъ символомъ дружелюбія и веселости. Къ празднику дѣлали складчины-братчины и приносили въ жертву козла или быка. Осенью въ литовскихъ деревняхъ начиналось веселое время.—Зажиточный хозяинъ убивалъ корову или свинью, варилъ пиво и звалъ сосѣдей изъ своей и сосѣдней деревни. Лучшимъ угощеніемъ считалась дичь.—Мушны отправляли въ лѣса, били звѣрей, птицъ и соперничали другъ съ другомъ въ стрѣльбѣ.

Семейная жизнь и зависящія отъ нея отношенія рѣшались приговоромъ жрецовъ (криве), которые были хранители и истолкователи древнихъ обычаевъ, постепенно принявшихъ значеніе положительныхъ законовъ. Жрецы поддерживали строгую нравственность и жестоко преслѣдовали все, что клонилось къ ея нарушенію. По законамъ жрецовъ, прелюбодѣяніе, напр., наказывалось сожженіемъ какъ мушны такъ и женщины.

Находимые теперь въ прусскихъ и литовскихъ могилахъ предметы показываютъ, что прусскія литовскія женщины въ глубокой древности украшали шею, уши и руки цѣпами, кольцами, серьгами, браслетами, а въ волосы втыкали согнутыя булавки. Издавна извѣстны были между ними чужеземныя монеты, служившія тоже для украшеній.

Баня у литовцевъ и пруссовъ считалась удовольствіемъ, какъ и у русскихъ.—Ей придавали священное значеніе. Изычникъ-литовець ходилъ въ баню въ честь своихъ боговъ.

Жертвоприношенія въ честь морскихъ божествъ указываютъ на историческую близость литовцевъ къ морю. Въ литовскомъ языкѣ сохранились самобытныя, незаиметвованныя извѣи и носящія явную

печать старины названія, относящіяся къ мореплаванію. По свидѣтельству Адама Бременскаго, прусскія суда плавали изъ Самландія къ Юлину въ Померанію, къ Гедабъ въ Шлезвигъ и въ Швецію въ гавань Бирку. Вообще, море съ незапамятныхъ временъ способствовало знакомству литовскаго племени съ произведениями чужеземной цивилизаціи, хотя, впрочемъ, это знакомство нѣсколько не отразилось на улучшеніи быта древнихъ литовцевъ. Въ своемъ родовомъ быту литовцы были строго консервативны.

Главными вывозными товарами были дорогіе мѣха и янтарь. Еще до Рождества Христова мореходцы плавали за ними въ чужія страны. Наше слово янтарь находить для себя полное фонетическое соотвѣтствіе въ литовскомъ «hentaros». Литовцы вели торговые сношенія съ русскими, на что указываютъ находимыя въ изобиліи въ Литвѣ русскія монеты. Историкъ Нарбутъ прямо свидѣтельствуетъ о торговыхъ сношеніяхъ литовцевъ, съ одной стороны, съ нѣмцами, а съ другой, — съ новгородскими славянами. Торговля съ русскими славянами тѣмъ легче могла развиваться у литовцевъ, что пошлины здѣсь были значительно меньше нѣмецкихъ.

Древнія свидѣтельства даютъ намъ мало данныхъ для сужденія о гражданскомъ и общественномъ строѣ древняго литовскаго міра. Кажется, жрецы были вмѣстѣ и установителями гражданского порядка. По мѣрѣ столкновенія съ иноземниками возникало отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной. Кромѣ «криве», у литовцевъ существовали выборные князья, называемые у пруссовъ риксами или риками («rukis»), а у собственно литовцевъ «кунигасами».

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ одной древней хроники (Петра Дюйсбургскаго) видно, что у литовцевъ существовали народныя собранія или вѣча. На вѣче сходились изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ сторонъ. Собраніе принимало видъ верховнаго собора всей страны. Они происходили обыкновенно у священныхъ мѣстъ. Пользовались ли «рики» и «кунигасы» правомъ собиранія дани — неизвѣстно. Кажется, они получали въ вознагражденіе земли, дававшія доходъ. Первоначальное значеніе «риковъ» и «кунигасовъ» ограничивалось предводительствомъ на войнѣ. Частыя перемѣны династіи «кунигасовъ» въ языческой Литвѣ заставляютъ предполагать, что наследственность не имѣла особеннаго значенія при замѣщеніи вакантнаго княжескаго мѣста. Власть «кунигасовъ» не доходила до самодержавія. Признаки наследственности обозначаются позднѣе, при гедиминовомъ домѣ и, можетъ быть, заимствованы у славянъ.

Вообще, древнее литовское племя не составляло государства. Оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, почти безъ всякой политической связи другъ съ другомъ. Однородность языка составляла между различными народами литовскаго племени связь этнографическую. Однородность религіознаго культа служила связью нравственною.

Древнее литовское войско составлялось изъ добровольцевъ-охотниковъ, оставлявшихъ свои дома ради защиты отечества отъ вторженія непріятеля или ради добычи. Пруссы сражались пѣшіе, литовцы пѣшіе и конные, ятвяги вели наѣздническій образъ войны.

Одежда воиновъ состояла изъ медвѣжьихъ шкуръ. На головахъ они носили большія войлочные шапки, называемыя перомками. На знаменахъ были изображенія божествъ или щита, съ груднымъ изображеніемъ челоѣка съ медвѣжьей головой. Иногда на знамени изображался щитъ съ двумя вѣнцами голубого (вверху) и желтаго (внизу) цвѣта. На литовскихъ знаменахъ часто изображался также бѣгушій всадникъ. Отсюда—погоня—знаменитый гербъ великаго княжества Литовскаго. Для возбужденія мужества играли на трубахъ, сдѣланныхъ изъ буйволовоыхъ роговъ. Съ усиленіемъ воинственности, пробужденной крестоносцами, многіе богатые люди набирали себѣ особенныя дружины.

Передъ начатіемъ военнаго предпріятія литовцы обыкновенно гадали на челоѣческой жертвѣ. Вайделотъ поражалъ обреченнаго на жертву плѣнника пожемъ въ грудь или шею и наблюдалъ по истеченію его крови, удачно или неудачно будетъ предпріятіе. Если кровь брызгала фонтаномъ, это былъ хорошій знакъ. Если же она струилась медленно—это былъ знакъ неудачи, и походъ отмѣнялся. На войнѣ употребляли луки, конья, мечи, метательные камни и топоры. Луки ихъ были не велики. Большими луками, которые натягивались посредствомъ кольца, литовцы научились владѣть только со времени знакомства съ нѣмцами. Древнимъ народнымъ оружіемъ литовцевъ служила дубина съ однимъ толстымъ концомъ. Военная тактика древнихъ литовцевъ имѣла признаки, общіе всемъ вообще народамъ первобытной цивилизациі: нечаянное нападеніе на непріятеля, притворное бѣгство съ цѣлю заманить врага въ лѣсъ и т. п. Осажденныхъ утомляли безпрерывными нападеніями. Въ походѣ литовцы везли за собою рядами сани или возы и, въ случаѣ нужды, дѣлали изъ нихъ подвижное укрѣпленіе. Обычая мазать колеса не было, поэтому при движеніи литовскаго обоза на далекое пространство раздавалась дикая колесная музыка. На случай переправы черезъ рѣку возили съ собою въ походахъ лодки, сдѣланныя изъ зубровыхъ шкуръ. За недостаткомъ такихъ лодокъ переправлялись черезъ рѣки вплавъ, держась за хвосты лошадей, какъ это дѣлали татары. Съ плѣнниками, особенно съ нѣмцами, обращались безчелоѣчно,—черта невинственнаго народа. Всякаго, кто съ ними воевалъ, они считали злодѣемъ и разбойникомъ. Плѣнниковъ, по окончаніи войны, иногда приносили въ жертву, особенно знатнѣйшихъ. Остальныхъ убивали или обращали въ неволю. Взятый въ плѣнъ считался скорѣе вещью, чѣмъ челоѣкомъ. Съ русскими и поляками, впрочемъ, обращались милостивѣе. По окончаніи войны, возвращавшихся съ побѣдою приѣзжавали женщины и дѣвицы, плѣли пѣсни и били въ ладони. Такъ былъ встрѣченъ Ольгердъ въ 1361-мъ году, по возвращеніи

изъ подъ Москвы. Подобный обычай, какъ извѣстно, былъ и у гунновъ (при Аттилѣ).

Неудача на войнѣ наказывалась выраженіями всеобщаго презрѣнія. Бѣжавшихъ съ поля битвы казнили смертью. У литовцевъ былъ даже обычай самоубійства въ случаѣ проигрыша сраженія. Вообще, литовцы-язычники не дорожили слишкомъ жизнью.—Самоубійство было у нихъ дѣломъ вовсе непредосудительнымъ. Нерѣдко жены, потерявъ мужей, падшихъ въ сраженіи, убивали себя. Древній литовецъ, глубоко вѣря въ будущую жизнь, съ нескрываемымъ равнодушіемъ относился къ настоящей ¹⁾.

Въ древней Литвѣ не было твердынь и замковъ. Охраненіе жилищъ ограничивалось только выборомъ неприступнаго мѣстоположенія для постройки. Искусство возводить деревянныя укрѣпленія литовцы заимствовали у нѣмцевъ и русскихъ. Съ приближеніемъ непріятели, поселяне безъ сожалѣнія сжигали свои хижины и скрывались въ лѣса. Отсутствие объединяющаго начала въ жизни разрозненныхъ племенъ надолго задержало культурно-политическое развитіе Литвы. Только съ половины XIII столѣтія, когда свѣдѣнія о литовскомъ племени становятся болѣе подробными и обстоятельными, мы встрѣчаемъ извѣстія о литовскихъ вождахъ, какъ государственныхъ правителяхъ.

Литовцы поздно были обращены въ христіанство. Литва была крещена въ 1387 году, а Жмудь въ 1417 г. Переходъ литовцевъ въ христіанство не сопровождался въ народѣ перемѣною его убѣжденій и долгое время носилъ совершенно фиктивный характеръ. Принимая христіанство, литовцы не отказывались отъ языческихъ воззрѣній. Крещеніе «смывалось» населеніемъ. Ни въ одномъ изъ народовъ Россіи не сказалось столько равнодушія къ христіанству и приверженности къ языческому культу, какъ у литовцевъ. Вотъ, напр., что писалъ о своемъ народѣ въ сравнительно позднее время 1587 году епископъ жмудскій: «Въ наибольшей части моего епископства нѣтъ никого, кто бы хоть разъ въ жизни исповѣдывался, никого, кто бы хоть разъ причащался, никого, кто зналъ бы молитву или знакъ св. креста, кто имѣлъ бы какое-нибудь понятіе о таинствахъ вѣры. Довольствуются однимъ: мы не лютеры (лютеране) въ пятницу мяса не ѣдимъ; повсюду приносятъ жертвы громамъ; чтутъ ужей, почитаютъ дубы за святыхъ, угощаютъ души умершихъ пирами, и еще много такихъ странностей, которыя имѣли источникъ не злость, но невѣжество, не признаютъ за грѣхи».

Въ теченіе XVII столѣтія языческой элементъ у литовцевъ и жмудиновъ держался во всей силѣ. Языческое суевѣріе вмѣстѣ съ предрасудками, возникшими на почвѣ средневѣковаго католицизма особенно отразилось въ процессахъ о колдовствѣ и вѣдмахъ. Эти

¹⁾ Извѣстно, что древній литовецъ XVI в., приговоренный къ смертной казни, вѣшалъ себя собственными руками.

процессы велись въ теченіе всего XVIII вѣка¹⁾. Какъ плохо литвины понимали своихъ «казнодзѣвъ»-проповѣдниковъ въ Ковнѣ, объ этомъ въ 1582 году Стрыйковскій сообщаетъ въ своей хроникѣ любопытныя историческія анекдоты. Отсутствие просвѣщенія долго держало литовцевъ во тьмѣ и мѣшало усвоенію христіанства.

Умственное развитіе литовцевъ стояло на низкой степени. Это обстоятельство было главною причиною легкаго подчиненія литовцевъ вліянію славянской образованности. Петръ Дюйсбургскій положительно указываетъ, что у прусско-литовскаго народа не существовало буквъ. Когда пруссу нужно было помнитъ о томъ, что слѣдовало сдѣлать черезъ нѣсколько дней, онъ чертилъ на своемъ кожаномъ поясѣ по замѣткѣ каждый день и, такимъ образомъ, доходилъ до условленнаго дня. Литовско-прусскія письмена вызвали много споровъ въ наукѣ. Въ хроникѣ XVI вѣка Симона Грюнау, бравшаго свои свѣдѣнія изъ прежнихъ хроникъ, говорится о нѣкоторыхъ письменахъ, бывшихъ на щитѣ и знамени прусскихъ литовцевъ. Странная форма этихъ письменъ приводимыхъ въ хроникѣ, много занимала нѣмецкихъ ученыхъ. Тунманъ, между прочимъ, объясняетъ эту надпись въ смыслѣ обращенія къ богу воину Корсу или Корпу: «Боже, Корсъ, возъярись на опустошителей, сотвори имъ зло». Байеръ считалъ надпись поддѣлкою. Гриммъ признаетъ ея подлинность и находитъ въ ней сходство съ готекими рунами. Вопросъ о надписи остается еще не разрѣшеннымъ до настоящаго времени.

Систематическое обученіе литовскаго и прусскаго народа предпринялъ впервые герцогъ Альбрехтъ прусскій, любитель наукъ, искусствъ и просвѣщенія, основатель кенигсбергскаго университета, библиотекъ, гимназій и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Въ своихъ заботахъ о распространеніи евангелическаго ученія среди инородцевъ («Evangelizirung»), онъ обратилъ особое вниманіе на старожиловъ-пруссовъ въ Натангіи и Самландѣ и на литовцевъ, жившихъ у береговъ Нѣмана-Мемели. Въ 1545 году былъ дважды изданъ, по его повелѣнію, прусскій катехизисъ. Экземпляръ второго исправленнаго изданія этой рѣдкости хранится, между прочимъ, въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ. Эти первенцы литовско-прусской печати вышли изъ типографіи Ганса Вейнрейха въ Кенигсбергѣ.

III.

Историческое прошлое Литвы²⁾.

Говорить о самостоятельномъ періодѣ политическаго существованія Литвы значить имѣть въ виду лишь начальное недолгое вре-

¹⁾ *Довнаръ-Запольскій*: «Чародѣйство въ Северо-Зап. краѣ въ XVII—XVIII в.» Москва 1890 г. *Спрогисъ*: «Народный судъ литвиновъ надъ колдунами». Витебскъ 1896 г.

²⁾ Изъ изслѣдованій о литовскихъ летописяхъ заслуживаютъ вниманія: «Latopisiec Litwy i kronika ruska,—z rękopisu sławianskiego przepisane.

мя ея исторической жизни: съ половины XIII в. до 1386 г., когда Литва соединяется съ Польшей. На этотъ періодъ мы и обратимъ вниманія, такъ какъ именно въ это время проявилась политическая правоспособность литовскаго народа.

По всей вѣроятности, литовскія племена, развиваясь постепенно, безъ сильнаго давленія извнѣ, рано или поздно образовали бы теократическое государство подъ верховною властью жреца—первосвященника. Историческія вѣдншія условія конца XII и начала XIII в. заставили однако литовцевъ ускорить политическую организацію своего племени и замѣнить власть жрецовъ властью князей. Почти въ одно время на двухъ противуположныхъ окраинахъ литовской земли поселились нѣмцы, устремившіеся на разрозненные литовскія племена. Выставляя религіозную ревность къ обращенію язычниковъ главною побудительною причиною своего натиска на Литву, германскіе рыцари пользовались сочувствіемъ и матеріальною поддержкою всего католическаго міра. Литовскій орденъ нѣмецкихъ рыцарей появился въ Литвѣ въ 1201 г. на берегахъ Западной Двины. Позднѣе, въ 1225 г., въ Пруссіи возникъ орденъ меченосцевъ. Историческое значеніе этихъ орденовъ въ отношеніи къ Литвѣ заключается въ томъ, что они пробудили въ ней политическое самосознаніе и содѣйствовали ея политической формации. Мазовецкій князь Конрадъ подарилъ рыцарямъ Кульмскую (Хелмскую) область и право на тѣ языческія земли, которыя орденъ завоюетъ въ пользу свою и католицизма. Съ этихъ поръ началась самая кровавая борьба крестоносцевъ съ литовцами въ Пруссіи. Толпы пролетаріевъ, собравшихся изъ разныхъ странъ, болѣе же всего изъ Германіи, наводнили Пруссію. Литовцы были изгоняемы, повсемѣстно преслѣдуемы и доведены до крайней нищеты. Нѣмцы на ихъ счетъ обогащались, благоденствовали и находили вездѣ покровительство. Такія обстоятельства заставляли литовцевъ переходить въ сосѣднюю Русь и постепенно сближаться съ бѣлоруссами¹⁾.

Въ литовскомъ народѣ сохранилась пѣсня отъ времени, когда литовцы стонали подъ желѣзнымъ гнетомъ рыцарей:

«Миленькая Летува,
Дорогая свобода!

Ign. Daniłowicz, Wilno 1828 г. «Kronika Litewska» (переводъ съ лѣтописи *Бисоцеца*) у *Нарбутта* въ его сочиненіи: «Pamiętnik do dziejow litewskich». Wilno 1846 г. «Хронологическое показаніе доисторическихъ событій отечественной исторіи въ Виленской губ. до 1852 г.» *Киркора*. «Памят. кн. Вилен. губ.» за 1852 г. «О литовскихъ лѣтописяхъ» *Даниловича* «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1840 г. ч. XXVIII стр. 70—114. Лѣтописныя литовскія сказанія изслѣдовали: Стрыйковскій, Бодянский, Куникъ, Смолка, Шараневичъ, Лелевелъ и др. *Тохомировъ Н.*: «О составѣ западно-русекихъ, такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей»—«Журн. Мин. Нар. Пр.» 1901 г.

¹⁾ *Lelewel J.* «Narody na ziemiach słowiańskich przed powstaniem Polski»; str. 290—292. *Daniłowicz*: «Skarbiec dyplomatów papieżskich...» t. I, ro.1 38—39. *Petrus Dusburgensis*: «Chronicon Prusiae», pars II, cap. 7.

Ты скрылась въ пространствѣ небесъ...
 Гдѣ же тебя искать?
 Развѣ только на лонѣ смерти.
 Пусть смотритъ куда хочетъ несчастный:
 Взгляни на востокъ,
 Взгляни на западъ—
 Бѣдность, принужденіе, притѣсненіе—
 Потъ отъ труда, кровь отъ ударовъ
 Залили пространную землю.
 Миленькая Летува,
 Дорогая свобода,
 Сойди съ неба—сжался!...

Послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій неравной борьбы, литовскія племена постепенно приходятъ къ убѣжденію, что безъ прочной государственной связи они исчезнутъ въ бесплодной борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ. Создать однако эту связь изъ собственныхъ элементовъ они были не въ силахъ. Поэтому они стараются примкнуть къ государствамъ ближайшихъ сосѣдей. Съ этою цѣлью латыши пытаются признать надъ собою власть полоцкаго князя и съ его помощью отбиваются отъ ливонскаго ордена. Пруссы постепенно подчиняются своимъ сосѣдямъ, князьямъ славянскаго Поморья — Святополку и Метивою (1252—1266)—и предоставляютъ имъ руководство своими силами. Но эти попытки отстоять свою племенную самостоятельность, при содѣйствіи чужихъ князей, только замедлили на время наступательное движеніе нѣмецкаго ордена. Къ концу XIII столѣтія нѣмцы окончательно подчинили, съ одной стороны, Пруссію, съ другой—латышей и жемгалъ.

Уступая нѣмцамъ и постепенно теряя области на западѣ, литовцы оказали больше воинственной предпримчивости по отношенію къ восточнымъ и южнымъ своимъ сосѣдямъ. Часто призываемые русскими князьями на помощь въ ихъ взаимныхъ междоусобицахъ, литовцы начинаютъ все чаще и чаще появляться въ Полоцкой Руси, то какъ союзники, то какъ враги отдѣльныхъ русскихъ князей и постепенно втягиваются во внутреннія дѣла Полоцкаго княжества ¹⁾.

Съ конца XII вѣка они уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междоусобицахъ, но предпринимаютъ походы на Русь съ цѣлью пріобрѣтенія военной добычи, а затѣмъ и съ цѣлью территориальнаго захвата. Съ начала XIII столѣтія нападенія литовцевъ на Русь дѣлаются все чаще и чаще. Имъ не довольно уже полоцкой территоріи. По временамъ они достигаютъ и другихъ русскихъ земель, лежавшихъ за ея предѣлами. Литовцы опустошаютъ земли ту-

¹⁾ Языческая Литва основательно изучена *Ярошевичемъ* въ его трудѣ: «O stanie Litwy do przujęcia wiary» 1834 г. *Бутвиловичъ*: «Опытъ исторіи языческой Литвы»—«Вѣстн. Зап. Россіи» 1870—1871 г.

ровскія, волынскія, новгородскія и смоленскія. Въ половинѣ XIII столѣтія они появляются въ предѣлахъ кіевскаго княжества и вызываютъ большое военное напряженіе со стороны волынскихъ и галицкихъ князей.

Романъ Мстиславовичъ и его наслѣдники отражаютъ литовцевъ и ограждаютъ отъ ихъ нападений свои предѣлы завоеваніемъ ятвяжской земли, постройкою въ ней городовъ и устройствомъ вокругъ нихъ русскихъ поселеній. Въ тоже время новгородцы, съ помощью князей суздальскихъ, побѣдоносно отражаютъ нападены литовцевъ на владѣнія Новгорода. Вообще галицкіе князья и новгородцы успѣшно борются съ литовцами. Но лѣтописи не даютъ намъ извѣстій о сколько-нибудь энергическомъ отпорѣ со стороны князей полоцкихъ, смоленскихъ или кіевскихъ. Правда, кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ собирается на Литву въ продолженіе двухъ лѣтъ, но, выступивъ въ походъ изъ Овруча въ 1190 году, онъ остался въ Пинскѣ у своей тещи праздновать свадьбу и подъ предлогомъ ранней оттепели отказался отъ дальнѣйшаго похода. Въ столкновеніяхъ съ литовцами особенно податливы были полоцкіе князья. Они легко примирились съ господствомъ въ странѣ литовцевъ и не протестовали основанію литовскихъ владѣній въ кривичской землѣ.

Есть извѣстіе, что нѣкоторые изъ полоцкихъ князей въ XII в. переселились въ Литву. Въ воскресенской лѣтописи сказано, что когда въ 1128 году великій князь Мстиславъ Владиміровичъ покорилъ полоцкую землю и всѣ князья полоцкіе, т. е. три сына и два внука Вееславы, съ женами и дѣтьми отведены были въ Константинополь, то «Вильняне взяли себѣ изъ Царьграда полотскаго Ростислава Роговолодовича, дѣтей Давида князя, да брата его Мавгольда князя и той на Вильни прави князь Давидъ». Въ историческихъ запискахъ Императрицы Екатерины II показанъ цѣлый рядъ князей виленскихъ полоцкаго дома.

Первымъ литовскимъ княземъ въ собственномъ значеніи этого слова былъ Рингольдъ, успѣшно собравшій раздробленные литовскіе удѣлы. Литва, Жмудъ и прибалтійскія земли ливовъ и куровъ признали его верховнымъ своимъ княземъ. Онъ доходитъ до самой Руссы, является подъ Новгородомъ, въ областяхъ псковской и полоцкой и здѣсь также признаютъ его власть. Онъ ведетъ успѣшныя войны съ сосѣдями: при Могилѣ надъ Нѣманомъ, недалеко отъ Новогрудка, разбиваетъ въ 1235 г. въ упорной битвѣ отборную рать враждебныхъ ему сосѣднихъ князей (луцкаго, волынскаго и друцкаго), а на берегахъ Каменки, близъ м. Корсакишекъ, одерживаетъ въ 1236 г. блестящую побѣду надъ грознымъ войскомъ «ордена меченосцевъ», предводительствуемаго гермейстеромъ Вольквинтомъ¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія о Рингольдѣ: «Боричевскій — «Великій князь литовскій Рингольдъ». «Военный энцикл. лекс.» т. XI; Мисневичъ: «Рингольдъ—первый

Миндовгъ (т. е. многознающій—вѣщій), наслѣдовавшій Рингольду въ 1240 г., довершаетъ дѣла своего предшественника. Русь стояла подъ игомъ монголовъ. Несмѣтныя полчища ихъ, предавая все мечу и огню, двинулись подъ предводительствомъ Балгала или Балаклая на сѣверо-западную Русь и на Литву. Миндовгъ съ сѣльною ратью пошелъ на страшнаго врага и разбилъ его на голову въ 1242 г., около мѣстечка Василишегъ (въ 45 верстахъ отъ уѣзднаго города Лиды). Мѣстность эта до сихъ поръ называется «Шейбакъ-поле» по имени побѣжденнаго монгольскаго вождя Шейбака, родственника Батая. Въ 1249 г. монголы еще разъ, пытая свои силы, проникаютъ до Минска. Миндовгъ съ русскими князьями вновь одерживаетъ побѣду надъ ними вблизи Крутогорья, при рѣкѣ Нечечи и съ того времени мѣстность эта получаетъ названіе «Койданова», по имени побѣжденнаго вождя монголовъ «Койдана». Желая въ то же время отдѣлаться отъ постоянныхъ набѣговъ на Литву—ливонскихъ рыцарей, Миндовгъ изъ политическихъ видовъ переходитъ изъ православія въ католицизмъ. Въ 1252 г. совершается обрядъ перекрещенія и коронаціи его литовскимъ королемъ, по обрядамъ римско-католической церкви. Однако и цѣной отступничества отъ православія Миндовгъ все таки не обезпечилъ себя отъ частыхъ опустошительныхъ набѣговъ рыцарей и вынужденъ былъ прибѣгнуть къ вооруженной самооборонѣ. Въ 1261 г. онъ окончательно разбиваетъ ихъ на голову. Озлобленіе побѣдителей при этомъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ: восемь рыцарей приносятся литовцами въ жертву и торжественно сжигаются на вострахъ по обрядамъ языческой вѣры, другимъ же военно-плѣннымъ—литовцы рубили руки и ноги. 12 сентября 1263 г. на сляскаго Миндовга, бывшаго въ походѣ противъ брянскаго князя Романа, напали заговорщики и умертвили его вмѣстѣ съ двумя малолѣтними сыновьями. Княженіе Миндовга отразило на себѣ лучшія черты воинственнаго генія литовцевъ и укрѣпило за ними политическую самостоятельность. Сосѣди стали уважать и бояться литовцевъ. Торговля сношенія съ Литвой участились. Литва стала богатѣть и крѣпнуть.

Ея крѣпости не могло поколебать неровное, порывистое царствованіе преемника Миндовга—Войшелга. Это былъ князь—монахъ, въ которомъ христіанско-аскетическія чувства боролись съ грубыми привычками язычника. Отъ крайностей язычества онъ подымался къ верхамъ христіанскаго аскетизма. Съ литовской ненасытностью онъ упивался благами земной жизни, и, воплощая въ себѣ самые кровожадные инстинкты, порой терялъ образъ человѣческій. Еще будучи удѣльнымъ княземъ, «Войшелгъ каждый день убивалъ по три и по четыре человѣка, и если въ какой день не убивалъ никого, то бывалъ печаленъ и смутенъ, а если убивалъ, то ста-

великій князь литовскій».—«Ковенскія Губерн. Вѣд.», 1857 г. № 32. Опыты объясненія именъ вел. князей литовскихъ въ статьѣ Юрсича, Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1883 г. III.

новился весель», говорить о немъ совершенно эпическимъ тономъ безпристрастный русскій лѣтописецъ, какъ бы не отдавая отчета въ значеніи этой ужасной статистики. Пресытившись звѣрствами, Войшелга уступилъ Новогрудокъ Роману Галицкому, отправился къ его отцу князю Данилу въ Холмъ и здѣсь, плѣнившись русской вѣрой, принялъ святое крещеніе, подпалъ подъ вліяніе игумена Григорія, смирился духомъ, принялъ монашество, хотѣлъ даже идти на Афонъ, но вслѣдствіе трудности путешествія возвратился и основалъ свой монастырь въ Лавришевѣ, близъ Новогрудка, недалеко отъ р. Нѣмана. Но лишь только до Войшелга дошла вѣсть, что его отецъ Миндовгъ палъ отъ рукъ убійцъ, онъ сбросилъ монашескую рясу и съ помощью русскихъ князей и дружинъ завладѣлъ Новогрудкомъ, объявилъ себя великимъ княземъ и началъ жестокую расправу съ врагами отца и своими,—многихъ перебилъ, а другіе бѣжали. Воздавъ большую дань литовскому обычаю мести, онъ опомнился. Назвавъ своимъ отцомъ Василька Романовича, а преемникомъ—Шварна, мужа своей сестры, онъ опять облекся въ монашескую рясу и удалился въ Даниловскій монастырь, гдѣ плакался о своихъ грѣхахъ. Онъ былъ убитъ въ Владимірѣ Волынскомъ въ 1269 году.

Послѣ Войшелга основанное Миндовгомъ литовское государство распалось на удѣльные княжества. Одно время государствомъ правилъ русскій православный князь Шварнъ Даниловичъ, сынъ галицко-волынскаго князя Данила Романовича, женатый на дочери Миндовга, что свидѣлствуетъ о дружественныхъ отношеніяхъ между русскими и литовскими князьями.

Изъ слѣдующихъ литовскихъ князей замѣчательнъ, какъ устроитель Литвы, Гедиминъ (онъ вступилъ на престолъ въ 1316 году), присоединившій къ Литвѣ волынскую область и удѣльные русскія княжества—витебское, полоцкое, пинское, туровское и минское. Княженіе свое Гедиминъ ознаменовалъ, между прочимъ, постройкою города Вильны. До него столицею государства были Троки (нынѣ уѣздный городъ виленьской губ.). Въ 1323 году, или приблизительно около этого времени, Гедиминъ перенесъ столицу изъ Трокъ въ Вильну. Хотя Гедиминъ былъ язычникъ и поклонялся идоламъ, но онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ христіанамъ православнаго исповѣданія и имѣлъ православныхъ женъ¹⁾.

Послѣ смерти Гедимина (въ 1341 году), въ литовскомъ княжествѣ, въ продолженіе пяти лѣтъ, не было великаго князя. Сыновья Гедимина жили каждый въ своемъ удѣлѣ. Въ 1345 году великокняжескій литовскій престолъ занялъ сынъ Гедимина—Ольгердъ, управлявшій литовскимъ княжествомъ 32 года. Онъ много захва-

¹⁾ О Гедиминѣ—*Филевичъ*; «Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы за Галицко-Владимирское наслѣдіе» въ «Журн. Мпн. Нар. Пр.» 1889—1891 г. Вышло отдѣльнымъ изданіемъ. *Никитскій*: «Кто былъ Гедиминъ» «Рус. Стар.» 1871 г. IV.

тилъ русекихъ земель и присоединилъ ихъ къ своему государству: въ 1355 году онъ овладѣлъ чернигово-сѣверскою землею, въ 1359 году подчинилъ своему вліянію смоленское княжество, въ 1362 году овладѣлъ подольскою областью и въ томъ же году присоединилъ къ своимъ владѣніямъ городъ Кіевъ. Ольгердъ пытался даже отнять у поляковъ и присоединить къ своимъ владѣніямъ древнюю русскую область Галицію. Область эта составляла нѣкогда часть древне-русскаго галицко-волинскаго княжества и извѣстна была въ древности подъ именемъ Червонной-Руси. Подобно отцу своему—Гедимину, Ольгердъ очень любилъ православіе и уважалъ русскую народность. Онъ самъ исповѣдывалъ православную вѣру и носилъ имя Андрея. Обѣ супруги его были православныя русскія княжны ¹⁾.

Главнымъ сотрудникомъ и помощникомъ Ольгерда по управленію литовскимъ государствомъ былъ братъ его, трокскій князь Кейстутъ.—Хотя онъ исповѣдывалъ языческую вѣру, но всѣ христіане очень его любили за его честность и справедливость. Княженіе Ольгерда и Кейстута было наиболѣе полнымъ выраженіемъ самостоятельной политической жизни литовцевъ.—Родовые союзы и отдѣльныя княжества къ этому времени окончательно теряютъ свою силу. Государственный порядокъ окончательно сложился на демократическихъ началахъ. Однимъ изъ основныхъ принциповъ въ государственной жизни была широкая вѣротерпимость. Въ литовское законодательство входятъ элементы обычнаго права. Все повидимому предвѣщало дальнѣйшую могучую организацію Литвы. Но случилось иначе.

Послѣ смерти Ольгерда (1377 г.) осталось 12 сыновей и 5 дочерей.—Княжескій престолъ занялъ Ягайло или Ягелло (въ православіи Яковъ), старшій сынъ Ольгерда отъ второй супруги его—Юліаніи. Народъ литовскій не желалъ Ягайла, а хотѣлъ имѣть своимъ великимъ княземъ брата Ольгерда, Кейстута. Возгорѣвшая затѣмъ борьба между Ягайломъ и сыномъ Кейстута Витовтомъ изъза литовскаго престола повела къ тому, что положеніе Ягайлы на литовскомъ престолѣ было крайне непрочное.—Къ счастью для него, въ это время прибыли въ Вильну послы изъ Польши и предложили соединить Литву съ польскимъ государствомъ посредствомъ брака Ягайлы съ польскою королевою Ядвигаю.—Въ случаѣ принятія этого предложенія, Ягайло долженъ былъ поселиться въ тогдашней столицѣ Польскаго королевства—въ г. Краковѣ. Ягайло согласился. Такъ произошла первая унія Литвы съ Польшею (1386 г.), которую можно назвать династическою, но не народною ²⁾.

¹⁾ Объ Ольгердѣ у Антоновича: «Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи». *Stadnicki K.*: «Olgierd i Kiejstut Lwow. 1849 г. Характеристика Ольгерда и Кейстута у Антоновича въ «Монографіяхъ», и у Иловайскаго въ «Исторіи Россіи», также у С. Соловьева.

²⁾ «Борьба культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической унии Литвы съ Польшею». *Дашкевича* «Кіевск. унів. изв.» 1884 г. № 12. Его-же: «Литовско-русское государство». Кіевъ. 1886 года.

1386 годомъ оканчивается самостоятельный политическій періодъ Литвы. Отличительной особенностью этого періода было то, что въ немъ не было борьбы народностей. Литовцы умѣли уважать чужую вѣру, чужой языкъ.

Дальнѣйшая исторія Литвы, тѣсно связанная сначала съ исторіей Польши, а затѣмъ Россіи,—имѣла уже совершенно иной характеръ.

Со времени соединенія Литвы и Западной Россіи съ Польшею (съ 1386 г.), православная религія, прежде свободно господствовавшая въ Западной Руси и свободно распространявшаяся въ Литвѣ, стала подвергаться уничтоженію и преслѣдованію. Уже при Ягайлѣ былъ изданъ законъ, по которому только тѣ дворяне литовско-русскаго великаго княжества могли пользоваться правами польскихъ шляхтичей, которые исповѣдывали католичество. Католикамъ запрещалось вступать въ бракъ съ православными, православнымъ запрещалось занимать государственныя должности. Такія и подобныя имъ мѣры притѣсненія православныхъ употребляли и послѣдующіе за Ягайлѣмъ литовско-польскіе короли, его преемники. Съ начала XV столѣтія, съ Городельской уніи 1413 г. начинается полонизація и латинизація Литвы.

Чтобы искоренить русскія начала въ сѣверо-западномъ краѣ и объединить жителей этого края съ Польшею, поляки призвали іезуитовъ. Въ 1565 году іезуиты ввезены были въ городъ Вильну въ закрытой каретѣ, секретно, окруженные со всѣхъ сторонъ вооруженными всадниками¹⁾. Съ прибытіемъ іезуитовъ—въ Литвѣ и Западной Россіи начинается открытое гоненіе православной и русской народности. Будучи по природѣ народомъ миролюбивымъ, уживчивымъ, даже вѣротерпимымъ, поляки, подъ влияніемъ іезуитовъ, стали народомъ страшно жестокимъ по отношенію къ своимъ согражданамъ литовцамъ и русскимъ подвластной имъ Западной Россіи²⁾.

Но какъ ни сильна была полонизація, она не могла подавить въ западно-русскомъ народѣ стремленія къ политической самостоятельности. Настойчивое стремленіе Литвы и Западной Руси къ независимости отъ Польши проходитъ чрезъ весь періодъ времени соединенія, или точнѣе, порабоженія Польшею Литовско-русскаго народа. До второй половины 16 столѣтія (т. е. до 1569 г.) оно иногда достигало этой независимости, имѣя своихъ отдѣльныхъ литовско-русскихъ князей. Такъ было, напр., при князьяхъ—Витовтѣ, въ концѣ 14 столѣтія, Свидригайтѣ, въ началѣ 15 столѣтія, и при Александрѣ, во второй половинѣ 15 столѣтія.

Въ началѣ второй половины 16 столѣтія всѣмъ попыткамъ Литвы и Западной Руси отдѣлиться отъ Польши и возстановить свою

¹⁾ *Jaroszewicz*: «*Obraz Litwy...*» t. III, p. 73.

²⁾ *Истремовъ М.*, «*Іезуиты; ихъ педагогическая дѣятельность въ Польшѣ и Литвѣ.*»—«*Труды Кіевск. Дух. Акад.*» 1869 г. № 2.

самобытность положенъ былъ разъ навсегда конецъ. Литовскій король Сигизмундъ II-ой Августъ, избранный послѣ смерти своего отца Сигизмунда I-го королемъ Польши, будучи послѣднимъ, единственнымъ потомкомъ Ягайлы, не имѣя ни дѣтей, ни родственниковъ, сталъ самъ хлопотать о скрѣпленіи союза между Литвою и Польшею. Въ 1563 году онъ подарилъ Литву, какъ свою наследственность, Польшѣ. Послѣ этого согласіе Литвы на окончательное политическое соединеніе съ Польшей, оказывалось не нужнымъ. Актомъ Люблинской уніи 1569 г. Литва, какъ государственнй организмъ, навсегда была поглощена Польшей. Это была политическая унія.

Политическаго поглощенія Литвы для поляковъ было не достаточно; чтобы успѣшнѣе и быстрѣе покончить съ стойкимъ въ своемъ православіи литовско-русскимъ народомъ, Іезуиты и латино-польское духовенство создали въ исторіи христіанской церкви церковную унію (1596 г.).—Въ защиту поцраннаго съ этого времени православія выступаютъ такъ называемыя церковныя братства. Эти своеобразныя организаціи православныхъ явились единственными защитниками православія. Благодаря имъ, обезпечивалось матеріальное благосостояніе церковей, доставлялись удобства къ свободному исповѣданію вѣры, защищались церкви отъ насилій, издавались книги въ духѣ православія и русской народности, заводились училища и т. д.

IV.

Борьба литовцевъ за свою національность ¹⁾.

Окончательно подавить въ Литвѣ русскія начала полякамъ не удалось. Эти начала имѣли за собой давнія традиціи. Основы русско-литовскаго народа, его правовые устои и наследственная отъ дѣдовъ и отцовъ православная вѣра были слишкомъ крѣпки, чтобы ихъ можно было легко сломить. Низшіе слои литовскаго народа и среднее боярство еще долго упорно держались своей старой исторической основы. Это ясно сознавали сами поляки. Жмудскій каноникъ Матвѣй Стрыйковскій писалъ напр., въ 1582 году керновскому князю Звивбунду и жмудекому князю Монтивиллу:

Litwinie bracie, niezajrzyj tez Rusi,
 Gdyz tez sa niemniej slawni, zeznac kazdy musi,
 Bez nich ty porzadku spraw swych nie mozesz wiedziec,
 Gdyz rusacy w swych panstwach zdawna zwykli siedziec.
 Maja starsze swiadectwa: Litwa zas z nich rosła,
 Gdy niezgoda u ruskich xiazat rogi wzniosła,
 A Litwa w ich ojczyznach zgoda swa osiadła,
 Gdy sie wnetrzna niezgoda Rus biedna wyjadła.

¹⁾ *Българусскіе*: «Судьбы русскаго языка на Жмуди». «Русск. Вѣсти.», 1869 г. № 6. *Козловскій*: «Судьбы русскаго языка въ Литвѣ и на Жмуди». «Вѣстн. Зап. Рос.» 1869 г. № 10, 11, 12. *Воричевскій*: Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи».

Довольно яркимъ доказательствомъ вліянія русской цивилизаціи на Литву можетъ служить литовское боярство. Откуда явилось въ Литвѣ боярство? Боярство есть принадлежность древней славянской Руси — созданіе и установленіе первыхъ русскихъ князей. Когда великіе князья киевскіе покоряли западныя русско-славянскія племена и литовцевъ, ихъ сопровождали бояры, служилые люди. По окончаніи войнъ, во всѣхъ побѣжденныхъ западно-русскихъ и литовскихъ странахъ замѣстителями русской власти и правителями народа остались русскіе княжескіе сподвижники. Такъ было положено начало русскому боярству на Литвѣ. Съ теченіемъ времени оно сильно здѣсь разрослось и къ XVI в. представляло большую уже плеяду, судя по встрѣчающимся въ это время литовско-русскимъ фамиліямъ. — Таковы: Андреевичи, Балтроевичи, Бартошевичи, Богдановичи, Бортгевичи, Виткевичи, Володкевичи, Григорьевичи, Довятовичи, Иванкевичи, Лавриновичи, Лукашевичи, Мартыновичи, Матеевичи, Мишкевичи, Павловичи, Петровичи, Станкевичи, Томашевичи, Шимкевичи, Юревичи, Яновичи, и др. ¹⁾ Въ настоящее время «Виленскій центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ» занятъ изданіемъ «описей» актовъ XVI в. «жомойтской (жмудской) земли». Вышедшіе до настоящаго времени выпуски (четыре) довольно прочно устанавливаютъ господство русско-литовской фамильной номенклатуры въ краѣ. Акты жомойтскаго княжества, заключающія въ себѣ весьма цѣнные матеріалы для изученія его историческаго прошлаго, до 1697 г. писаны исключительно на русскомъ языкѣ и русскимъ письмомъ-кириллицей. Въ древней «Жомойти», нынѣшнемъ росіенскомъ уѣздѣ, ковенской губерніи, въ центрѣ Литвы, почти сплошь населенномъ литовцами, такъ полюболюбивыми въ настоящее время латанниці, нѣкогда русскій языкъ былъ господствующимъ ²⁾. Во исполненіе основнаго постановленія «Литовскаго Статута» (раздѣлъ IV ар. I, пунктъ 4), на русскомъ языкѣ обязаны были писать свои донесенія возные и представители власти. На русскомъ языкѣ проиходить разборъ дѣлъ на судѣ и записывались его рѣшенія. Онѣ не были чужды и латинскому духовенству, какъ видно напр. изъ акта 1545 г., писаннаго кириллицей по русски, и содержащаго рѣшеніе «ясновельможнаго въ Бозе превелебнаго святобливой памяти ксендза Вацьлава зъ Божой милости бискупа Жомойтскаго, державцы унитскаго» и многихъ другихъ. Можно полагать, что и неграмотная народная масса мѣстныхъ литовцевъ-латышей вельдѣтвіе культурнаго на нее воздѣйствія русскаго элемента, была также близко знакома съ русскимъ языкомъ. Подданные литовскаго княжества иначе не называли себя какъ русскими. Католики называли себя «русскими римскаго закона», а православные

¹⁾ *Спроисъ П. Я.*: «Русскій языкъ въ юридической письменности Литвы». «Нов. Вр.» 1901 г. № 8988, *Ляцкий*: «Значеніе литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси». *Борисевскій*: «О происхожденіи названія и языка литовскаго народа».—*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1847 г. ч. LVI.

²⁾ «Боярское сословіе въ Литвѣ» (истор. очеркъ)—«Виленск. Вѣстн.», 1898 г. № 21.

«русскими греческаго закона»¹⁾. Въ 1387 г. Владиславомъ Ягайломъ дарована привиллегія «русскому дворянству (шляхтѣ) римскаго закона»; въ 1445 году, Казиміромъ Ягайловичемъ такая же привиллегія дана «русскому дворянству греческаго закона».

Законы «Русской Правды» были издавна приняты и дѣйствовали въ Литвѣ, а потомъ вошли въ «Литовскій Статутъ», писанный русскимъ языкомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Левъ Сапѣга, приготовившій по повелѣнію короля Сигизмунда III изданіе статута. Вообще, лучшей эпохой русскаго языка въ Литвѣ были XV, XVI и начало XVII столѣтія.

Но не только судебные, но и административные акты Жмуди, сохранившіеся съ 1545 года, почти все до 1640 г. писаны на русскомъ языкѣ. Еще въ 1621 г. Иванъ-Казиміръ Пашкевичъ писалъ о русскіихъ началахъ въ Литвѣ: «Польша процвѣтаетъ латынью, Литва же и Жмудь русчизною; безъ той нельзя обойтись въ Польшѣ, безъ сей (т. е. русскаго языка) будешь въ Литвѣ и на Жмуди словно дуракъ. Благодаря латинскому языку, Польша въ состояніи говорить, Литва и Жмудь безъ русскаго языка существовать не въ состояніи. Знай, Русь, что твоя слава разнеслась по всему свѣту, радуйся, русскій, твоя слава никогда не исчезнетъ»²⁾.

Съ 1640 года въ актахъ начинаютъ мало по-малу употреблять и польскій языкъ³⁾. Окончательное запрещеніе употреблять русскій языкъ въ верховныхъ судахъ послѣдовало въ 1697 году. Тѣмъ не менѣе, въ низшихъ судахъ, особенно руководствовавшихся магдебургскимъ правомъ, русскій языкъ употреблялся и въ XVIII вѣкѣ⁴⁾. Замѣчательно, что не только польскіе короли Ягеллоны, но даже и короли изъ природныхъ поляковъ и другихъ націй, какъ, напримѣръ, Стефанъ Баторій, Сигизмундъ II и его сынъ Владиславъ IV, умершій въ 1648 году, нерѣдко издавали грамоты на русскомъ языкѣ.

По инициативѣ жмудскаго епископа Мельхіора Гедройця, жмудскій каноникъ Матѳей Стрыйковскій, въ концѣ XVI вѣка, написалъ лѣтопись Литвы и Жмуди. Стрыйковскому удалось собрать въ Литвѣ и на Жмуди, въ видѣ матеріаловъ для своего труда, до тысячи лѣтописей. Даниловичъ замѣчаетъ, что показанное число лѣтописей, найденныхъ Стрыйковскимъ, не надо считать преувеличеннымъ, потому что и Шлецеру удалось нѣкогда достать въ западномъ краѣ 21 лѣтопись, изъ коихъ 12 было печатныхъ, а 9 рукописныхъ. Изъ этой тысячи лѣтописей, найденныхъ Стрыйковскимъ на Жмуди и въ

¹⁾ *Harasiewicz M.*: «*Annales Eccles. Ruth.*» p. 155.

²⁾ Текстъ Пашкевича въ «Собраніи древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильно, Ковно, Трокъ...» Вильно 1843 г. (въ русскомъ и польскомъ текстѣ).

³⁾ *Jaroszwicz*: «*Obraz Litwy*»... t. 1, p. 144.

⁴⁾ Въ 4 пунктѣ «*Projekta na wygubienie Rusi*» (1717 г.) говорится «*Trzeba pilność mieć a żeby wszelkie dekreta z Magdeburgu i inne piśma po pòlsku, a ne po Rusku wychodzily*».

Литвѣ, не было ни одной писанной не по-русски. Но главное, лѣтописей, по словамъ того же Стрыйковскаго, были читаемы жителями Литвы и Жмуди издревле на русскомъ языкѣ¹⁾.

Если можно было въ Литвѣ собрать тысячу лѣтописей, то нѣтъ сомнѣнія, что религиозныхъ сочиненій, молитвенниковъ, катехизисовъ и книжекъ духовнаго содержанія находилось въ то время здѣсь еще болѣе. Въ XIV—XVII вѣкахъ, въ Литвѣ и Жмуди было весьма много разнаго рода книгъ и рукописей. Фактъ истребленія ихъ іезуитами и поляками, уничтожившими огромныя кучи книгъ и рукописей, преимущественно старыхъ по всей Жмуди и Литвѣ, подтверждаетъ справедливость этого положенія²⁾. Польскіе писатели М. Вишневскій³⁾ и К. Мацѣвичъ говорятъ, что когда русскій переводъ библіи Скорины, напечатанный въ Прагѣ, везли въ сѣверо-западный край, много экземпляровъ его пропало въ дорогѣ. Причины этой «пропажи» Вишневскій и Мацѣвичъ не показываютъ, но о ней не трудно догадаться.

О широкомъ развитіи въ старину русскихъ началъ въ Литвѣ и на Жмуди можно судить и по дѣлу книгопечатанія. Первая польская типографія въ городѣ Вильнѣ была основана іезуитами въ 1576 году. Первая типографія выпускавшая славянскія книги была виленская, такъ называемая типографія старшаго градоначальника Вильны Бабица (католика), успѣвшая еще до 1525 года напечатать если не весь Новый Заветъ Скорины, то навѣрное дѣянія и посланія апостольскія и мѣсяцесловъ. Первая протестантская типографія въ сѣверо-западномъ краѣ была несвижская, основанная княземъ Радзивилломъ Чернымъ, около 1558 года. Въ этой типографіи до 1570 года печатались книги по-русски. Послѣ уніи Литвы съ Польшею и введенія іезуитовъ въ 1569 году, несвижская типографія въ 1570 году напечатала уже по польски протестантскую Библію, переводъ Буднаго. Въ слѣдующемъ 1571 году она досталась іезуитамъ. Въ томъ же XVI вѣкѣ въ Вильнѣ работали русскія типографіи: Делонга Левянского, Гарабурды и по преимуществу братьевъ Луки, Козьмы и Льва Мамоничей. Типографія Мамоничей существовала долго и успѣла напечатать весьма много книгъ (она находилась подлѣ Острыхъ воротъ). Была русская типографія также въ мѣстечкѣ Забудовѣ (бѣлостокскаго уѣзда). Въ XVII вѣкѣ были русскія типографіи: въ Вильнѣ, свято-духовская и базилианская, въ Евѣ, трокскаго уѣзда и др. Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ русскія книги печатали въ супрасльскомъ монастырѣ (бѣлостокскаго уѣзда).

Что касается въ собственномъ смыслѣ литовской печати, то начало ея восходитъ къ изданіямъ XVI вѣка, предпринятымъ рефор-

¹⁾ *Maciej Strzykowski*: «Kronika polska, litewska, zmuudzka i wszystkiej Rusi», t. I, p. 354.

²⁾ *Jaroszewicz*: t. III, p. 107.

³⁾ *Wiszniewski*: *Historia liter. pols.* I—VIII. m. Warszawa. 1840 г. p. 478.

матскими дѣтелями Германіи въ Витенбергѣ и Кенигсбергѣ¹⁾). Но когда собственно вышла первая книга на литовскомъ языкѣ, до сихъ поръ ученымъ точно установить не удалось. По розысканіямъ Вольтера, извѣстнаго знатока литовской исторіи и библиографіи, наиболѣе достовернымъ основателемъ литовской литературы является Станиславъ Рапагелонъ (по русски Рафалловичъ), по латыни Stanislawus Lituanus, изъ мѣст. Кульвы, близъ Жеймъ, ковенской губерніи, пріобрѣтшій въ Краковѣ степень бакалавра и изучившій богословіе въ лютеранскомъ виттенбергскомъ университетѣ (въ 1542—1544 г.). Онъ сочинилъ духовные стихи на тему о спасительности Рождества Христова и страстей Спасителя, для произношенія на богослуженіяхъ въ пасхальные и рождественскіе дни. Пѣсни эти напечатаны были Мовидомъ въ «Катехизисѣ» 1547 года и въ книгѣ евангелическихъ пѣснопѣній Лазара Зенгптока 1612 г.

Въ 1595 году вышли «Katechismas» Якова Једесмы въ литовскомъ переводѣ жмудекаго каноника Николая Даукши и его же «Trumpes Vidas pasisakimo, arba izpazinimo pūdemiu»— краткое наставленіе для исповѣдывающихся. Кромѣ того, при содѣйствіи Даукши издана «Постилла Католическая» или сборникъ проповѣдей, направленныхъ противъ лютеранъ, кальвинистовъ и др. (изд. 1599 г.)²⁾ Эти сочиненія и переводъ Даукши, какъ и «Постилла» напечатаны, по указанію въ заглавіи, въ Вильнѣ. Друкарь не названъ, а вмѣсто него на оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ знакъ ордена Іисуса съ надписью: «nomēn J-esus ante... regnat». «Катехизисъ» и «Постилла» 1599 года печатались, повидимому, въ типографіи виленскихъ іезуитовъ.

Въ этихъ произведеніяхъ литовскихъ писателей, по изслѣдованію Вольтера, сказалось вліяніе не только польской, но и чешской письменности. Шрифтъ изданій весьма пестръ, причѣмъ тщательно соблюдается оригинальная система литовскаго ударенія. Какъ печатное произведеніе, катехизисъ и постилла, несмотря на множество опечатокъ, являются трудомъ кропотливымъ, и съ вѣншей стороны не лишены художественнаго вкуса. Замѣчательно въ историко-литературномъ отношеніи предисловіе къ постиллѣ, написанное по-польски и излагающее претензіи литовцевъ на самобытную словесность. Вину за то, что народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и вѣковыхъ предрасудкахъ Даукша возлагаетъ на духовныхъ пастырей, презирающихъ литовскую рѣчь. Подраженіе польской рѣчи и презрѣніе къ самобытности роднаго языка Даукша сравниваетъ съ смѣшеніемъ голосовъ звѣрей и птицъ.—Что было бы, пишетъ Даукша, если бы козель

¹⁾ П. Кетпенъ: «Матеріалы изъ исторіи просвѣщенія въ Россіи» СЦБ. 1827 г. (По этимъ матеріаламъ русскіе филологи впервые познакомились съ литовскимъ языкомъ). Сыромятниковъ: «Вопросъ о литовской письменности» «Новое Вр.», 1903 г. 9698.

²⁾ «О переизданіи литовской Постиллы Николая Даукши 1595 г.» «Изв. Им. Ак. Наукъ» 1901 г. стр. LVII—LIX. Балтрамайтісъ—библиографія 518.

стать ревѣть по-львиному, воронѣ пѣть по соловьиному и т. д. Лишить народъ его языка, равносильно тому, что съ неба снять солнце, разрушить міровой порядокъ, уничтожить жизнь и славу. Даукша, впрочемъ, не возбраняетъ землякамъ изученіе иностранныхъ языковъ, особенно польскаго, съ которымъ литовець, вслѣдствіе уніи, сроднился, но вмѣстѣ съ тѣмъ Даукша возмущается пренебреженіемъ родной рѣчи. Даукша впервые воплотилъ на печатномъ станкѣ саомытное литовское правописаніе и, благодаря этому, явился для Жмуди и Литвы первымъ національнымъ писателемъ. Его система изображенія звуковыхъ оттѣнковъ литовской рѣчи, въ особенности удареній, настолько точна и замѣчательна, что петербургская академія наукъ признала полезнымъ переиздать это произведеніе. Литовскія книги, изданныя въ Вильнѣ, не предназначались для народнаго чтенія, а скорѣе для распространенія среди мѣстной шляхты и сельскаго духовенства. Чисто народные учебники являются на литовскомъ языкѣ только въ XVIII—XIX вѣкахъ.

Э. Вольтеръ, специально изучившій исторію литовскаго книгопечатанія въ XVI в., приходитъ, между прочимъ, къ такимъ интереснымъ выводамъ по этому вопросу.

1. Книги литовскія печатались въ XVI в. сначала въ Кенигсбергѣ, а съ 1590-хъ годовъ въ Вильнѣ.

2. Основателемъ литовской литературы слѣдуетъ признать Станислава Рапагелона.

3. До 1598 года литовскія книги печатались только для протестантовъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія, а съ 1598 для кальвинистовъ, но съ текстомъ польскимъ. Иезуиты же въ Вильнѣ, какъ показываетъ катехизисъ 1595 года, еще ранѣе кальвинистовъ прибѣгли къ употребленію литовскаго языка, въ цѣляхъ болѣе успѣшной католической пропаганды на Литвѣ и Жмуди.

4. Первоначальная литовская азбука и правописаніе сложились подъ вліяніемъ нѣмецкимъ.

5. Литовская письменность на Жмуди и въ Вильнѣ возникла подъ вліяніемъ литовской народнической партіи епископа Гедройца, стоявшей, между прочимъ, за выборъ въ короли Генриха Валуа, и составляетъ повидимому, результатъ національнаго возрожденія жмудско-литовской шляхты, въ противодѣйствіе тенденціямъ полонизма, сказавшимся послѣ Люблинской уніи.

6. Первые литовскія книги, при общей безграмотности простаго народа и отсутствіи выработанной системы правописанія, предназначены для образованной части мѣстной шляхты и духовенства.

7. Исторія литовской письменности и ея возникновенія мало выяснена, за неимѣніемъ книгъ, нѣкогда существовавшихъ, но, повидимому, безслѣдно утраченныхъ, и по отсутствію вообще точныхъ бібліографическихъ розысканій по этой части. Со времени выхода

первой литовской книги, появившейся въ свѣтъ въ 1547 году, и до ХХ столѣтія литовскихъ книгъ было напечатано не болѣе 138, да и тѣ истреблялись католическимъ духовенствомъ, которое въ національной литературѣ литовцевъ усматривало начало протестанства.

Но, истребляя русско-литовскія книги, іезуиты въ то же время предприняли не мало мѣръ для просвѣщенія Жмуди.

Въ 17 вѣкѣ, на Жмуди іезуитами были устроены при каждомъ костелѣ миссіонерскіе посты, — миссіи. Жмудь наводнилась іезуитскими монастырями и коллегіями. — Въ Ворняхъ, Крожахъ, Жолыкахъ, въ Меречѣ, Динабургѣ, Плушнѣ, Митавѣ и Ригѣ находились іезуитскія коллегіи, гдѣ жило нерѣдко по 75 іезуитовъ при одной коллегіи. Въ томъ же XVII вѣкѣ, мѣстечко Кейданы обращено было Радзивилами въ Аѳины литовской народности. Тамъ построена кальвинская церковь, въ которой все богослуженіе совершалось на литовскомъ языкѣ. — Въ 1625 г. основанъ извѣстный своимъ вліяніемъ лицей, при которомъ находилась значительная бібліотека. — Въ 1650 г. основана типографія, въ которой печатались и книги на литовскомъ языкѣ ¹⁾.

Не ожидая большого успѣха отъ искусственной колонизаціи Литвы, іезуиты предприняли другую политику для ослабленія русскихъ началъ въ краѣ. Они пытались пробудить среди литовцевъ національное самосознаніе, надѣясь такимъ образомъ вызвать въ нихъ недовольство русскими традиціями, идущими вразрѣзъ съ этимъ самосознаніемъ. Новый курсъ національнаго самосознанія въ Литвѣ представляетъ очень интересное явленіе. Онъ особенно ярко проявился въ первой половинѣ XVII в. Іезуиты стали доказывать встрѣчному и поперечному простолюдину, что онъ — не русскаго происхожденія, а литовскаго, и что на немъ лежитъ священнѣйшій долгъ усвоить себѣ литовскій языкъ. Въ Вильнѣ, центрѣ русской народности, въ костелѣ св. Іоанна они стали произносить, въ перемежку съ польскими проповѣдями, и проповѣди на литовскомъ языкѣ. Проповѣдникомъ, поучавшимъ по-литовски, былъ іезуитъ Константинъ Ширвидъ, который, по словамъ польскихъ писателей, училъ вѣрѣ и литовскому языку не только въ костелахъ, но и въ деревняхъ, хижинахъ и на дорогахъ. Ширвидъ скончался въ 1631 году, и іезуиты объявили его святымъ, чтобы тѣмъ сильнѣе убѣдить народъ въ необходимости усвоить себѣ литовскую народность. Тоже дѣлалось и съ другими литовскими проповѣдниками ²⁾.

Одновременно съ іезуитами создать литовскую народность принались и прусскіе, остзейскіе пѣмпы и многіе пришельцы изъ Германіи. Кальвинисты, успѣвшіе насадить свое ученіе на русскомъ языкѣ, теперь вмѣстѣ съ іезуитами, тоже стали распространять ли-

¹⁾ *Kojalowicz: Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lith. Ducatu*... p. 101—105.

²⁾ *Jaroszewicz: «Obraz Litwy»*... III 4., 115—116 p.

товскаго языка. Броженіе умовъ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ въ Литвѣ и Жмуди было такъ велико, что даже жмудскій епископъ Петкевичъ и всѣ ксендзы, за исключеніемъ шести, не устояли при своей вѣрѣ и приняли протестантизмъ ¹⁾.

Чтобы подавить окончательно славяно-русскія традиціи въ Литвѣ и Жмуди, іезуиты и поляки съ начала XVII вѣка взяли цензуру въ однихъ мѣстахъ въ свои руки, въ другихъ — подъ непосредственное свое вліяніе. Ни одна книга не могла быть напечатана помимо ихъ разрѣшенія. Ими была устроена повсемѣстная ревизія библиотекъ. Все, что не нравилось іезуитамъ и полякамъ, что не согласовалось съ ихъ цѣлями было безопасно истребляемо. Если же оставалось какое-либо сочиненіе, то оно подвергалось передѣлкѣ и поддѣлкѣ. Даже древніе классики, употребляемые въ учебныхъ заведеніяхъ, не остались безъ измѣненія тѣхъ мѣстъ, какія не нравились іезуитамъ.

Имъ удалось овладѣть книгопечатаніемъ. Въ излишней ревности они старались мѣшать печатать даже и ксендзамъ, не принадлежавшимъ къ іезуитской и польской партіи. Въ дѣлѣ уничтоженія и сожиганія книгъ особенною извѣстностью пользовались виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ и Георгій Радзивилль. Извѣстно, что іезуитскій воспитанникъ—Радзивилль Сиротка истратилъ громадную сумму денегъ на пріобрѣтеніе для сожженія письменныхъ памятниковъ. По дѣлу уничтоженія типографіи извѣстны также своимъ усердіемъ болѣе другихъ Б. Мацѣвскій, Шинковскій и Косцелецкій, епископъ Акакій Гроховскій всю свою жизнь собиравшій, неразбирая средствъ, письменные памятники и книги, чтобы предать ихъ огню ²⁾.

За то цѣль была достигнута: въ Литвѣ и на Жмуди, гдѣ издревле говорили по-русски, поляки изгнали русскій языкъ изъ своихъ учебныхъ заведеній, по преимуществу во время Сигизмунда III ³⁾.

Политика пробужденія національнаго самосознанія въ Литвѣ хотя и привела къ желаннымъ для іезуитовъ результатамъ,—ослабленія русскіхъ началъ, но осложнилась однимъ крупнымъ нежелательнымъ для польскіхъ дѣятелей явленіемъ. Благодаря ей создалась въ Литвѣ и Жмуди сильная литовская партія католическаго духовенства. Находясь въ постоянномъ общеніи съ іезуитами, эта партія усвоила приемы послѣднихъ и стала оказывать сопротивленіе польско-католической партіи. Такъ какъ литовская партія р.-католическаго духовенства была весьма сильна въ Литвѣ до конца XVIII вѣка, то чтобы ее подавить, польское правительство стало посылать

¹⁾ Козловскій: «Судьбы русс. языка въ Литвѣ». «Вѣст. Зап. Рос.» 1896 г. № 10, стр. 10—15. Jaroszewicz: III t. 104—105.

²⁾ Ярошевичъ,—«Obraz Litwy», t. III, стр. 107—108.

³⁾ Dzieła T. Czackiego, t. I, p. 75.

въ Литву ксендзовъ родомъ изъ Польши. Это вызвало большое неудовольствіе среди литовцевъ. Несогласія по этому поводу между поляками и литовцами доводили иногда до вооруженныхъ столкновений. Такъ напр. когда польскимъ правительствомъ и римскимъ папою былъ назначенъ въ Вильну на епископскую кафедру извѣстный Бернардъ Мацѣвскій, то р.-католическое духовенство сѣверо-западнаго края, несмотря на папскія буллы, вооруженною рукою не позволило ему занять епископскую кафедру, только потому, что онъ былъ полякъ. Точно тоже было съ Домашевскимъ и Воронскимъ, назначенными польскою партією епископами на Жмуди, и съ другими. Чтобы спасти сѣверо-западный край отъ ксендзовъ-поляковъ, посылаемыхъ въ этотъ край польскими дѣятелями, р.-католическое духовенство сѣверо-западнаго края, собравшись въ 1685 году на соборъ въ Вильну, просило польскаго короля не присылать въ сѣверо-западную Русь ксендзовъ родомъ изъ Польши, потому что они вредны для края.

Въ этой любопытной исторіи борьбы поляковъ съ литовцами изъ за національнаго пробужденія литовцевъ, заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что несогласіе двухъ партій р.-католическаго духовенства въ сѣверо-западномъ краѣ повидимому существовало и въ средѣ іезуитскаго ордена, насколько объ этомъ позволяетъ судить исторія съ изданіемъ нѣкоторыхъ научныхъ трудовъ въ Вильнѣ. Профессоръ виленской академіи—нѣмецъ Прейшгоффъ, печатавъ въ 1707 году исторію виленской академіи, не пожелалъ помѣстить цѣлкомъ сообщенія А. В. Кояловича о томъ, что іезуитъ В. Фабрицкій читалъ въ академіи богословіе не только по-латыни, но даже и на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, онъ выбросилъ слова «и на русскомъ»,—а оставилъ только «на славянскомъ». Другой профессоръ той же академіи, одинъ изъ извѣстныхъ р.-католическихъ богослововъ XVIII вѣка, Іоаннъ Пошаковскій, родомъ изъ сѣверо-западнаго края, въ своемъ іезуитскомъ мѣсяцесловѣ на 1740 г., говоря о томъ же фактѣ, утверждаетъ, что Фабрицкій читалъ богословіе только на латинскомъ и на рускомъ языкахъ—(«w Russkim języku») и присовокупляетъ, что, употребляя русскій языкъ въ р.-католическомъ богословіи, Фабрицкій принесъ католической церкви пользу не меньшую той, какую принесли католическіе богословы, читавшіе на латинскомъ языкѣ.

Но партія литовская, конечно, была слабѣе польской, и Литва подверглась сильной полонизаціи. Неудивительно. Все шансы были на сторонѣ поляковъ: уничтоженіе между Польшей и Литвой вѣшнихъ преградъ (границъ), высшій уровень польской культуры, сильное вліяніе польскаго духовенства на Литвѣ, которое все литовское отождествляло съ языческимъ и какъ таковое презирало. Почти весь цвѣтъ литовскаго народа (дворянство) сдѣлался достояніемъ польской націи.

Преслѣдованія русской народности проходили безнаказанно для поляковъ до вступленія на русскій престолъ Императрицы Екатерины 2-ой (1762 г.) Екатерина 2-я, въ союзѣ съ Прусскимъ королемъ, раздѣлила Польшу и возвратила Россіи отобранныя отъ нея русско-литовскія области.

Лишившись политической самостоятельности и потерявъ окончательно литовскія провинціи, поляки все-таки не оставили въ покое литовцевъ. Ополяченіе Литвы шло быстрыми шагами и послѣ раздѣловъ Польши. Нѣкоторые исследователи приходятъ даже къ выводу, что въ сравнительно недолгой періодъ 1795—1833 годовъ Литва болѣе ополячилась, чѣмъ въ теченіе XVII и XVIII в. Въ продолженіе этихъ вѣковъ распространеніе польскаго языка было замѣтно только въ высшихъ слояхъ общества.—Крестьяне и мѣщане употребляли свой родной языкъ-литовскій и бѣлорусскій.

Съ конца XVIII вѣка полонизація быстро захватываетъ и низшіе классы общества въ Литвѣ. Только въ концѣ XVIII столѣтія, послѣ паденія Польши, представители польскаго общества поняли все значеніе языка, какъ связующаго звена, народности, и начали распространять его. Въ 1800 г. въ Варшавѣ было основано съ этою цѣлью литературное общество «Towarzystwo Przyjaciół Nauk».

По понятіямъ поляковъ, крестьяне, на которыхъ шляхта всегда смотрѣла свысока, какъ на «быдло», не могли быть носителями польщизны. Въ крестьянствѣ наны видѣли лишь плебейскую массу, чуждую политическаго значенія, но необходимую въ государственномъ механизмѣ для того, чтобы доставлять необходимые для казны подати. Лишь послѣ паденія Польши поляки яснѣе, чѣмъ когда-либо сознали огромное политическое значеніе народа—какъ проводника политическихъ воззрѣній и принялись за его воспитаніе. Для утвержденія крестьянъ въ католичество, іезуиты старались пользоваться ихъ знаніемъ русской грамоты и издавали для нихъ катихизисы, молитвенники, религіозныя пѣсни и р.-католич. требники на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, по свидѣтельству Лукашевича, ими были изданы въ большомъ количествѣ брошюры, подметныя шьемъ и пасквили, писанныя на русскомъ языкѣ.¹⁾

Польская записка («Projekt na wygubienie Rusi») объ искорененіи русскихъ началъ съ 1717 года сдѣлалась настольною книгою польскихъ помѣщиковъ въ Литвѣ. Пользуясь своей властью, они запретили крестьянамъ обученіе русской грамотѣ. Въ инструкціяхъ, даваемыхъ экономамъ и управителямъ имѣній, строжайше приказано было смотрѣть за тѣмъ, «чтобы крестьянскія дѣти занимались не книгами, а плугомъ, сохою, бороною, дѣломъ.»²⁾

¹⁾ *Lukaszewicz* „Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie“ t. I, p. 83—89.

²⁾ *Harasiewicz*: *Annales Eccles Ruth.* p. 160. Объ учебныхъ заведеніяхъ въ Литвѣ до присоединенія ея къ Россіи въ «*Журн. Мин. Пр.*» Ч. CXVI. 1.

Но не дремали и литовцы. Пропаганда въ пользу ихъ народности шла своимъ чередомъ. Въ началѣ XVIII вѣка литовскій языкъ употребляли только жители Жмуди, то-есть тельшевскаго, шавельскаго и росіенскаго уѣздовъ. Къ 1/2 XVIII вѣка, кромѣ этихъ уѣздовъ, по-литовски говорили уже жители сѣверной части сувальской губерніи, ковенскаго, вилкомирскаго, поневижскаго и части новоалександровскаго и свенцянскаго уѣздовъ, въ трокскомъ уѣздѣ около мѣстечка Мереча и Ольшеникъ, и въ Лидскомъ, около мѣстечка Пачи. Въ уѣздахъ же динабургскомъ, рѣжицкомъ и отчасти люцинскомъ постепенно завоевываеъ права гражданства латышскій языкъ. Если слѣдять нынѣшнюю территорію, на которой употребляется литовскій языкъ, съ территоріей, въ чертѣ которой тотъ же литовскій языкъ употреблялся около 1700 года, то увидимъ, что въ теченіе этого времени литовскій языкъ успѣлъ распространиться на территорію вдвое большую. Замѣчательно что жители собственно Жмуди, т. е. тельшевскаго, шавельскаго и росіенскаго уѣздовъ, успѣвшіе олитвиться въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ, а слѣдовательно и забывшіе о своемъ русскомъ происхожденіи, называютъ этихъ новыхъ литовцевъ гудами т. е. русскими, и не считаютъ ихъ принадлежащими къ литовскому племени.⁴⁾ По словамъ извѣстнаго историка Лелевеля и другихъ польскихъ писателей, названія деревень ковенской губерніи Гуды, Гудышки, Гудырви, Гудловскіе, Гидели, Гудеды, Гудкальни, Гудвицы, Гудаки, Гутковъ и т. п. означаютъ тоже, что слова русскій, русскіе, и показываютъ, что жители этихъ деревень оставили употреблять русскій языкъ позже жителей другихъ деревень ковенской губерніи, и поэтому получили нынѣшнее свое названіе, когда слова гудасъ т. е. русскій, стало у поляковъ браннымъ словомъ.

Издательская литовская литература усилилась, хотя и не въ предѣлахъ Россіи, — гдѣ запрещено было печатать по литовски, а за границей, преимущественно, въ Германіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія, по преимуществу же въ нынѣшнемъ XIX вѣкѣ, издано на литовскомъ языкѣ, сравнительно съ прежнимъ, весьма значительное число народныхъ книгъ. По-литовски писали народныя книги: Рупейко епископъ Волончевскій, Пашкевичъ, Незабитовскій, Дроздовскій, Станевичъ, Аксевичъ, Визгирдъ и другіе. Авторы литовскихъ книгъ имѣютъ въ виду создать одинъ общій литовскій языкъ (такъ какъ говоры литовскіе очень разнообразны) и сблизить жмудиновъ съ поляками, убѣдить литовцевъ, что имъ необходимо держаться и слушаться поляковъ.

Когда въ 1803 г. былъ открытъ въ Вильнѣ университетъ, польскіе представители прибыли въ литовскую столицу и сумѣли организовать университетъ на чисто польскихъ началахъ, ставя его на стражѣ польской науки и литературы въ Литвѣ. Это не было обык-

⁴⁾ *Lelewel J.* «Narody na zemiachъ slawianskichъ» p. 278, 289—290.

новенный университетъ, это было скорѣе самостоятельное министерство народнаго просвѣщенія. Въ его вѣдѣніи находилось все народное образованіе въ современномъ Сѣверо-и Юго-западномъ краѣ. Изъ виленскаго университета вышли такіе крупные научные и литературные дѣятели, какъ Мицкевичъ, Крашевскій, Лелевель, Одынецъ, Зань, Ходзько, Чацкій, Домейко, Чечотъ, Колонтай и много другихъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ университетъ, закрытый въ 1833 г., въ теченіе 30 лѣтъ своего существованія болѣе оплодотворилъ западный край, въ томъ числѣ и Литву, чѣмъ польское государство въ продолженіе 200 лѣтъ. ¹⁾ Польско-латинскій алфавитъ получилъ такое право гражданства въ литовской литературѣ, что такой литовскій поэтъ, какъ Адамъ Мицкевичъ, коренной литовецъ, литовскій народный пѣвецъ, изливаетъ свои поэтическія вдохновенія не на литовскомъ языкѣ, а на польскомъ и становится польскимъ патриотомъ.

Проводниками литовской народности были между прочимъ и литовскія училища. До 1864 года правительство не обращало вниманія на литовскія приходскія училища. Благодаря этому, въ Жмуди и Литвѣ, въ приходоухъ и деревняхъ, польскіе дѣятели старались основывать литовскія училища, въ увѣренности, что эти училища, при первомъ благопріятномъ для польщизны случаѣ, не трудно будетъ обратить въ польскія. Въ періодъ времени съ 1795 по 1864 годъ, количество литовскихъ училищъ особенно увеличилось. Они устраивались поляками не только при костелахъ, но почти въ каждой деревнѣ. На ряду съ литовскимъ языкомъ, здѣсь обучались, конечно, и польскому языку. Ксендзы въ Литвѣ стараются произносить проповѣди въ одинъ и тотъ же день и по-литовски, и по-польски.

Возстаніе 1831 г., вспыхнувшее и въ Литвѣ, способствовало еще большому смѣшенію литовскаго народа съ польскимъ. Сама нація, т. е. народная масса, находясь въ крѣпостной зависѣмости, тогда какъ будто не существовала. Она была прикрыта высшими слоями того же народа, которые были совсѣмъ ополячены. Это-то ичезновеніе всего народа подъ тонкимъ покровомъ высшихъ слоевъ и было главнѣйшей причиною отождествленія литовскаго народа съ польскимъ.

Въ 1832 году Высочайше повелѣно было въ ковенской губерніи, при обученіи вѣрѣ р. католиковъ употреблять не польскій языкъ, а литовскій (самогитскій) и съ этой цѣлью тогда же приказано было перевести на тотъ же литовскій языкъ и католическій катехизисъ. Несмотря на то, что это повелѣніе было повторено и

¹⁾ Шолковичъ: «Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣв.-Зап. края». Сборникъ Шолковича 1886 г. Объ ополячиваніи литовцевъ и о литовской печати—въ статьѣ—«Ненормальныя явленія въ жизни народнои школы сѣверо-зап. края»—«Русс. Обоз.», 1897 г. I и II.

въ 1852 году,—оно не исполнялось до послѣдняго польскаго мятежа 1863 г.

Памятное возстаніе 1863 г., распространившееся и на Литву, окончательно опутало литовскій народъ польскою мглою, которая не разбѣялась, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ. Еще и теперь она настолько густа, что мѣшаетъ русскому обществу и правительству узнать литовскій народъ со стороны лучшихъ его національныхъ качествъ. Желаніе ускорить располоченіе литовскаго народа побудило графа М. Н. Муравьева—Виленскаго издать въ 1864 г. распоряженіе о печатаніи литовскихъ и жмудскимъ книгъ русскимъ шрифтомъ.¹⁾ Какъ выяснено въ настоящее время, гр. Муравьевъ имѣлъ въ виду возвратити литовцевъ къ тѣмъ русскимъ историческимъ началамъ, которыя нѣкогда были коренными въ Литвѣ. Но литовцы изъ за національнаго чувства сепаратизма, воспитаннаго среди нихъ польскою политикою, не приняли кириллицы.²⁾ Распоряженіе Муравьева, вызвавшее циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ цензурному вѣдомству отъ 13-го сентября 1865 года, не оправдало тѣхъ видовъ, какіе преслѣдовались русской политикою. Оно не только не послужило къ располоченію народа, но уничтожило совершенно литовское книгопроизводство въ имперіи, гдѣ живетъ главная масса литовскаго племени, и перенесло его въ Пруссію, гдѣ живетъ немного литовцевъ, или въ Америку, гдѣ ихъ всего 300,000. Трехсотлѣтняя привычка литовцевъ къ латинскому шрифту была причиною того явленія, что населеніе не читало книгъ, изданныхъ русскимъ шрифтомъ, считая ихъ еретическими, и дѣлало всѣ усилія, чтобы пріобрѣсть контрабандою литовскія книги, напечатанныя за границею латинскими буквами, несмотря на конфискацію ихъ, на штрафы держателей и аресты сбытчиковъ. О степени распространенія въ литовскихъ губерніяхъ иностранной литовской печати можно судить по тому, что между 1891 и 1902 годами таможи конфисковали 173,000 экземпляровъ литовскихъ книгъ, и вѣроятно не меньше ихъ конфисковано полиціей. Литовскихъ молитвенниковъ печаталось въ годъ болѣе 30,000 экземпляровъ и они продавались по 2 рубля, тогда какъ напечатанные русскимъ шрифтомъ и стоящіе по 20—30 коп., горами лежали въ лавкахъ, не находя себѣ сбыта. Съ 1864 года по 1891 годъ издано русскимъ шрифтомъ всего 25 книгъ, въ томъ числѣ букваря, учебники, молитвенники и нѣсколько книгъ научнаго и беллетристическаго содержанія, тогда какъ за границею напечатано въ это время

¹⁾ Манифестъ объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости 1861 года былъ изданъ на двухъ параллельныхъ текстахъ: русскомъ и литовскомъ. Библиографическая рѣдкость, хотя въ 1861 г., текстъ манифеста былъ въ каждой приходской церкви.

²⁾ Эта мысль въ связи съ историческими задачами Литвы и Жмуди проведена между прочимъ въ статьѣ И. Я. Спрогиса, напечатанной въ латышской газетѣ «Bals» («Голосъ» № 26, 1904 г.) подъ заглавіемъ: «Истина о русскихъ буквахъ въ литовской письменности».

болѣе 700 книгъ и газетъ. Издатель литовскаго патриотическаго альбома въ Америкѣ, А. Mikulas, говоритъ: «Въ 1883 году литовскимъ патриотамъ удалось начать издавать въ Германіи ежемѣсячный журналъ «Aušra», за которымъ слѣдовалъ длинный потокъ книгъ и періодическихъ изданій, которыя распространялись широко по всей Литвѣ специально устроенною тайною почтою. Охрана русско-германской пограничной черты и самыя строгія наказанія тѣхъ, у кого найдены литовскія книги, ни къ чему не привели».

Такимъ образомъ литовскій народъ, не желавшій быть ополченнымъ и боровшійся съ польскими патриотами Сѣверо-Западнаго края, поставленъ былъ въ необходимость получать свою умственную пищу контрабандой изъ-за границы, на что не былъ осужденъ ни одинъ народъ, живущій подъ скипетромъ Русскаго Государя. Правда, литовская интеллигенція учится въ русскихъ школахъ и университетахъ и ей открыта русская литература. Но если литовская литература существуетъ уже въ теченіе 350 лѣтъ, то, фактически запрещая ее въ Имперіи, русское правительство дѣлало ее особенно привлекательною для мыслящихъ и развитыхъ литовцевъ, тѣмъ болѣе, что и наша Академія Наукъ печатаетъ свои научныя литовскія изданія не русскимъ, а латинскимъ шрифтомъ. Приложивъ столько заботъ къ управленію литовскою буквою, мы упустили изъ нашего вліянія литовскій духъ, долго питавшійся зарубежною литературой, иногда враждебною русскому народу и его имперскимъ интересамъ. Эти соображенія и побудили русское правительство даровать литовцамъ право печатать свои произведенія на своемъ языкѣ (Высочайшій указъ 1904 г.). Освобожденіе литовско-латинскаго письма отъ тяготѣвшихъ на немъ запретительныхъ мѣръ дало возможность живущимъ въ Имперіи литовцамъ просвѣщать своихъ родичей, уяснить имъ ихъ положеніе среди другихъ народовъ Имперіи, примирять ихъ потребности съ потребностями русскаго народа.

V.

Современная Литва. Природа страны. Археологическія раскопки ¹⁾.

Собственно литовцы живутъ въ настоящее время главнымъ образомъ въ ковенекой губерніи (574, 853 и жмудинь 444, 421), затѣмъ въ сувалкекой (304, 548 чел.) и виленской (297, 720 чел.) ²⁾

¹⁾ Статистическія данныя въ настоящей главѣ на основаніи данныхъ всеросійской переписи 1897 г.

²⁾ Materiały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne. T. III. Kraków 1899. Str. 1—72. Anonim. «Obszar języka litewskiego w gubernii Wilenskiej. Rzecz oparta na podstawie niedrukowanego spisu ludności (wedle plemienia i języka) jaki hr. Plater zarządził w r. 1890 (z wykluczeniem miast)». Na całą ludność gubernialną w r. 1892 (1.337 279) wypada litwinów tylko 272,000.

отчасти въ могилевской (3,000 чел.), гродненской (3,366 чел.) и въ Пруссіи (106,230 чел., по переписи 1900 г.)

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, всѣхъ литовцевъ въ предѣлахъ русской имперіи 3,094,469 чел., считая въ томъ числѣ собственно литовцевъ 1,210,510 (0,96 % общаго числа населенія въ Россіи), жмудиновъ 448,022 (0,35 %) и латышей 1,435,937 (1,14 %). Жмудины, несмотря на близкое этнографическое родство съ литовцами, не смѣшиваются съ послѣдними. Статистиками послѣдней переписи (1897 г.) отмѣчено почти полное отсутствіе жмудиновъ въ уѣздахъ, населенныхъ литовцами.

Если имѣть въ виду литовскія губерніи, то общее количество населенія въ нихъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ ковенской губ. 1,544,564 д. (752,051 м. и 792,513 ж.), на квадрат. версту—43,74 %. Въ сувальской—582,913 чел. (287,843 муж. и 295,070 женщинъ), на квадрат. версту 53,85. Въ виленской—1,591,207 ч. (790,880 м., 800,327 ж.), на квадрат. версту—43,21 %. Въ гродненской—1,603,409 ч. (805,833 м. и 787,576 женщ.), на квадрат. версту 47,30 %.

Населеніе нынѣшнихъ трехъ литовскихъ губерній очень смѣшанное. Оно состоитъ изъ литовцевъ, жмудиновъ, бѣлоруссовъ, евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, татаръ, малоруссовъ, караймовъ и др. Въ частности, если признакомъ принадлежности къ тому или къ другому этнографическому племени ставить родной языкъ, то составъ населенія въ ковенской губерніи выразится въ такихъ статистическихъ данныхъ. Литовцы и жмудины составляютъ $\frac{2}{3}$ населенія (первыхъ—37,22 %, вторыхъ—28,80 %), латышей въ губерніи—2,28 %, евреевъ—13,73 %, поляковъ—9,04 %, великоруссовъ—4,72 %, бѣлоруссовъ—2,45 %. Въ сувальской—литовцы 52,24 въ губерніи и 9,21 въ городахъ, поляки—22,99 % въ губ. и 26,85 въ город., еврей—10,14 въ губ. и 40,01 въ город., бѣлоруссы—4,56 въ губерніи, 0,92 въ город., великорус. 4,20 въ губер. и 15,36 въ городахъ. Въ виленской губ. бѣлоруссовъ 56,05 %, литовцевъ—17,58 %, евреевъ—12,72 %, поляковъ—8,17 %, великоруссовъ—4,94 %. Литовцы въ виленской губерніи преимущественно живутъ въ деревняхъ (19,80 %) въ городахъ ихъ незначительный % (3,1 %). Въ гродненской губерніи: бѣлоруссовъ—43,97 %, малоруссовъ—22,43 %, евреевъ—17,37 %, поляковъ—10,08 %, великоруссовъ—4,62, нѣмцевъ—0,64 % литовцевъ—21 % и др. Въ дѣйствительности въ сѣверныхъ уѣздахъ гродненской губ. литовцевъ гораздо больше, но они говорятъ не на литовскомъ языкѣ.

Въ Литвѣ, какъ и въ другихъ областяхъ Россіи, замѣчается численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами. Для ковенской губ. этотъ перевѣсъ выражается въ такихъ статистическихъ данныхъ: на 1000 муж. приходится 1077 женщинъ (муж. 48,14 %, женщ. 51,86 %); въ уѣздахъ виленской губерніи (безъ городовъ) на 1000 муж. при-

ходится 1156 женщ. Въ гродненской губерніи количество мужчинъ и женщинъ приблизительно одинаково. Въ нѣкоторыхъ городахъ количество мужчинъ превышаетъ число женщинъ. Въ Ковнѣ напр. 667 женщинъ приходится на 1000 мужчинъ. Объясняется это тѣмъ, что города въ Литвѣ являются мѣстами стоянки войскъ.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе этихъ главныхъ литовскихъ губерній исчисляется такимъ образомъ:

	Ков. губ.	Сувалк. губ.	Вилен. губ.	Гродн. губ.
Православныхъ . . .	3,01%	5,67 <small>вместѣ съ старообр.</small>	26,09%	57,34%
Католиковъ	76,42%	76,54%	58,82%	24,11%
Протестантовъ . . .	4,51%	6,44%	5,9%	0,78%
Евреевъ	13,78%	10,16%	12,86%	17,49%
Магометанъ	0,13%	0,13%	0,28%	0,23%
Старообрядцевъ . . .	2,13%	—	1,62%	—
Прочія вѣроиспов. .	0,02%	0,02	—	0,05%

Только въ гродненской губерніи православные составляютъ подавляющее большинство. Въ ковенской и виленской губ. население преимущественно держится римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Климатъ Литвы въ общемъ очень капризенъ и приоровиться къ нему мѣстнымъ, напр., земледѣльцамъ стоитъ большого труда. Свинцовыя тучи быстро заволакиваютъ лазурное небо. Прекрасная погода здѣсь неожиданно и быстро смѣняется ненастьемъ, холода тепломъ... Мелководныя рѣчки вздуваются какъ въ половодье, становятся мутными и сильно бурлятъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Дороги покрываются грязью, расплзаются насыпи, канавы, расшатываются мосты. Иногда въ теченіе сутокъ произойдетъ нѣсколько рѣзкихъ переменъ. Въ общемъ климатъ Литвы слѣдуетъ признать умѣреннымъ. Близость къ морю значительно ослабляетъ суровость зимы. Но этому же сосѣдству Литва обязана значительными холодными сѣверо-восточными вѣтрами. Средняя температура года 6,17° R.

Литовскія рѣки вскрываются обыкновенно въ срединѣ марта, замерзаютъ въ первыхъ числахъ декабря.

По своему характеру страна представляетъ то холмистую, то равнинную мѣстность. Высокихъ горъ въ Литвѣ нѣтъ. Между холмами кое-гдѣ проглядываютъ озера съ сухими берегами. Равнины литовскія обыкновенно болотистыя,—на ихъ мѣстѣ когда-то были большія озера. Постепенная вырубка лѣсовъ повела за собою осушеніе болотъ и озеръ. Встрѣчаются торфяныя болота съ кое-гдѣ разбросанными по нимъ мелкими озерками, прудами, гдѣ много разной водяной птицы и рыбы—карасей и линей. Въ ковенской губерніи такихъ озеръ болѣе 700. Они составляютъ $\frac{1}{40}$ часть площади всей губерніи. Въ одномъ новоалександровскомъ уѣздѣ до 400 озеръ. Въ

виленской губерніи тоже около 400 озеръ; въ этой губерніи находится самое большое изъ озеръ—Нарочь—16 верстъ длины и 12 верстъ ширины. Жители считаютъ это озеро священнымъ. Старожилы помнятъ, что когда въ 1849 году, здѣсь былъ неурожай и голодъ, на озерѣ случались частыя бури. Нарочь такъ волновалась, что выбрасывалъ на берегъ массы мелкой рыбицы-уклейки.—Жители собирали ее и питались во все время голода. Это обстоятельство еще болѣе подняло священное значеніе озера въ воззрѣніяхъ народа. Въ дисненскомъ уѣздѣ, по берегамъ рѣки Дисненки, тянется болото пространствомъ въ 900 кв. верстъ, а около г. Вильны въ нынѣшнихъ рудзишскихъ лѣсахъ, сохранились еще остатки Рудницкой пущи, которая тянулась отъ г. Вильны вплоть до Нѣмана. Прежде водный уровень Балтійскаго моря стоялъ выше и воды на всемъ польско-литовскомъ побережьи Балтики разливались шире. Письменные памятники среднихъ вѣковъ упоминаютъ о судоходности нѣкоторыхъ литовскихъ рѣкъ, нынѣ вовсе не судоходныхъ, и о совершенно исчезнувшихъ рѣкахъ, не оставившихъ своихъ именъ даже мѣстнымъ урочищамъ, о необыкновенныхъ разливахъ рѣкъ отъ проливныхъ дождей, пагубно отзывавшихся на поляхъ земледѣльца. Въ виду такихъ почвенныхъ особенностей края, древніе литовскіе города, по картинному выраженію Киркора, представляли изъ себя подобіе острововъ, окруженныхъ непроходимыми тряпинами и болотами. Города эти, обыкновенно основывались или среди вереницы озеръ, соединенныхъ между собою непроходимыми тоями или среди такихъ забучихъ мѣстъ, которыя едва удерживали только тяжесть звѣриной лапы, да—легкой обуви пѣшаго литовца.

Царицей литовскихъ рѣкъ безспорно слѣдуетъ назвать Нѣманъ который, словно лентой, обвилъ старую Литву и представляетъ много живописныхъ уголковъ. Въ своихъ верховьяхъ онъ представляетъ бурливую рѣку... Въ среднемъ теченіи идетъ тише, а къ морю становится совершенно покойной рѣкой, доступной для судоходства.—Живописные уголки Нѣмана воспѣты многими литовскими и польскими писателями (Мицкевичъ, Сырокомля, Польш). Особенно поэтиченъ тотъ уголокъ въ ковенской губерніи, гдѣ двѣ красивыя литовскія рѣки Нѣманъ и Вилія «встрѣчаются и братски подають другъ другу руки». Каменные гряды на Нѣманѣ (чертовы мосты) издавна затрудняли судоходство по рѣкѣ. Изъ пороговъ на Нѣманѣ, являющихся дѣйствительно бичемъ для славянскихъ лѣса, замѣчательны Гогъ въ верхнемъ теченіи рѣки и Бичи, недалеко отъ м. Румишки. Гогъ и Бичи это своего рода Сцилла и Харибда для славянскихъ лѣса. Бѣлорусы-плисаки говорятъ: «Якъ выдзѣшь пѣлымъ съ Гога—хвали Господа Бога, а якъ прѣдзешъ Бичи,—гроши личи».

Вопросъ объ очисткѣ рѣки Нѣмана отъ «чертовыхъ мостовъ» давно занималъ какъ польское, такъ и русское правительство. Для этой цѣли въ концѣ XVIII в. выписывались изъ Англій водолазы.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтїя начались рѣшительныя работы по очисткѣ и выправленію русла Нѣмана отъ камней посредствомъ динамита. Работы продолжаются и до настоящаго времени.

Долины и берега Нѣмана ковенской губерніи плодородны. Замѣчено, что здѣсь подъ защитой горъ и холмовъ все скорѣе созрѣваетъ. Ковенская клубника чуть ли не первой является въ Петербургѣ. Огородныя овощи на нѣсколько недѣль поспѣваютъ раньше въ Ковнѣ, чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Виноградъ, плохо дозрѣвающий въ харьковской губерніи, хорошо дозрѣваетъ иногда въ ковенской.

Слѣдующая затѣмъ большая и красивая рѣка Литвы—р. Вилія (по литовски Niaris, Neris), съ красивыми гористыми берегами и прозрачной быстрой водой,—ея длина до 500. верстъ, ширина въ разныхъ мѣстахъ различна. Въ устьѣ, при впаденіи въ Нѣманъ ширина ея доходитъ до 30 сажень. Для судоходства она неудобна, потому что на ней множество пороговъ («биченять»), камней и мелей.—Глубина рѣки отъ 1½ до 12 фут. Судоходство по Виліи производится только на 40 верстъ отъ устья и то мелкими судами, поднимающими не болѣе 1000 пудовъ груза.

Въ отношеніи очистки Вилія была менѣе счастлива. Во время крымской кампаніи, когда порты наши были блокированы и когда нужно было доставлять экстренно большіе транспорты, на расчистку Виліи было обращено большое вниманіе. Для удобства сплава въ 1855 г. на Виліи было расчищено нѣсколько каменныхъ грядъ. Но литовцы отнеслись къ своему дѣлу по-казенному. Они взорвали, напр., большой камень «Корову», а многіе меньшіе камни, очень мѣшавшіе движенію, оставили. Крестьяне острили по этому поводу: «корову убили, а телятъ забыли».

Литовскій холмистый ландшафтъ имѣетъ особый колоритъ. Холмы не имѣютъ здѣсь рѣзкихъ очертаній и ласкаютъ взоръ мягкостью своихъ формъ. По всей почти Литвѣ тянутся эти лѣсистыя песчаные холмы, не достигающіе выше полутора саженей. Кроме того, по Литвѣ разсыпано много отдѣльных холмовъ то искусственныхъ, то круглыхъ, то правильной формы, называемыхъ «пилькалне» (замковая гора). Съ нѣкоторыми изъ «пилькалнѣ» народъ связываетъ много разныхъ преданій. Въ новоалександровскомъ уѣздѣ есть пилькална высотой въ сто пятнадцать саженей. Вся ковенская губернія покрыта сѣтью длинныхъ кургановъ, имѣющихъ видъ сѣдла и расположенныхъ часто у истока рѣкъ и ручьевъ. Имѣли-ли они стратегическое или обрядовое значеніе—до сихъ поръ пока еще не выяснено. Въ виленской губерніи находится много городищъ и болѣе 3000 кургановъ. На виленскій и трокескій уѣзды приходится по 500 кургановъ. Главныя группы кургановъ расположены по теченію р. Виліи и по близости ея. Особенно много курганныхъ группъ вокругъ Кернова (въ виленскомъ уѣздѣ), м.

Евье (трокекаго уѣзда), около Старыхъ и Новыхъ Трокъ, между жел. дор. станціей Кѣна и Лоша.—близъ м. Сморгони (ошмянскаго уѣзда); вокругъ м. Крева.—близъ границы минской губерніи у рѣки Березины, впадающей въ Нѣманъ; — близъ м. Прелай у рѣки Морганки, впадающей въ Нѣманъ (курганы здѣсь обложены камнями и называются въ народѣ «хрусты»);—въ Гедройцкой волости, находятся также большія группы кургановъ (въ одной группѣ до 60). При распаханіи полей на этихъ курганахъ, крестьяне находятъ лошадиные черепя съ удилами въ зубахъ, мѣдныя украшения отъ сбруи, копыя, стремена, серпы, уголья, мелкія кости отъ череповъ и золу. Изъ числа городищъ заслуживаютъ упоминанія городища, находящіеся въ м. Эйшишкахъ и Радуні (лидекаго уѣзда)—первое изъ нихъ имѣетъ въ окружности до 4000 кв. саж., второе поменьше. Въ томъ же уѣздѣ, на Шейбахъ-Полѣ, близъ имѣнія Костенево, городище давно уже обращено въ христіанское кладбище. Городища находятся также въ Красномъ (близъ Молодечно), вблизи м. Куренець и имѣнія Генелево, вблизи имѣнія Богданово, въ Рѣчахъ, вблизи деревни Коробъ (ошмянскаго уѣзда), въ Ольшанахъ или Гольшанахъ которое народъ называетъ Господнею славою, въ Монтуцишкахъ и въ Кревѣ.

«Пилькальны» всегда обращали на себя вниманіе археологовъ и ученыхъ историковъ¹⁾. Систематическихъ раскопокъ въ краѣ не было. Но производимыя въ разное время разными лицами вскрытія литовскихъ горъ и холмовъ дали много интереснаго. Такъ, въ подземельи Замковой горы въ Вильнѣ, былъ найденъ небольшой бронзовый идолъ, грубой работы, вышиною въ три дюйма (хранится въ Виленск. музеѣ), сходный съ бронзовымъ идоломъ, найденнымъ въ Ковнѣ при ломкѣ стѣны въ квартирѣ ксендза Фронцкевича. Идолъ представлялъ собою нагую женщину съ закрытыми глазами, букетомъ цвѣтвъ въ правой рукѣ и повязкой на животѣ. Въ Керновѣ, близъ Вильны, былъ найденъ тоже бронзовый идолъ, превосходной работы, вышиною въ 3 вершка. Гр. Е. Тышкевичъ, Нарбуттъ, Крашевскій и другіе археологи признали въ немъ Перкуна. Онъ изображенъ въ видѣ старика съ усами и бородой, въ сидячемъ положеніи, въ правой рукѣ онъ держитъ громовыя стрѣлы, въ лѣвой, сжатой, видно отверстие, въ которое, какъ полагаютъ, влагался каменный молотъ. Выраженіе лица у «Перкуна» грозное, сосредоточенное, величавое (хранится въ Виленск. музеѣ). Въ 1864 или 1865 г. генералъ Колодѣвъ нашелъ въ Нѣманѣ, недалеко отъ Ковны, каменный, грубой работы истуканъ Перкуна, и подарилъ его Киркору. Послѣдній доставилъ этотъ рѣдкій памятникъ въ Петербургъ, гдѣ

¹⁾ А. А. Спицынъ: «Предполагаемые литовскіе курганы». VIII—IX в. «Записки Имп. Рус. Ар. Общ.» т. VIII, вып. 1—2. 1896 г. Цѣнное научное пособіе для археологическаго изученія Литвы, представляютъ археологическія карты *О. В. Покровскаго*, на которыхъ обозначены пилькельни, курганы, находки предметовъ разныхъ періодовъ, стоянки доисторическаго чело-
вѣка, клады, монеты и др.

его продали съ аукціона неизвѣстно кому. Въ виленскомъ музеѣ хранится еще каменная нога большого истукана, найденная на Лукинскихъ въ Вильнѣ и подаренная музею докторомъ Ю. А. Тишусомъ. Въ Ландваровѣ близъ Вильны въ курганѣ была найдена бронзовая котлообразная урна, висѣвшая на желѣзныхъ цѣпяхъ въ нѣши, устроенной изъ изразцовъ, а при ней мечъ, копьѣ, стремя, удило и желѣзные шноры. Въ ошмянскомъ уѣздѣ, въ мѣстности называемой Городилово, въ группѣ кургановъ, Киркоромъ была произведена раскопка средняго кургана, отличавшагося величиною. Въ немъ онъ нашелъ урну съ пережженными костями, а надъ урной наружный обручъ, весьма искусной и отчетливой работы. Обручъ, по описанію Кирбеора, состоялъ изъ бронзовой дуги, покрытой серебряною пластинкою съ украшеніями въ серединѣ и при оконечностяхъ изъ серебра, съ круглыми углубленіями изъ золота. Возлѣ урны лежалъ желѣзный мечъ, вчетверо изогнутый и переженный и тутъ же нѣсколько копій, стремени, разныя кольца и другія части оружія и сбруи, спавшіяся въ одно и образовавшія одну массу желѣза.

VI.

Современный бытъ Литовцевъ.

Бытъ литовцевъ, несмотря на значительный фактической матеріалъ, собранный въ разныхъ мѣстахъ разными изслѣдователями, въ общемъ мало разработанъ и изученъ. До сихъ поръ литовцы ждутъ еще изслѣдователя, который, всесторонне изучивъ особенности ихъ жизни, дасть бы обстоятельное и подробное описаніе Литвы. Слабое научное знакомство съ литовцами тѣмъ болѣе обидно для русскихъ литовцевъ, что въ Пруссіи, гдѣ литовецъ считается всего лишь 106,230 человекъ (при переписи 1900 г.), научное изученіе быта литовцевъ сдѣлало значительные успѣхи. Для спеціальнаго изученія прусскихъ литовцевъ въ Пруссіи существуетъ «Литовское Литературное Общество» издающее „Mittheilungen“ «der litauischen literarischen Gesellschaft». Кроме того, въ Пруссіи издается особый журналъ «Altpreuussische Monatsschrift», посвященный археологій прусской Литвы, печатаются особые нѣмецко-литовскіе пѣсенники, издаются литовскія газеты и др. ¹⁾

Попробуемъ бросить общій очеркъ на бытъ русскихъ литовцевъ.

Литовцы не любятъ жить въ городахъ. Въ этомъ отношеніи они остаются вѣрны своему историческому типу. Врожденное стремленіе къ обособленію, основанное на очень развитомъ чувствѣ собственного достоинства и нѣкоторомъ сознаніи индивидуальных

¹⁾ Въ русской литературѣ о прусскихъ литовцахъ нѣтъ ни одного изслѣдованія. Незислѣдованы также племена—«Голядь», «Ятвяги».

силъ, всегда влекло и влечетъ ихъ къ сельской жизни. Села литовцевъ не велики и кажутся издали красивыми и зажиточными. Хорошія и богатія хаты первыя бросаются въ глаза наблюдателю и закрываютъ собою дрянныя и убогія лачужки, разбѣяныя по окраинамъ. Литовскія села и деревни вообще имѣютъ болѣе жизнерадостный видъ, чѣмъ бѣлорусскія, поражающія своею неуютностью, бѣдностью, неприглядностью. Бѣлоруссу почти чужды соображенія эстетики въ расположеніи села. Литовець заботится, чтобы его село было красиво. Онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы его село производило на путешественника не только впечатлѣніе достатка, но и красоты. Бѣлорусецъ, обладающій средствами, постарается ихъ скрыть. Имѣя достаточно денегъ, онъ иногда живетъ почти какъ нищій. Литовець не пречъ показать себя съ лучшей стороны. Многіе литовцы, меньшаго матеріальнаго достатка, не желаютъ отставать отъ достаточныхъ и стараются устроить свой угольъ возможно удобнѣе.

Литовская изба стоитъ болѣею частью къ улицѣ задомъ. Крыльцо ея выходитъ во дворъ. Сзади избы съ улицы разведенъ садикъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями.—Садикъ отдѣленъ отъ улицы изгородью въ видѣ частокола или рѣшетки. Въ садикѣ растутъ цвѣты—шалфей, мальвы, настурція, гвоздика и др. Особенно любима литовцами рута. Про нее литовцы говорятъ, что она выросла изъ капелъ крови Христовой. Когда Христосъ шелъ на смерть на Голгофу, согнувшисьъ подъ тяжестью креста, то оставялъ по дорогѣ слѣды пота и крови. Гдѣ упала капля крови Господней, тамъ выросла въ густикъ руты, и вѣтки его покрывались слезами, оттого то листочекъ руты похожъ на падающую слезу. Сказаніе—общее съ малороссійскимъ и бѣлорусскимъ.

Около литовской избы обыкновенно ставятъ нѣсколько простыхъ колодъ съ ичелами. Встрѣчаются уже, впрочемъ, и улы новаго образца въ видѣ домиковъ. Во дворикѣ, противъ хаты стоитъ «свиرونъ», то-есть амбаръ,—небольшое строеніе съ навѣсомъ.—Вмѣсто фундамента у него по угламъ четыре колоды. Подъ амбаромъ—обширное пустое мѣсто, пристанище собакъ, куръ и разной домашней птицы. Гумно болѣею частью стоитъ по другой сторонѣ дороги, на огородахъ, подалѣе отъ жилыхъ помѣщеній.

Всѣ постройки крыты болѣею частью соломою подъ лопату, гладко. Мѣстами кроютъ тесомъ. Ближе къ прусской границѣ и Буриядин на крышахъ встрѣчается черепица и даже желѣзо. Окна небольшія, въ 6 или 4 маленькихъ стеколъ. На окнахъ, выходящихъ на улицу, висятъ ставни, раскрашенныя густой синей или зеленой краской.

У бѣдныхъ литовцевъ печи глиняныя, построенныя на деревянныхъ рамахъ. У богатыхъ—отъ печи черезъ всю избу выведена кирпичная стѣна. Въ нее проведены дымовыя трубы, вслѣдствіе чего изба лучше согрѣвается. По другой сторонѣ стѣны—небольшая

комната безъ печи. Она обыкновенно служитъ кладовой. Полъ въ избахъ обыкновенно глиняный, но не рѣдкость и деревянный.

Одѣваются литовцы непритязательно. На бѣлые тулупы, распространяющіе острую вонь свѣждубленной кожи, они надѣваютъ обыкновенно новыя сѣрыя сермяги, обшитыя черной или зеленой тесемкой, безъ разрѣза сзади. Шаровары—шерстяныя изъ ткани домашней работы, крашенныя въ поперечныя красныя, зеленыя и черныя полосы. Рубашки бѣлыя, довольно тонкаго полотна, вышущенныя поверхъ шароваръ, подпоясанныя узорчатымъ кушакомъ. У каждаго почти литовца на шеѣ четки съ мѣднымъ крестикомъ и такими же медальончиками съ изображеніями святыхъ.—Кромѣ того, они носятъ еще на черномъ шнуркѣ «шканлеръ», то-есть два кушочка чернаго сукна съ вышитыми на нихъ шелкомъ и мелкимъ бисеромъ именами Іисуса и Маріи. На головахъ фуражки черныя суконныя или шапки изъ поддѣльныхъ барашковъ. Женщины носятъ сѣрыя шерстяныя кафтаны или тулупы. Поверхъ тулупа надѣваютъ бѣлыя узорчатые убрусы (въ родѣ скатертей). Головы закутываютъ въ большой, теплый, шерстяной платокъ. На шеѣ у пожилыхъ женщинъ обязательно четки и шканлеръ.

Всѣ домашнія и хозяйственныя усовершенствованія, замѣна домашнихъ издѣлій фабричными—проникаетъ въ Литву съ запада—изъ Пруссіи и Курляндіи. Западный литовецъ во многомъ различается отъ литовцевъ, живущихъ въ соосѣдствѣ съ бѣлоруссами. Сермяга западнаго литовца сшита лучше. Рубашку онъ не вышущаетъ наверхъ. вмѣсто шапки у него иногда поярковая шляпа. Изба его чище, выбѣлена изнутри и снаружи. Полы деревянные. Скотъ въ избу уже не допускается. Въ саду у него груши и яблоки лучшихъ сортовъ, и виденъ умѣлый уходъ за ними. Въ Литвѣ теперь не рѣдкость даже въ избахъ англійскія печи съ плитами. Бѣдные крестьяне не знаютъ, конечно, никакихъ усовершенствованій. Въ бѣдной избѣ даже кирпичная печь считается роскошью. Курныхъ избъ еще довольно на Литвѣ, преимущественно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и у такъ называемыхъ «огородниковъ».

Санитарная обстановка литовскихъ мѣстечекъ и городовъ, гдѣ преимущественно живутъ евреи, очень неприглядна. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ скученность населенія доходитъ до предѣловъ абсолютной невозможности болѣе тѣсно сблизиться. Изъ болѣзней въ литовскихъ губерніяхъ особенно распространены легочныя и болѣзни дыхательныхъ органовъ (15-20%). Относительно ковенской губерніи замѣчено, что воспаленіе легкихъ, бугорчатка, скарлатина, дифтеритъ даютъ здѣсь отъ 1,5 до 2,7% общаго числа болѣзней. Болѣзни пищеварительныхъ органовъ зарегистрированы въ количествѣ 14,4%.

Изъ физическихъ недостатковъ, распространенныхъ въ Литвѣ, главное мѣсто слѣдуетъ отвести глухотѣ и слѣпотѣ. Первая рас-

пространена особенно въ гродненской губерніи (36,1% по отноше-
нію къ большимъ), вторая въ ковенской (по переписи 1897 г., 1154
слѣпыхъ мужчинъ и 1631 женщинъ, на 1000 человекъ 180 слѣ-
пыхъ.) Въ этой же губерніи значительное количество умалишенныхъ
—1,556 чел. обоого пола, въ сувалкской губерніи умалишенные со-
ставляютъ 8,5 на 10,000 жителей (обоого пола). Въ виленской губ.
слѣпыхъ обоого пола 2,550 (41,4%), глухонемыхъ 1,683 (27,3%),
умалишенныхъ 1,474 (23,9%). Большинство лицъ съ физическими
недостатками въ виленской губерніи оказалось въ уѣздахъ—87,29%,
и только 12,71% въ городахъ.

Литовскія губерніи преимущественно аграрныя. Населеніе глав-
нымъ образомъ занимается сельскимъ хозяйствомъ. Въ ковенской
губерніи 68% всего населенія живетъ исключительно земледѣіемъ,
въ сувалкской болѣе половины населенія занимается земледѣіемъ,
но питается отъ него около 70%, въ виленской—хлѣбопашествомъ
73,28%, въ гродненской къ земледѣльческому классу принадлежитъ
358,985 муш. и 530,866 женщинъ. Количество собственно литовцевъ
занимающихся земледѣіемъ въ указанныхъ губерніяхъ, опредѣляется
слѣдующими статистическими данными. Въ ковенской губ.—литов-
цевъ специально земледѣльцевъ—67,024 м., 27,829 ж., (членовъ се-
мей 171,125 м., 222,505 ж.), жмудиновъ—67,576 м., 34,024 ж.
(член. семей—106,328 м., 156,006 ж.), латышей—5937 м., 1806 ж.
(член. семей 6682 м., 11,870 ж.). Въ сувалкской губерніи специа-
льно—земледѣльцевъ, литовцевъ и латышей 51,326 м., 18,358 ж. (член.
семей 70,765 м., 116,100 ж.). Въ виленской—43,906 м., 6816 ж.
(член. семей 81,789 м., 123,072 ж.).

Любимая хозяйственная система—трехпольная, которую литов-
цы всячески стремятся улучшить. Ближе къ границѣ и за Неманомъ
у крестьянъ, живущихъ «колоніями», встрѣчается плодосѣвъ. Но
вообще литовцы считаютъ трехпольное хозяйство для себя самымъ
выгоднымъ и утверждаютъ, что образцовыя плодосѣвныя хозяйства
только дорогая забава. Литовцы особенно много сѣютъ льна, не толь-
ко для себя, но и на вывозъ, не обращая вниманія на то, что ленъ
сильно истощаетъ почву.

Владѣніе земель на Литвѣ почти повсемѣстно подворное. Об-
щинное владѣніе и пользованіе землей совсѣмъ неизвѣстны. Каждый
литовець и жмудинъ стремится обособиться, выдѣлиться какъ мож-
но скорѣе и отгородить свою хотя бы маленькую собственность. Ес-
ли и складываются между литовцами товарищества для покупки зем-
ли, лѣсу, то такія товарищества очень недолговѣчны и обыкновенно
кончаются несогласіями участниковъ.

Чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше обработка земли и по-
левья орудія лучше. Сельскохозяйственные орудія литовцевъ хотя вы-
ше бѣлорусскихъ, но въ общемъ очень непритязательны. Обыкно-
венная жмудская соха болѣе похожа на курляндскую, чѣмъ русская.

Сошники, которые у нея замѣняютъ ножъ и отвалъ плуга, довольно широки, остры, наклонны другъ къ другу и образуютъ родъ жолоба. Ею можно поднять землю отъ полутора до трехъ вершковъ. По рѣкѣ Невяжѣ, гдѣ земля плотнѣе, плаха дѣлается шире, съ однимъ сошникомъ. Въ этой же мѣстности послѣ боронованія употребляютъ зубчатые или бороздчатые валы, которыми прокатываютъ поле, уравнивая и размельчая землю. Бороны бываютъ обыкновенно плетенныя, легкія. Въ Жмуди, гдѣ сельское хозяйство примитивнѣе, бороны—изъ деревянныхъ брусковъ съ деревянными же зубьями, а ближе къ границѣ—съ желѣзными. Нередко встрѣтить можно у литовцевъ и дешевые плужки. Въ виленской губерніи земледѣлю очень вредятъ камни. Пми усаѣны огородныя площади. Въ иныхъ мѣстахъ камень на камнѣ лежитъ. Земледѣльцу приходится сохой только ковырять между ними. На нныхъ межахъ чуть ли не заборы изъ камней складываютъ. Но все напрасно. Изъ земли выходятъ новые камни. Продавать ихъ некому. Въ городѣ, правда, за сажень полевого камня платятъ по 5 р., но доставка камня чего стоитъ. Въ ковенской губерніи камня нѣтъ. Тамъ больше глинистая почва, твердая, тяжелая.

Поле подъ яровое пахутъ въ Литвѣ два раза, а подъ озимое—три: весной, подъ конецъ июня и въ августѣ. Навозъ очень цѣнится. Кладутъ его около 60 возовъ на моргъ (полъ десятины). Особенно много удобренія требуетъ ковенская губернія, значительныя площади которой представляютъ суглинокъ или супесокъ. Урожай становится все хуже вслѣдствіе истощенія почвы. Рожь обыкновенно родится самъ 5-6, а картофель самъ 4-5. Землю приходится унавоживать искусственными навозами, и теперь въ каждомъ мѣстечкѣ продаются для этого суперфосфатъ, фосфоритная мука, томасовы шлаки, фосфорно-кислая известь. Менѣе употребительна костяная мука. Въ одну ковенскую губернію доставлено для земли удобрительныхъ веществъ и туковъ въ теченіе 1903 г. по либаво-роменской желѣзной дорогѣ 950,117 пудовъ.

Малоземелье въ настоящее время даетъ сильно себя чувствовать въ Литвѣ. Масса крестьянъ остается уже безъ сельскаго полевого хозяйства. Такихъ крестьянъ называютъ «огородниками». Они владѣютъ не больше одной десятины земли, а иные и $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ десятины. Эта земля идетъ обыкновенно подъ огородъ. Огородничество—экономическое слѣдствіе постоянныхъ дѣлшей бѣвшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ скудные надѣлы. ¹⁾ Многие огородники совсѣмъ лишаются земли и дѣлаются безземельными батраками. Въ ковенской губерніи, самой богатой изъ трехъ литовскихъ губерній, въ 1886 году было 30,700 крестьянскихъ семей, владѣющихъ отъ 1

¹⁾ Специально огородничествомъ занимаются, между прочимъ, въ виленской губерніи трокскіе караимы. Огурцы изъ Трогъ приобрѣли извѣстность во всемъ сѣверо-западномъ краѣ.

ко 7 морговъ ¹⁾), 10,500-менѣе 1 морга и чуть ли не 15,000 совѣтъ безземельныхъ. При отсутствіи вѣрныхъ заработковъ и при невозможности поддерживать хозяйство, мелкіе хозяева продаютъ свою землю и становятся безземельными батраками. Земля скопляется въ рукахъ богатыхъ. Зажиточные литовцы стремятся къ приобретению земли покупкою. Въ одной ковенской губерніи въ 1903 г. по купчимъ крѣпостямъ литовцами приобретено 110 участковъ земли въ 305,374 дес.

Заслуживаетъ вниманія фактъ значительнаго количества литовцевъ, живущихъ специально съ капиталовъ, недвижимаго имущества, на средства родителей и родственниковъ. Въ ковенской губерніи такихъ 698 м. 682 ж. (чл. сем. 647 м. 1100 ж.), жмудинь—1130 м., 819 ж. (чл. сем. 691 м., 1254 ж.), латышей 73 м., 71 ж. (чл. сем. 34 м., 99 ж.). Въ сувалкской губерніи 811 м., 280 ж. (чл. сем. 432 м., 957 ж.). Въ виленской губерніи 171 м., 156 ж. (чл. сем. 134 м., 213 ж.)

Несмотря на опустошительную вырубку, лѣсовъ все-таки еще достаточно на Литвѣ. Не найдете такой мѣстности, гдѣ бы края неба, по крайней мѣрѣ съ одной или двухъ сторонъ, не закрывались лѣсомъ. Значительные лѣса сохраняются въ казенныхъ земляхъ, а также въ крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Особенно рослые и большіе лѣса въ сѣверной Литвѣ. Здѣсь ведется лѣсное хозяйство на болѣе рациональныхъ началахъ. Жмудскіе лѣса считаются лучшими по качеству. Въ большомъ количествѣ они идутъ за границу.

Растительность Литвы очень разнообразна. На ея пространствѣ можно встрѣтить всѣ породы деревьевъ отъ развѣсистой сѣверной ели и сосны до стройнаго бука и твердаго граба.

Въ частности, здѣсь встрѣчаются: черная липа, туя, полосатый пенсильванскій кленъ, грецкій орѣхъ, каштанъ, тисъ, тополи (итальянскіе и серебристые), бѣлая акація, тутовое или шелковичное дерево. Дубовыя роши, въ которыхъ язычники-литовцы справляли свои богослуженія, теперь уже рѣдко гдѣ попадаются. Дубъ—цѣнное дерево, лакомый кусокъ для лѣсныхъ хищниковъ. Какъ велики бывають въ Литвѣ дубы,—можетъ служить примѣромъ старый дубъ, по названію Баублиесъ, свалившійся въ росіенскомъ уѣздѣ въ началѣ XIX столѣтія. Онъ имѣлъ въ окружности 17 аршинъ 9 вершковъ и жилъ, судя по числу слоевъ, около тысячи лѣтъ. Другія лиственные деревья—кленъ, ясень, вязъ, каштанъ—встрѣчаются только въ садахъ. Липой особенно изобилуетъ Бѣловѣжская пуша.

Лѣснымъ промысломъ въ ковенской губерніи занимаются 800 м. и 17 ж. (изъ нихъ член. семей 550 м. и 1019 ж.), въ сувалкской 567 муж. и 6 жен. (чл. семей 425 м., 885 ж.), въ виленской губ.—всѣхъ вообще лѣсоводовъ: 1414 м. 26 ж.) (чл. семей 1104 м. и

¹⁾ Моргъ литовскій—поль десятины.

2035 ж.). Специально литовцевъ лѣсопромышленниковъ въ ковенской губ. 176 м. 10 ж. (чл. сем. 139 м. 258 ж.), жмудишь 292 м. (чл. семьи 154 м. 233 ж.), латышей 43 м. 1 ж. (чл. сем. 23 м. 74 ж.); въ сувалкской губ. литовцевъ и латышей — 234 м и 3 ж. (член. сем. 152 м. 338 ж.); въ виленской губ., 113 м. (чл. сем. 62 м. 107 ж.) Въ виду постепеннаго вздорожанія лѣснаго топлива и строительныхъ матеріаловъ, лѣсное хозяйство въ Литвѣ приобретаетъ болѣе рациональный характеръ. Вездѣ заводится болѣе или менѣе правильный оборотъ рубки и разработка лѣсныхъ матеріаловъ на мѣстѣ. Хищническая эксплуатація касается главнымъ образомъ частновладельческихъ дачъ, которыя очень рѣдкуютъ, особенно при спекулятивныхъ сдѣлкахъ по покупкѣ и перепродажѣ имѣній.

Еще недавно въ гродненской губерніи было пять большихъ пушчъ, изъ которыхъ теперь уцѣлѣла одна—Бѣловѣжская. Въ ней водятся еще дикій зубръ или туръ. Зубръ—большое животное, въ родѣ быка бугаго цвѣта, съ бородой и гривой. Туша его вѣситъ отъ 35 до 40 пудовъ. Раньше зубръ водился повсюду въ литовскихъ лѣсахъ. Теперь эта порода вымираетъ. Въ 1860 году въ Бѣловѣжской пушчѣ зубровъ считалось 1700 штукъ; теперь же не больше 600. Убивать ихъ строго воспрещается. Они охраняются для царской охоты. Въ литовскихъ лѣсахъ много волковъ,—на нихъ время отъ времени устраиваются, по распоряженію властей, облавы, чернобурыхъ и бурорыжихъ медвѣдей, кабановъ, лосей, зайцевъ. Сравнительно рѣже встрѣчаются и то въ большихъ лѣсахъ — росомаха, кунница, рысь.

Пастбища въ Литвѣ все уменьшаются. Они приспособляются подъ пахатную землю, соотвѣтственно этому и число скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ и навоза становится меньше. Въ ковенской губерніи животноводствомъ занимается 9,633 м. 6180 ж. (при нихъ членовъ семей 1651 м. 2615 ж.). Специально литовцевъ, занимающихся скотоводствомъ—5029 м., 3080 ж. (чл. семей 530 м., 1178 ж.) жмудиновъ—3102 м., 2650 ж. (чл. семей 628 м. 919 ж.), латышей—146 м., 87 ж. (чл. семей—110 м. 56 ж.). Въ сувалкской губ. животноводствомъ вообще занимаются 6427 м. 2622 ж. (член. семей 635 м., 1142 ж.), въ томъ числѣ литовцевъ и латышей—4982 м., 2298 ж. (при нихъ чл. семей 437 м., 910 ж.). Въ виленской губерніи всѣхъ вообще занимающихся животноводствомъ 8374 м., 2379 ж. (при нихъ чл. семей 1454 м., 2360 ж.); специально литовцевъ-животноводовъ 2104 м., 808 ж. (член. семей 215 м., 460 ж.). Какъ вполне самостоятельный промыселъ, скотоводство встрѣчается въ Литвѣ лишь въ крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Литовцы разводятъ лошадей разныхъ породъ (въ томъ числѣ даже скаковыхъ), рогатый скотъ, овецъ (простыхъ и тонкорунныхъ мериносовъ), козъ, свиней и въ видѣ исключенія—даже ословъ. (Въ 1902 году скота въ виленской губерніи напр. числилось 1,980,715 головъ, въ томъ числѣ крупнаго—913,664). Съ упадкомъ зерноваго хозяйства, скотоводство въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ виленской и ковенской губер. замѣтно прогрессируетъ въ смыслѣ улучшенія породы крупнаго рогатаго скота и способа эксплуатація молочныхъ продуктовъ.—чему много содѣйствуютъ мѣстные выставки (въ Поневѣжѣ, Ригѣ). Въ ковенской губерніи есть въ настоящее время интеллигентные сельскіе хозяева, ведущіе сельское хозяйство, образцово, со всѣми усовершенствованіями. Многіе сельскохозяйственные продукты идутъ теперь далеко за предѣлы Литвы—въ Англію, Данію (чрезъ Рижскій и Либавскій порты).

Разведеніемъ специально фруктовыхъ садовъ литовцы не занимаются. Значительные фруктовые сады, доходящіе иногда до 12—15 десят., встрѣчаются лишь у помѣщиковъ. Литовецъ—крестьянинъ довольствуется нѣсколькими фруктовыми деревьями для домашняго обихода. Фрукты, по его представленію,—хозяйственная роскошь, которая не всегда окунаетъ вложенный въ нее трудъ. Несмотря на неразвитость этого промысла, фрукты литовскіе расходятся—въ Петербургѣ, Либавѣ, Ригѣ, Вильнѣ. Въ иной урожайный годъ изъ одной ковенской губ. вывозится на полмилліона фруктовъ и ягодъ. Вообще этому промыслу недостаетъ умѣлой организаціи. При сознаніи и давно уже испытанной убыточности или ничтожествѣ выгодъ зерноваго хозяйства, обращеніе части земельныхъ угодій подъ садоводство могло бы дать значительное подспорье для жизненныхъ ресурсовъ литовца.

Пчеловодство было нѣкогда важнымъ промысломъ въ экономической жизни древнихъ литовцевъ. Главный продуктъ этого промысла—медъ составлялъ одну изъ статей торговли, онъ же служилъ средствомъ для уплаты податей и долгое время былъ единственнымъ нажиткомъ для населенія. Но въ настоящее время занятіе пчеловодствомъ не составляетъ уже самостоятельнаго промысла. Специальныхъ пчеловодовъ очень мало въ литовскихъ губ.: въ ковенской губ. пчеловодствомъ занимаются 24 м. 27 ж., въ томъ числѣ литовцевъ 8 м. и 4 ж.), въ сувальской 2 м. и 8 ж. (въ томъ числѣ литовцевъ 2 м. и 1 ж.), въ виленской—16 м. и 30 ж. (въ томъ числѣ 6 литовцевъ) Если принять во вниманіе, что въ эти статистич. данныя внесены и занимающіеся шелководствомъ, то можно сказать, что пчеловодство, какъ самостоятельный промыселъ совершенно палъ въ современной Литвѣ.

Но, утративъ значеніе самостоятельнаго промысла, пчеловодство въ Литвѣ стало выгоднымъ подспорьемъ сельскаго хозяйства и рѣдкій хозяинъ крестьянинъ на Литвѣ и на Жмуди не мечтаетъ какъ бы имѣть побольше ульевъ въ саду. Крестьяне вѣрятъ, что кому въ пчелахъ удача, тотъ можетъ надѣяться, что и все хозяйство пойдетъ хорошо. По народному повѣрью, пчела приноситъ счастье въ домъ. Жмудины называютъ пчелу «Божьей работницей». Покупать пчелъ считается предосудительнымъ. Крестьяне неохотно прода-

ютъ ульи съ пчелами. Они думаютъ, что чрезъ продажу пчелы выведутся. Ульи, пустыя колоды, литовцы любятъ ставить на чье либо счастье. Когда рой поселится въ такомъ подставномъ ульѣ, хозяиномъ его считается тотъ, кто поставилъ колоду, и тотъ, на чье счастье она поставлена. Оба хозяина роя называются «бичулесь» и составляютъ въ родѣ какъ бы артель. Крестьяне вѣрятъ, что рой удастся только тогда, если его хозяевамъ никто не завидуетъ и не желаетъ зла. Поэтому хозяинъ улья долженъ надѣлать подарками всѣхъ, кто помогалъ загонять рой или снимать улей съ дерева. Обыкновенно человекъ, нашедшій чужой рой, долженъ отыскать его хозяина и пригласить его въ товарищи. Товарищъ отъ времени до времени приходитъ посмотрѣть своихъ пчелъ, но требовать своей половины меду считается неприличнымъ. Хозяинъ самъ раздѣлитъ по совѣсти и самъ ему привезетъ. Тогда нужно принять его какъ гостя, угостить и за медъ поблагодарить. Эти старинные обычаи крѣпко сохраняются еще въ Литвѣ и Жмуди.

Литовцы охотно занимаютъ рыбной ловлей. Многие изъ крестьянъ только и живутъ этимъ промысломъ. Обыкновенно они арендуютъ озера и берега рѣкъ или нанимаются въ работники къ крупнымъ арендаторамъ, преимущественно къ евреямъ. Рыбаки никогда не соединяются въ артели. Каждый промысляетъ на свой рискъ: навяжетъ зимою сѣтей, выдолбитъ себѣ изъ толстаго пня лодку, нанимаетъ у помѣщика или волости озерко и промысляетъ. Большія озера, которыя не подъ силу одному рыбаку, арендуются обыкновенно евреямъ-купцомъ, а тотъ уже отъ себя нанимаетъ рабочихъ, платитъ мелкой рыбой и водкой, рѣдко деньгами, а уловъ беретъ себѣ. Иногда такой арендаторъ сдаетъ берегъ по частямъ отдѣльнымъ рыбакамъ. Въ ковенской губерніи рыболовствомъ и охотой занимается 372 м. 8 ж. (чл. семей 399 м. и 749 ж.), въ сувальской 211 м. (член. сем. 240 м. и 406 ж.), въ виленской 351 м. 8 ж. (член. сем. 390 муш. и 627 женщ.). Специально литовцевъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ и охотой въ ковенск. губ. — 47 м. 5 ж. (чл. сем. 40 м. 90 ж.), жмудинъ — 55 м. (чл. сем. 38 м., 121 ж.), латышей 5 м. (чл. сем. 7 женщ.); въ сувальской губ. 50 м. (чл. сем. 49 м. 87 ж.); въ виленской губ. 13 литовцевъ (чл. сем. 10 м. 27 ж.)

Способы улова рыбы довольно примитивны. Литовецъ не знаетъ никакихъ усовершенствованій въ этомъ промыслѣ. Онъ ловитъ рыбу неводомъ, вершой, удой на «яцицу» и больше заботится объ истребленіи рыбы, чѣмъ о ея разведеніи. Яцицы—особые мотыльки, употребляемые рыбаками для заманиванія рыбы. Въ полѣ цѣлыя тучи этихъ бѣлыхъ какъ снѣгъ наськомыхъ кишатъ надъ водой, покрываютъ прибрежныя кусты, массами падаютъ въ воду или взлетаютъ на воздухъ. Рыбаки пользуются этимъ временемъ и ночью при яркихъ кострахъ, на лодкахъ ловятъ ихъ. Иной рыбакъ набираетъ мотыльковъ пудъ и больше, взваливаетъ добычу на плечи и, унося

трупы насакомыхъ въ волосахъ, на шапкѣ, на платкѣ, возвращается домой. Мотыльковъ этихъ потомъ сушатъ и, смѣшавъ съ глиной, дѣлають изъ нихъ шарики, которые бросаютъ въ рѣку въ томъ мѣстѣ, куда хотять привлечь рыбу.

Литовскія рѣки и озера въ старыя времена славились своею рыбою. Въ послѣднее время рыба вылавливалась самымъ хищническимъ образомъ и количество ея значительно поубавилось. Рыбный промыселъ находится въ полномъ упадкѣ. На это обстоятельство обращено особое вниманіе правительства, которое снарядило, лѣтомъ 1894 года особую экспедицію для обследованія рѣкъ и озеръ Литвы. О сохраненіи и умноженіи количества рыбы заботится также виленское общество рыболовства.

Въ литовскихъ рѣкахъ и озерахъ вылавливаются слѣдующія породы рыбъ: окунь, щука, лещъ, судакъ, карась, карпъ, ершъ, плотва, укля, язъ и сѣтки, лосось (въ видѣ исключенія), осетръ,—также въ видѣ рѣдкаго исключенія, въ Пѣманѣ,—селява въ Троцкомъ озерѣ, въ Вилии и Пѣманѣ. Вылавливаемая рыба потребляется мѣстными жителями, лучшая часть ея отправляется за предѣлы губерніи и даже за границу. Особенно много вывозится раковъ, которые считаются теперь дорогимъ блюдомъ заграничей.

Земляными богатствами Литва похвастаться не можетъ. По всей Литвѣ находятъ много въ землѣ каменной извести, идущей въ строительное дѣло. Встрѣчается довольно и торфа, но его стали разрабатывать только въ послѣднее время. Лучшіе сорта торфа идутъ на топливо. Для топки торфа идетъ вдвое больше, чѣмъ угля, и немного меньше, чѣмъ сухихъ дровъ. Худшіе сорта торфа идутъ на подстилку для скота и на удобреніе полей.

Желѣзо на Литвѣ встрѣчается часто въ болотной рудѣ, но въ маломъ количествѣ. Добывать его совсѣмъ не выгодно. Денегъ на добываніе тратится много, а желѣза получается малость. Впрочемъ, въ Ошмянскомъ уѣздѣ есть руда, богатая желѣзомъ, и раньше тамъ были два плавильные завода. Чтобы дешево добывать желѣзо, нужно дешевое топливо—каменный уголь, а его то нѣтъ на Литвѣ. Хотя въ Лидскомъ уѣздѣ находится лигнитъ, худшій сортъ каменнаго угля, но этотъ продуктъ здѣсь еще совершенно не разработанъ.

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, добываніемъ желѣзной руды въ ковенской г. занимается вообще 69 м. 5 ж. (чл. сем. 87 м. и 130 женщ.), въ сувальской—41 м. 2 ж. (член. сем. 33 муц. 61 женщ.), въ виленской—добыча руды производится въ большемъ количествѣ. Этотъ промысломъ занимается 107 м. 2 ж. (член. сем. 108 муц. и 229 женщ.)

Вообще, на Литвѣ нѣтъ большихъ фабрикъ и заводовъ, только въ одномъ Бѣлостоцкѣ, гродненской губ. есть десятокъ большихъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ. Фабричныя издѣлія литовцы полу-

чаютъ изъ Москвы, Петербурга, Варшавы, Лодзи, посылая туда свой хлѣбъ, ленъ, пеньку и прочее.

Песокъ ковенской губ. благопріятствуетъ для выдѣлки стекла. Есть также хорошая гончарная глина. Поэтому въ ковенской губ. много кирпичныхъ, гончарныхъ, изразцовыхъ и стекловаренныхъ заводовъ.

Главнымъ предметомъ торговли въ литовскихъ губерніяхъ являются зерновые продукты, скотъ, ткани, мѣха и разные предметы домашняго обихода. Вывозную статью торговли составляютъ главнымъ образомъ: лѣсной товаръ, хлѣбъ въ зернѣ, ленъ, сѣмя льняное, птица домашняя, яйца, лошади, свиньи, фрукты, смола древесная, камень простой, тряпье. Предметами привоза служатъ: рыба (особенно сельди), удобрительныя вещества, хлѣбъ въ зернѣ, уголь каменный и коксъ, металлы, сельскохозяйственныя машины и предметы роскоши. Но замѣчательно, что торговлей вообще литовцы занимаются неохотно. Въ ковенской губерніи торговлей зерновыми продуктами занимаются только четыре литвинки (мушину нѣтъ), жмудинъ 9 м., 7 ж., латышей 3, въ сувальской губ.,—20 м., въ виленской—ни одного. Торговлею скотомъ въ ковенской губ. занимается всего 65 литовцевъ, въ сувальской четыре литовца, въ виленской—четыре мушину и 2 женщины. Торговлю этими статьями литовцы уступаютъ полякамъ и великоруссамъ. Больше развита среди литовцевъ торговля мелкими хозяйственными продуктами. Въ сувальской губерніи продажею этихъ продуктовъ специально занималось 1,009 муж. и 141 женщ. (при нихъ член. сем. 1415 муж., 2416 жн.) въ ковенской губ. 5842 муж. и 1875 жен. (при нихъ член. сем.—7728. муш. и 14,128 женщ.); въ виленской губ.,—4285 муш. и 1505 женщ. (при нихъ член. сем. 5519 м. и 9905 ж.).

Очень развито въ Литвѣ питейное дѣло. Имъ въ ковенской губ. занималось 1174 муш. и 216 женщ. (при нихъ член. сем.—1477 муш. и 2695 женщ.), въ сувальской—491 м. и 97 ж. (при нихъ 699 м., 1297 ж.), въ виленской губ.—1867 муш., 2319 женщ. (при нихъ член. сем.—1362 муш., 2500 женщ.).

Ремесленная жизнь въ Литвѣ въ общемъ стоитъ на низкой ступени, вслѣдствіе отсутствія въ краѣ соответствующихъ профессиональныхъ школъ, а также вслѣдствіе близости такихъ крупныхъ центровъ съ ремесленнымъ производствомъ, какъ Рига, Варшава, Лодзь, Петербургъ.

Въ городахъ процвѣтаетъ мелкій ремесленный трудъ, особенно столярное и сапожное мастерства. Литовскіе мѣщане почти поголовно ремесленники. Въ своемъ быту они во многомъ разнятся отъ крестьянъ. Только религія связываетъ ихъ съ крестьянами. Литовскаго языка они не понимаютъ, всѣ говорятъ по польски, поютъ польскія пѣсни. Вообще мѣщане гораздо больше, чѣмъ крестьяне сохранили на себѣ слѣды польскаго владычества, подъ которымъ столяр-

во лѣтъ находилась Литва. Для удобства ремесленной работы они организуются въ цехи. Каждое мастерство имѣеть своего выборнаго старосту, свою кассу, расходы и празднуетъ свой цеховой праздникъ.

Изъ ремесль въ Литвѣ наиболѣе распространена обработка дѣрева. Въ ковенской губ. литовцевъ, занимающихся обработкою дѣрева 1088 м. 11 женщ. (чл. 918 м., 1512 ж.), жмудинъ 849 м. 5 ж. (чл. сем. 578 м., 1354 ж.), латышей 268 м. 3 ж. (чл. сем. 210 м., 425 ж.). Въ сувальской губ. 585 м., 5 ж. (чл. сем. 411 м., 889 ж.), въ виленской губ. литовцевъ—284 м., 2 ж. (чл. сем. 185 м., 348 ж.).

Количество столяровъ, каменщиковъ, ремонтеровъ и др. среди литовцевъ опредѣляются слѣдующими статистическими данными: въ ковенской губ. 1210 м., 2 ж. (чл. сем. 1003 м., 1946 ж.), жмудины 1275 м., 4 ж. (чл. сем. 653 м., 1464 ж.), латышей 242 м., 1 ж. (чл. сем. 186 м., 311 ж.). Въ сувальской губ. 300 лит. м., 2 ж. (чл. сем. 238 м., 463 ж.) въ виленской губ. 635 м. (чл. сем. 489 м., 893 ж.)

Изготовленіемъ одежды, какъ самостоятельнымъ промысломъ въ ковенской губ. живутъ 2582 лит. муш., 469 женщ. (чл. сем. 624 м., 1270 ж.), латышей 113 м., 94 ж. (чл. сем. 57 м., 128 ж.). Въ сувальской губ. 1518 м., 213 ж. (чл. сем. 436 м., 984 ж.). Въ виленской губ. 557 м., 96 ж. (чл. сем. 254 м., 527 ж.).

Любя родину и питая какое-то мистическое благоговѣніе предъ землей, литовець не цѣнитъ отхожихъ промысловъ.—Эти промыслы въ Литвѣ находятся въ примитивномъ положеніи. Даже такимъ сравнительно выгоднымъ занятіемъ, какъ извозъ, литовцы занимаются неохотно. Въ виленской губерніи—извозчиковъ литовцевъ, специально живущихъ этимъ промысломъ 107 ч. (чл. сем. 75 м., 132 ж.). Въ той же губ. поляковъ извозчиковъ 637 м., 67 ж. Въ сувальской губ. литовцевъ-извозчиковъ—75 м. и 1 женщ. (чл. сем. 67 м., 141 ж.). Въ ковенской губ. литовцевъ 223 м., 5 женщ. (чл. сем. 144 м., 308 ж.); жмудиновъ 262 м., 6 женщ. (чл. сем. 370 м., 439 ж.), латышей—14. Впрочемъ, въ послѣднее время, подъ влияніемъ острой борьбы за существованіе, среди литовцевъ стали развиваться понемногу и отхожіе промыслы. Въ сезонъ полевыхъ работъ литовцы ищутъ въ сосѣдней Пруссіи заработковъ. Нѣкоторые съ тою же цѣлью отправляются въ центральныя русскія губерніи.

На фабрики литовець-крестьянинъ идетъ не охотно. Многие фабрики и заводы имѣютъ постоянныхъ своихъ рабочихъ изъ мѣщанъ, нѣмцевъ и поляковъ. Безземельный литовець ищетъ заработка у своихъ помѣщиковъ или богатыхъ крестьянъ. Количество литовцевъ, живущихъ частными занятіями (прислугой, поденщиной) значительно: въ ковенской губ. число ихъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: 8007 муш., 9411 женщ. (чл. семей 5454 м., 10079 женщ.), жмудинъ—6939 м., 8747 ж. (чл. сем. 4215 муш., 8514 ж.), латышей 681 м., 652 ж. (чл. семей 479 м., 947 ж.). Въ су-

валкской губ. 3503 м., 4324 ж. (член. сем. 3092 м., 6214 ж.), в виленской губ.—1817 литов. м., 2366 ж. (член. сем. 1154 м., 2173 ж.).¹⁾

Крупные хозяева обыкновенно держат одного работника на 10 десятинах земли. Наемники эти делятся на парубковъ, полупарубковъ, получающихъ ординарью, и, наконецъ, случайныхъ рабочихъ. Парубковъ получаетъ въ настоящее время отъ 40 до 100 рублей въ годъ на всемъ хозяйскомъ или отъ 10 до 20 рублей и «бонду», то-есть урожаемъ съ поля, на которомъ засеяно 14 гарнцевъ льна, 16 гарнцевъ ячменя, 24 гарнца овса и столько же картофеля. Полупарубковъ, или помощникъ лѣтъ отъ 15 до 20, получаетъ половину такого же содержанія. Въ послѣднее время число дворовыхъ, находящихся на полномъ содержаніи хозяина, повсюду уменьшается. Хозяева стараются замѣнять ихъ рабочими, получающими «ординарью», то-есть избу и плату натурой. Безхозяйственный мужикъ, поступающій на ординарью, называется «кумяць» и получаетъ отъ помѣщика 20—30 рублей въ годъ да разнаго зерна по положенію, соли, хвороста на топливо, сѣна для коровы, которую вмѣстѣ съ овдой и свиньей имѣеть право пасти на барскомъ пастбищѣ. Работникъ съ бабой долженъ отработать 35 и больше мужскихъ дней и столько же женскихъ на своихъ харчахъ и собственными орудіями.

Послѣдняя перепись населенія обнаружила въ Литвѣ огромное количество лицъ неопредѣленныхъ занятій. Въ ковенской губ. ихъ 4004 муш. и 5978 женщинъ (при нихъ членовъ семей 1418 муш. и 3384 женщ.); въ сувалкской губерніи—1288 муш. и 1650 жен. (при нихъ членовъ семействъ 451 муш. и 1063 женщ.); въ гродненской губ.—1967 муш., 1239 женщ. (при нихъ членовъ семей 876 муш., 1778 женщ.). Въ частности, литовцевъ безъ опредѣленныхъ занятій: въ ковенской губ. 1256 муш., 2107 женщ. (член. семей 431 м., 822 женщ.), жмудиновъ 1108 м., 2263 ж. (чл. семей 127 м., 825 женщ.), латышей 61 м., 101 ж. (член. семей 15 м., 33 ж.); въ сувалкской губ. 755 м., 1083 женщ. (член. семей 220 м., 608 ж.); въ виленской губ.—254 м., 543 женщ. (член. семей 110 м., 236 ж.).

Пребываніе такого значительнаго контингента лицъ безъ опредѣленныхъ занятій имѣло своимъ послѣдствіемъ развитіе въ Литвѣ охоты къ переселеніямъ. Больше всего переселяется изъ ковенской и сувалкской губерній.²⁾ Въ одной ковенской губ. въ 1890 году вы-

¹⁾ «Заработки сельскаго населенія въ Сувалкской губ.» о «Труды Варшав. Статист. Комитета» У. Мошковъ; «О литовцахъ Сувалкской губ.» «Живая старина» 1902 г. 1. Объ экономическомъ бытѣ литовцевъ самый богатый матеріалъ даютъ памятные книжки литовскихъ губерній за послѣднее время. Общее обозрѣніе этого быта въ «Разказахъ о Литвѣ и литовцахъ» Москва. 1896 года.

²⁾ «Эмиграція въ Америку изъ Сувалкской губ. и причины, обуславливающая размѣры этой эмиграціи». «Труды Варшав. статист. комит.» 1891 г. вып. V.

дано волостными правлениями около 6 тысячъ паспортовъ. Значительное число мѣщанъ и крестьянъ выѣзжаетъ въ Америку, довѣряя разсказамъ какого-нибудь заграничнаго агента о чудесахъ заморскихъ краевъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ считаютъ больше 60 тысячъ литовскихъ выходцевъ. Работаютъ они больше всего въ коняхъ. Бывшихъ хозяевъ между ними мало,—все изъ дворовыхъ и батраковъ. Гдѣ ихъ живетъ больше вмѣстѣ, тамъ они держатся тѣсной компаніей. На общій счетъ строятъ костель, содержатъ священника изъ литовцевъ, даже печатаютъ газеты на литовскомъ, конечно, языкѣ. Многіе изъ литовцевъ живутъ въ Америкѣ 3—4 года, возвращаются на родину съ достаточнымъ заработкомъ, который обращаютъ на покупку земли и улучшение собственнаго хозяйства. Другіе, устроившись въ Америкѣ, остаются тамъ навсегда и выписываютъ туда семью, или обзаводятся семьей въ далекой сторонѣ.

Если у крестьянина есть хоть мало земли, онъ старается поддержать свое хозяйство случайнымъ заработкомъ. За возъ хворосту или соломы, за позволеніе выкосить межу или ровъ или мочить ленъ въ барскихъ прудахъ онъ готовъ отработать нѣсколько страдныхъ дней, вспахать участокъ поля, нарубить, сколько полагается, дровъ, и тому подобное. Хозяева изъ крестьянъ держатъ только парубковъ, которыхъ принимаютъ въ домъ скорѣе какъ товарищей, чѣмъ наемниковъ. Всѣ они одинаково вмѣстѣ работаютъ въ полѣ и всѣ вмѣстѣ ѣдятъ одно и тоже изъ одной миски. Работницы тоже бываютъ постоянныя и случайныя—поденныя. Постоянныя работницы получаютъ отъ 20 до 35 рублей и полушубокъ, иногда «бонду». Поденныя работницы часто отработываютъ дни за какое-нибудь обязательство, иногда за потрапу, за нѣсколько грядъ огорода, за то, что имъ хозяйинъ разрѣшаетъ собирать въ своемъ лѣсу ягоды, грибы, орѣхи, даже шавель. Цѣны на рабочія руки въ разныхъ мѣстахъ Литвы различны. Въ сѣверной части гродненской губерніи онъ дешевле. Въ ковенской губ. средняя стоимость рабочихъ рукъ выражается въ такихъ цифрахъ: лѣтомъ работникъ съ лошадю на своемъ продовольствіи получаетъ отъ 1 р. 50 коп. до 2 руб. въ день, съ продовольствіемъ нанимателя на 40 коп. меньше, пѣшій работникъ на своемъ продовольствіи—60—70 коп., на продовольствіи хозяина 40—50 к., работница на своемъ продовольствіи—40—50 к., на продовольствіи нанимателя—25—35 к.

Школъ казенныхъ сельскихъ довольно много. Литовцы охотно посылаютъ туда своихъ дѣтей изъ-за льготы по военной повинности. Читать по-польски умѣютъ многіе. Учатся этому языку больше дома. Обыкновенно польскій молитвенникъ служитъ для литовца азбукой и первой книжкой для чтенія.

По просвѣщенію первое мѣсто не только въ Литвѣ, но и вообще въ сѣверо-западномъ краѣ, занимаетъ ковенская губернія, въ которой грамотность населенія доходитъ почти до 55%. *Большая*

половина губернии грамотна. Въ наилучшихъ условіяхъ по отноше- нію къ грамотности находится поневижскій уѣздъ, гдѣ число гра- мотныхъ составляетъ почти $\frac{2}{3}$ населенія. На очень темной картѣ просвѣщенія русскаго народа ковенская губернія и поневижскій уѣздъ представляютъ довольно свѣтлыя мѣста. Наибольшій % грамотности, конечно, падаетъ на школьный возрастъ. Статистики отмѣча- ютъ какъ особенный, исключительный фактъ ковенской губернии, не встрѣчающійся въ Россіи, грамотность женщинъ въ возрастѣ отъ 20 до 29 лѣтъ, превосходящую грамотность мужчинъ этого же возраста почти въ два раза. На Литвѣ множество ксендзовъ крестьян- ского званія. Крестьянинъ, задумавшій направить своего сына по этой дорогѣ, обыкновенно и не спрашиваетъ его, хочетъ ли онъ, быть ксендзомъ,—рѣшено и баста. Мальчикъ съ дѣтства свыкается съ той мыслью, что онъ осужденъ на безбрачіе, но зато будетъ уважаемымъ всѣми настоятелемъ прихода. Кромѣ духовнаго званія, литовцы почи- таютъ еще врачебное дѣло и охотно направляютъ дѣтей по этой до- рогѣ. Конечно, тутъ требуется гораздо больше расходовъ, и потому достиженіе этой профессіи доступно только немногимъ богатымъ крестьянамъ. Всетаки доктора изъ крестьянскаго званія не рѣдкость. Другія городскія занятія для литовскихъ крестьянъ не заманчивы. Адвокатовъ они не уважаютъ и считаютъ ихъ врунами и ябедни- ками. Чиновникомъ же и учителемъ на Литвѣ могъ быть до сихъ поръ только православный.

Въ сувалкской губернии грамотность тоже очень значительна. Гра- мотные обоюга пола въ губернии составляютъ 48,51%; въ городахъ 60% грамотныхъ. Есть уѣзды, въ которыхъ $\frac{2}{3}$ населенія грамотны —напр. владиславскій. Конечно, высокій процентъ грамотности, отмѣченный переписью 1897 года, представляетъ самъ по себѣ явле- ніе отрадное. Но болѣе важнымъ является вопросъ, на какомъ язы- къ эта грамотность. Оказывается, что русская грамотность губернии выражается лишь въ 16,38%, а 32,13% составляетъ грамотность на другихъ языкахъ (преимущественно польскомъ).

Въ виленской губернии грамотныхъ мужчинъ 34,8%, женщинъ —22,9%. Наиболѣе грамотнымъ является духовенство—(87,26% м., 80,04% женщ.), затѣмъ дворяне (61,30% м., 58,55% ж.), иностран- ные поданные (62,49% м., 67,09% ж.) Последнее мѣсто принадле- житъ крестьянамъ—(29,32% м., 17,61% ж.). Немного въ губернии лицъ, получающихъ высшее образованіе: 1,27% муш., 0,81% ж. Духовенство даетъ наибольшее количество лицъ съ высшимъ образованіемъ. Почетные граждане и крестьяне даютъ незначи- тельный % выше начальнаго.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи грамотность гродненской губер- ни, въ которой только 467,507 чел. грамотныхъ (313,044 муш. и 154,463 женщ.), что составляетъ 29,16% всего населенія. Грамот- ность женщинъ почти въ три раза слабѣе грамотности мужчинъ. Сре- ди городского населенія грамотныхъ 48,35%, въ сельскомъ—25,53

Въ университетѣхъ больше всего училось дворянъ — 6,33. Изъ сельскихъ сословій въ высшія учебныя заведенія попало только четыре мужчины и одна женщина.

Педагоговъ литовцевъ не много. Въ ковенской губерніи 102 м., 20 ж. (член. семей 27 м., 37 ж.), жмудинъ 16 м., 9 ж. (член. сем. 6 м., 11 ж.), латышей—6 м., 2 ж. (член. сем. 4 м., 2 ж.), въ сувальской губ. 111 м., 14 ж. (член. сем. 69, м. 116 ж.), въ виленской губ. 32 м., 26 ж. (член. сем. 17 м., 25 ж.).

Занятія науками, литературой, искусствами процвѣтають среди литовцевъ только въ ковенской губерніи. Число литовцевъ, занимающихся этими предметами, выражается въ цифрахъ: 308 муш. и 75 женщ. Поляковъ, занимающихся науками, искусствами въ той губерніи 249 муш. и 56 женщ., великоруссовъ 202 муш. и 47 ж. Въ другихъ литовскихъ губерніяхъ число литовцевъ, занимающихся специально науками, литературой и искусствами, очень незначительно. Такъ въ сувальской губерніи оно выражается числомъ 1 (поляковъ 35 м., великор. 8 м., 10 ж.), въ виленской губ. 8 (поляковъ 333 м., 103 ж., великор. 281 м., 89 ж.).

Литовцы-крестьяне въ общемъ совершенно чужды религіознаго фанатизма и отличаются рѣдкой вѣротерпимостью. Исключенія немноги и рѣдки. Всегда можно слышать отъ крестьянъ: «соблюдай религію, въ которой родился, но только будь честенъ». Литовцы очень уважають добрыхъ людей, къ какой бы вѣрѣ они ни принадлежали. Но отступниковъ отъ какой-бы то ни было религіи крестьяне не любятъ. Католики-литовцы привержены къ церковному обряду. На литовскихъ дорогахъ, перекресткахъ встрѣчаются много крестовъ, часовенекъ. Кресты различны, большей частью распятія Іисуса Христа, помѣщенные въ деревянномъ ящичкѣ, часто за стекломъ. Кругомъ распятія прибиты къ кресту деревянные или жестиныя изображенія орудій мученій. Въ щеляхъ ящика множество ленточекъ, вѣтокъ бумажныхъ цвѣтковъ, на концахъ перекладины креста часто поставлены грубо вырѣзанныя изъ дерева фигурки, изображенія святыхъ.

Съ 18 вѣка и по настоящее время самая главная святыня и центръ литовской народности въ сѣверо-западномъ краѣ—мѣстечко Кальварія въ тельшевскомъ уѣздѣ. Въ мѣстномъ костелѣ находятся иконы Спасителя и Пр. Богородицы, признаваемыя со стороны р. католиковъ чудотворными. Туда ежегодно собирается на богомолье нѣсколько тысячъ народа. При этомъ костелѣ существовала до 1742 года гимназія (коллегія), находившаяся въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства. Кромѣ тельшевской, у литовцевъ очень популярна и виленская Кальварія.

Во время путешествій по Кальваріямъ считается необходимымъ помогать нищимъ. Вслѣдствіе этого нищимъ, особенно кальварійскимъ, живется хорошо на Литвѣ, и ихъ чрезвычайно много. Многіе праз-

дники и богомолья для них настоящая жатва. Нищие за лѣто собирають въ Кальваріи рублей по 100 и больше, да еще нѣсколько свиней откармливають собраннымъ хлѣбомъ. Крестьяне вѣрятъ, что молитвы нищихъ Богу угодны, и охотно за деньги заказываютъ имъ молитвы на поминъ души усопшихъ, за здоровье скотины и за упокой.

Культъ мистическаго почитанія прѣдковъ широко былъ развитъ въ Литвѣ и въ разныхъ формахъ сохранился до настоящаго времени. Литовцы и теперь хранятъ воспоминанія о велесахъ, душахъ прѣдковъ, къ которымъ отправляется душа новопреставившагося. Подъ видомъ ужа, вскармливаемого гдѣ-нибудь подъ поломъ дома, они чтили душу любимаго прѣдка.

Древній литовець не могъ обойтись безъ гаданій. Страстное желаніе разгадать и овладѣть силами природы побудило его вступить въ таинственныя сношенія съ духами, населяющими міръ. Частыя жертвоприношенія черныхъ куръ, поросятъ, барановъ, коровъ, бѣлыхъ коней, почитаніе муравьевъ, змѣй, разные заговоры, заклятья — все это издавна закрывало для ума простаго литовца путь къ естественному развитію и образовывало вокругъ него мистическую обстановку... о чемъ свидѣтельствуетъ масса суевѣрій и предрасудковъ, которыхъ и до сихъ поръ все еще сильно держится простой литовець.

VII.

Юридическія воззрѣнія Литовцевъ. ¹⁾

Основу юридическихъ воззрѣній литовскаго крестьянина составляетъ высоко развитое въ немъ чувство собственности. Въ этомъ чувствѣ заключается вся суть и цѣль жизни литовца. Съ правомъ собственности связаны всѣ наилучшія его чувства и мечты. Въ обладаніи собственностью, особенно недвижимою, литовцы видятъ для себя какую-то возвышенную, святую и облагораживающую обязанность, наполняющую ихъ нравственную и матеріальную жизнь. Только владея собственностью, литовець чувствуетъ себя личностью со всеми

¹⁾ Б. А. Фридманъ: «Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ Сѣверо-Западнаго края». Вильно. 1890 г. (Матеріалы собраны по программѣ для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленной 25 марта 1878 г. г. Матвѣевымъ). *Владимирскій-Будановъ*: «Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права». Кіевъ. 1889 г. (Авторъ преимущественно изслѣдуетъ обычное право литовцевъ по землевладѣнію). «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ». Спб. 1868 г. *Владимирскій-Будановъ*: «Семейное право въ литовско-русскомъ государствѣ въ XVI—XVII в.» «Чт. въ Им. Общ. Нестора лѣтописца». 1860 г. кн. II. Есть и отдѣльное изданіе. *Вольтеръ*: «Объ изученіи семейнаго быта литовско-жемойтскаго народа». Ковно. 1889 г. Юридическій бытъ литовцевъ изучали: Ф. Пекарскій, Александръ Мицкевичъ и Лелевель, Мацкевскій, М. Любавскій, Леонтовичъ, Ярошевичъ, Довнаръ-Запольскій, Э. П. Леонтовичъ, Оед. Чацкій и др.

свойственными человѣку правами и достоинствами. Литовець любить, чтобы у него была полная своя *единоличная* собственность, которую онъ можетъ продать, заложить, безъ всякаго надъ нимъ надзора и отчета. Поэтому-то, несмотря на то, что законъ раздѣлы запрещаетъ, раздѣлы въ Литвѣ совершаются силою и рядомъ, въ обходъ этого закона, нотаріальнымъ, частнымъ порядкомъ. Хозяйства отъ этихъ раздѣловъ все болѣе и болѣе мельчаютъ. Тамъ гдѣ раньше приходилось на ревизскую душу 4¹/₂ десятины, теперь приходится двѣ и меньше. По смерти мужа жена, вопреки законамъ, часто наследуетъ все хозяйство, помимо дѣтей, и владѣетъ имъ пожизненно. Обычай этотъ сохранился еще со времени литовскаго статута.

Чтобы возстановить свое нарушенное право, имѣющее часто даже малую и ничтожную цѣнность, крестьяне не останавливаются ни передъ какими средствами и затратами. Иногда спорному предмету или убыткамъ, произведеннымъ кѣмъ-либо на землѣ, цѣна не болѣе полтинника, а на судебные процессы, чтобы только возстановить нарушенное право, теряются нерѣдко десятки и сотни рублей. Такая привязанность къ недвижимой собственности вытекаетъ изъ особаго взгляда крестьянъ на землю. Литовцы убѣждены, что въ ихъ собственности нѣтъ ни одной пяди земли, которая не была бы орошена кровью и потомъ ихъ предковъ и которая во многихъ случаяхъ стоила имъ ихъ чести и даже жизни. Такимъ воззрѣніемъ на землю, съ одной стороны, и отсутствіемъ строгой, твердо установленной формы матеріальнаго и процессуальнаго права, съ другой, и объясняются часто возникающія земельныя недоразумѣнія, дающія богатую и сильную почву безчисленному множеству различныхъ, самихъ по себѣ ничтожныхъ процессовъ и тягавій по судамъ, вреднаго сутяжничества.

Какъ бы ни былъ незначителенъ участокъ земли, доставшійся литовцу, онъ старается завести на немъ по возможности полное хозяйство, чтобы ни у кого не записывать и ни передъ кѣмъ не обзывать. По представленію литовца, хозяйство есть живое органическое цѣлое, а не мертвая машина сельско-хозяйственнаго производства.

Исходя изъ такихъ строго владѣльческихъ воззрѣній на землю, литовцы до сихъ поръ еще не могутъ примириться съ характеромъ общерусскихъ земельныхъ законовъ. Напримѣръ они до сихъ поръ не могутъ свыкнуться съ закономъ, по которому надѣль принадлежитъ всей семьѣ, а не главѣ семьи, который самъ не можетъ самовольно распоряжаться землею; или что земля не должна быть ни дѣлима ни продаваема раньше выкупа. Литовцы ухитрились обходить эти законы такимъ образомъ. Они сдаютъ землю покупщику въ долгосрочную аренду, а покупщикъ, между тѣмъ, выплачиваетъ выкупныя деньги. По окончаніи аренды, надѣль переходитъ въ его полную собственность за долгъ.

Разбогатѣвши такимъ образомъ, кулакъ, «господарись» (какъ литовцы называютъ кулаковъ), подчасъ загребаешь въ свои руки всѣхъ соседей, и сосѣди, лишеныя земли, идутъ къ кулаку въ батраки. Такой господарись тѣмъ разнится отъ русскаго деревенскаго кулака, что дѣло онъ дѣлаетъ съ одной только землей, — торговымъ и денежнымъ дѣламъ онъ не довѣряетъ и не любитъ ими заниматься, уступаетъ это евреямъ. Самъ онъ копить капиталъ, покупаетъ вѣрные процентныя бумаги, а при случаѣ покупаетъ землю отъ помѣщиковъ и крестьянъ. Но кулаковъ среди литовцевъ, сравнительно мало. Разжившійся крестьянинъ не лѣзетъ въ бары, не жаждетъ умножать свое добро торговлею и всякими коммерческими затѣями.

Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ отношеніе крестьянъ къ общинному землевладѣнію. Совмѣстнаго, или общаго владѣнія имуществомъ между крестьянами, въ дѣйствительномъ и фактическомъ смыслѣ этого слова, почти никогда не бываетъ. Хотя въ случаѣ тяжбъ обрусной судъ и, слѣдуя его примѣру, волостные суды и присуждаютъ спорящихъ или тяжущихся къ общему и совмѣстному пользованію спорнымъ недвижимымъ имуществомъ, но это совмѣстное общее владѣніе остается лишь на «бумагѣ». Правда бываютъ случаи, что крестьяне цѣлымъ обществомъ, въ сообществѣ нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ, покупаютъ у бывшихъ своихъ помѣщиковъ лѣса, находящіеся на ихъ землѣ, или покупаютъ лѣсъ у постороннихъ лицъ, но сейчасъ послѣ покупки они производятъ раздѣлъ, выдѣляя каждому изъ участниковъ предпріятія отдѣльную собственность, пропорціонально сдѣланному денежному вкладу. Единственнымъ предметомъ совмѣстнаго общаго владѣнія, сохранившимся еще и до сихъ поръ, является общее пастбище, которое, вопреки ихъ собственному желанію, по естественнымъ и другимъ причинамъ, не можетъ быть раздѣляемо. Не будь этихъ непреодолимыхъ причинъ, они и пастбища давно подѣлили бы.

Случаи даренія въ крестьянскомъ быту встрѣчаются не особенно часто. Хотя на свадьбахъ — повобрачнымъ, шаферамъ, сватамъ и ихъ родственникамъ, а на крестинахъ — новорожденнымъ, крестнымъ и пріемнымъ ихъ родителямъ и дарится какой-нибудь предметъ изъ продуктовъ хозяйственной принадлежности, но эти подарки, съ точки зрѣнія крестьянъ, нельзя разсматривать какъ даръ въ полномъ и общепринятомъ смыслѣ этого слова. Земельныя даренія очень рѣдки (кроме духовныхъ, конечно, завѣщаній). Въ этомъ отношеніи литовець остается вѣрнѣе своимъ давнимъ историческимъ традиціямъ. Въ актахъ «жомойтской земли», издаваемыхъ «Вил. центр. арх.», хотя и встрѣчаются такъ называемыя «дарственные записи», но онѣ никогда почти не носятъ характера совершенно безкорыстнаго дара. Литовець и жмудинъ всегда даритъ за что-нибудь, за какія-нибудь существенныя услуги. А многія изъ этихъ записей прямо имѣютъ характеръ обмѣна. Мужъ часто даритъ часть своего земельного надѣла женѣ, за принесенное ею приданное, вѣно или движимое имущество.

Хотя юридически имущество мужа и жены различаются, но на практикѣ, въ дѣйствительности это имущество считается общою собственностью обоихъ супруговъ. Мужъ вездѣ и во всемъ является инициаторомъ, а жена—главною его помощницей. Въ сельскомъ хозяйствѣ жена является мужу главнымъ совѣтникомъ, сотрудникомъ и помощникомъ. Она раздѣляетъ съ нимъ все его труды и заботы по веденію хозяйства и отбыванію повинностей. Она участвуетъ во всехъ его полевыхъ работахъ и ведетъ домашнее хозяйство. Мужъ властвуетъ надъ женой, а жена во всемъ неограниченно и безпрекословно ему повинуется и исполняетъ безропотно и покорно все, даже малѣйшія его прихоти. Оскорбленія между супругами строго преслѣдуются волостными судами.

На складъ такихъ воззрѣній могло вліять сильно развитое въ Литвѣ родовое начало. На широкое единственное развитіе этого начала указываетъ между прочимъ самое обыкновеніе литовцевъ жить не деревнями,—а отдѣльными усадьбами. Литовцы и до сихъ поръ любятъ держаться поодаль другъ отъ друга. Въ приговорахъ волостныхъ судовъ въ настоящее время проскальзываютъ такія воззрѣнія, которыя могли воспитаться на почвѣ родового быта. Собирателями юридическихъ свѣдѣній (напр. Фридманомъ) отмѣченъ фактъ различнаго понятія литовцами родства. Тамъ, гдѣ помѣщикъ и собственникъ крестьянъ былъ богаче, имѣлъ больше земли и былъ въ отношеніи къ крестьянамъ болѣе гуманенъ, у крестьянъ явились понятія о всехъ, даже отдаленныхъ степеняхъ родства и свойства. Крестьяне биржанской и чиянской волостей (онѣ прежде принадлежали кн. Радзивиламъ), шавельской, урузевской, янишеской, векшианской и жагорской волостей (прежде принадлежали гр. Зубову) тонко различаютъ степени родства. Тамъ же, гдѣ помѣщикъ былъ суровѣе и крестьяне были у него въ болѣе рабскомъ подчиненіи, литовцы были менѣе развиты и имѣли слабыя понятія о родствѣ. Они знаютъ только близкія степени родства, а объ отдаленныхъ и степеняхъ свойства вовсе не имѣютъ понятія. Но какъ развитые, такъ и не развитые литовцы высоко ставятъ авторитетъ главы семьи, пока онъ держитъ хозяйство. Въ его присутствіи дѣти безъ его позволенія не смѣютъ садиться. Онъ пользуется ихъ трудомъ до 30—35 лѣтъ, запрещаетъ жениться. За ослушаніе можетъ лишить той части наслѣдства, какая сыну слѣдуетъ. За то отцамъ, уступившимъ землю дѣтямъ, часто очень плохо приходится, и суды постоянно завалены ихъ жалобами. Литовцы вообще мстительны и въ данномъ случаѣ дѣти мстятъ родителямъ за ихъ прежнюю суровость. Суды вступаются часто даже безъ жалобы за отцовъ, присуждая такихъ дѣтей къ розгамъ, штрафамъ или холодной.

Когда отецъ уступаетъ дѣтямъ землю, обыкновенно они съ нимъ заключаютъ формальное условіе, гдѣ во всехъ подробностяхъ обозначено, что онъ долженъ получать отъ дѣтей. Родители за долги дѣтей, а дѣти за долги родителей не отвѣчаютъ. Признавая осо-

бую силу за родительскимъ авторитетомъ, народъ, возлагаетъ на родителей отвѣтственность за проступки дѣтей. Въ Литвѣ не рѣдкость, что судъ часто приговаривалъ къ наказанію отца вмѣсто сына. Въ такого рода постановленіяхъ сказывается то положеніе обычнаго права, что родители должны удерживать своихъ дѣтей отъ совершенія дурныхъ поступковъ.

Впрочемъ, патриархальное значеніе отца теперь умалается и чѣмъ дальше, тѣмъ больше ослабѣваетъ. Если дѣти признаютъ распоряженія отца почему либо убыточными и невыгодными, они имъ не подчиняются и даже посредствомъ суда стараются уничтожить ихъ, о чемъ въ прежнее время и помину не было. Бываютъ примѣры, что дѣти обращаются въ крестьянскія учрежденія съ требованіемъ лишить отца распоряженія участкомъ, который просятъ продать тому или другому изъ дѣтей.

Власть родителей надъ дѣтьми прекращается только бракомъ послѣднихъ и выступленіемъ ихъ изъ хозяйства родителей. Совершеннолѣтній же возрастъ не всегда прекращаетъ власть родителей. Родители, имѣвшіе неосторожность еще при своей жизни раздѣлить между дѣтьми свое хозяйство, всегда влечутъ самую жалкую и гонимую жизнь. Дѣти весьма часто отказываютъ имъ въ самомъ необходимомъ: въ пріютѣ, пропитаніи и т. п.

Стариковъ, которые передали свое хозяйство сыну, зятю или родственнику, литовцы называютъ «доживотниками». «Доживотники» получаютъ, согласно уговору, «ординарію», то-есть квартиру, пищу, полотно, сколько уговорено, и нѣсколько денегъ на мелкіе расходы. Батраки, кутники, вообще бѣдность, подъ старость рѣдко находятъ пріютъ у дѣтей, которымъ часто самимъ вѣтъ нечего, и обыкновенно уходятъ нищенствовать. Такихъ народъ называетъ «безиритупниками». Старики богатые, но бездѣтные, живущіе не въ ладахъ съ родственниками, не рѣдко предпочитаютъ доживать свой вѣкъ въ чужой хатѣ.—Тамъ ухаживаютъ за ними лучше и боятся чѣмъ-нибудь обидѣть, потому что надѣются на наслѣдство. Иные ловкіе и хитрые старики пользуются этимъ обычаемъ, чтобы прожить остатокъ дней своихъ въ покоѣ и довольствѣ. Обинякомъ, будто невзначай, промолвится такой старикъ кому-нибудь, что у него въ сундукѣ деньги припрятаны, да прикидывается скуднымъ и жаднымъ, боится будто, чтобъ родственники добра его не растаскали, и сейчасъ найдутся охотники до наслѣдства. Они приглашаютъ старика съ сундукомъ къ себѣ, обѣщаютъ почетъ и уваженіе. Старикъ и живетъ у нихъ до смерти, а послѣ смерти его въ сундукъ находятъ только камни да полѣнья вмѣсто серебрянныхъ рублей...

Боле опредѣленные юридическія возрѣнія литовцевъ сказываются въ ихъ взглядахъ на бракъ, на супружескую вѣрность и пр.

Крестьяне очень часто женятся безъ особаго влеченія брачующихся, преимущественно изъ матеріальныхъ выгодъ и расчетовъ.

Трезвость и непорочность, цѣломудріе, покорность и проч. считаются добродѣтелями второстепенными. Болѣе развитые крестьяне руководствуются при женитьбѣ тѣми соображеніями, коими руководствуется средній классъ остальныхъ некрестьянскихъ сословій, преимущественно средней шляхты. У развитыхъ крестьянъ въ отношеніи брака національность и происхожденіе не играютъ особенной роли. Главное, чтобы брачующіеся принадлежали къ «христіанскимъ религіямъ» и обладали средствами, болѣе или менѣе обезпечивающими жизнь. «Весьма интересно, писалъ въ 1860 году Сырокомля, отношеніе другъ къ другу народовъ литовскаго и русскаго. Литовецъ считаетъ русскаго менѣе нравственнымъ, русскій же трунитъ надъ литовцемъ, ибо считаетъ его менѣе образованнымъ. Русскій охотно женится на литовской женщинѣ, хотя бы она была и не богата. Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ мать литовскаго происхожденія, дѣти русскаго отца уже воспитываются въ литовской народности, или наконецъ ополячиваются, такъ какъ въ этого рода семействахъ польщина играетъ роль посредника».

Знакомства, симпатіи литовской молодежи завязываются почти всегда на такъ называемыхъ «вакарушкахъ», устраиваемыхъ въ деревняхъ почти всеми крестьянами поочередно, безразлично зажиточными или незажиточными, зимой, съ октября до великаго поста. Принужденіе со стороны родителей все-таки рѣдко случается, потому что брачующіеся бываютъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, обыкновенно мужчина 25—30 лѣтъ, дѣвушка 23—20 лѣтъ. Они сами смотрятъ, какъ бы наладить такой бракъ, чтобы хозяйству отъ него было не разстройство, а польза. Брачный возрастъ въ Литвѣ—очень высокъ. Въ ковенской напр. губерніи, какъ показала послѣдняя перепись, въ возрастѣ отъ 15 до 39 лѣтъ числится огромное количество холостыхъ мужчинъ и дѣвицъ (первыхъ 186,336 чел. или 66,31%, вторыхъ—166,205 или 53,39%). Въ виленской губ. холостыхъ муш. 54,7%, дѣвицъ и незамуж. женщинъ 47%. Количество холостыхъ мужчинъ отъ 15 до 39 лѣтъ почти вдвое превосходитъ количество женатыхъ. Для женщинъ эта разница меньше. Въ сувалк. губерніи въ бракъ состоитъ $\frac{1}{3}$ мужскаго населенія. Сватовство въ крестьянскомъ быту затѣвается только тогда, когда родители жениха и невесты и самъ женихъ съ невестой согласятся относительно приданнаго и всѣхъ расходовъ на сватовство и свадьбу. Расходы требуются обычаемъ и со стороны жениховой и со стороны невестинной. Передъ бракосочетаніемъ обыкновенно между родителями брачующихся дѣлается условіе относительно приданнаго, даваемого обѣими сторонами. Условія эти, по большей части, совершаются словесно, въ присутствіи сватовъ, родственниковъ и гостей той и другой стороны. Письменныя условія рѣдки и только тогда бываютъ, когда родители жениха или невесты уступаютъ брачующимся въ видѣ приданнаго въ отдѣльную, отдѣленную и исключительную собственность, извѣстную часть землѣ изъ своего общаго земельного участка. Сдѣлка эта называется «ушкурство» отъ словъ «куреть» или «ушкурить», что есть топить, а въ черено-

сномъ смыслъ обогащать. Кто нарушитъ договоръ, тотъ долженъ вознаграждать другую сторону за издержки. Такъ какъ браки совершаются поздно, то парни и дѣвушки часто свободно ведутъ себя до брака. После земельныхъ тяжбъ больше всего тяготея изъ за обманутой любви. Такія дѣла переносятся чаще въ окружной судъ. Волостной судъ рѣшаетъ обыкновенно такія дѣла снисходительно для обвиняемаго парня, самое большое если присуждаетъ его давать деньги на содержаніе ребенка. Народная совѣсть, видно, не особенно возмущается любовнымъ обманомъ.

Когда выборъ жениха или невесты уже состоялся, родители и родственники обѣихъ сторонъ назначаютъ сговорныя сходбища. Ихъ бываетъ нѣсколько: суреймасъ, заручинось, прагертуресъ, девичь-вакарасъ и т. п. На сговорныхъ сходбищахъ обсуждаются количество, порядокъ и время внесенія приданнаго.

У крестьянъ малоземельныхъ или безземельныхъ, поденщиковъ или батраковъ отсутствіе дѣвственности не составляетъ предмета особой горя новобрачнаго. Нерѣдки примѣры, что крестьянская дѣвушка, имѣя даже двухъ-трехъ незаконнорожденныхъ дѣтей, но обладая сравнительно среднимъ приданнымъ, находитъ себѣ жениха.

Въ случаѣ нарушенія брачной вѣрности, съхавшіеся родные приговаривали обыкновенно виновную сторону къ розгамъ. Этого рода приговоры нравились народу. Въ нихъ выразилось традиціонное возрѣніе на женщину, по которому она была собственностью всего рода.

У крестьянъ сохранилось преданіе о бракосочетаніи малолѣтнихъ. Они объясняютъ, что это дѣлалось для того, чтобы предохранить ихъ отъ соблазна и произвола помѣщиковъ и ихъ служащихъ, а отчасти для того, чтобы получить тѣ льготы и права, коими пользовались при крѣпостномъ правѣ женатые и замужнія.

Формальныхъ разводовъ крестьянскія правовыя возрѣнія вовсе не допускаютъ. Но весьма часты случаи, что супруги, даже скоро послѣ свадьбы, расходятся и живутъ врознь, каждый у своихъ родителей. Причины тому несогласіе характеровъ или порочное поведеніе одного изъ супруговъ. Если у такихъ супруговъ бываютъ дѣти, то послѣднія живутъ или при отцѣ, или при матери, но болѣе часто при матери.

Письменные завѣщанія, составляются у крестьянъ не часто. Они въ большинствѣ случаевъ составляются съ обращенія ссоръ, а главное во избѣжаніе измельчанія

опечительство назначаются преимущественно надъ малоземельныхъ крестьянъ, и то по особому сильному и вѣдѣнью какого нибудь—своекорыстнаго заинтересованнаго лица, а не же незаконно рожденные или дѣти отставныхъ

1964 г.

или запасныхъ солдатъ, бабылей, кутниковъ, поденщиковъ, батраковъ или вообще дѣти безземельныхъ крестьянъ и ихъ имущество (конечно движимое) почти всегда остаются безъ всякой опеки и попечительства. Опека надъ имуществомъ и малолѣтними дѣтьми довольно слабая. Въ числѣ опекуновъ назначается и оставшіяся въ живыхъ супругъ или супруга. Само собой разумѣется, что за отсутствіемъ правильно организованной опеки супругъ или супруга, въ особенности, когда они вступили во второй бракъ, распоряжаясь безконтрольно имуществомъ малолѣтнихъ, преслѣдуютъ исключительно свои личные интересы, а интересы малолѣтнихъ игнорируютъ.

Многіе крестьяне сохранили еще древній обычай праздновать вступленіе своихъ дѣтей въ совершеннолѣтній возрастъ. Въ честь этого праздника родители обыкновенно устраиваютъ «вакарушку» съ подобающими случаю попойкою, танцами и т. п.

Заслуживаютъ вниманія статистическія данныя о литовцахъ преступникахъ, отбывающихъ наказанія и вообще лишенныхъ свободы. Въ Ковенской губ. 471 м., 69 ж. (чл. сем. 6 м.). Въ той-же губ. поляковъ преступниковъ—123 м., 46 ж., великор. 108 м., 12 ж. Въ Сувальск. губ. литовцевъ 176 м., 56 ж. (гл. сем. 8 м., 6 ж.). Въ той-же губ. поляковъ преступ. 66 м., 30 ж., великор. 31 м., 3 жен. нѣмцевъ 7 м., 4 жен. Въ виленской губ. литовцевъ преступниковъ 67 м., 2 жен., поляковъ 19 м., 43 жен., великор. 257 м., 23 жен., бѣлоруссовъ 403 м., 30 ж. Если взять во вниманіе взаимное процентное отношеніе народностей, населяющихъ Литву, то нельзя не признать, что количество преступленій литовцевъ превышаетъ преступленія другихъ народностей. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что литовцы вълѣдствіе оригинальности своихъ убѣжденій, касающихся правъ и обязанностей, все—таки не могутъ еще вполне примириться съ многими особенностями русскаго юридическаго бытія. Мировые судьи въ Литвѣ констатируютъ огромный процентъ такихъ преступленій, которыя совершены преступниками, не знавшими, что они совершаютъ преступленіе.

Ө. Кудринскій.





B00000004 10232